Очерки прошлаго [1]).

Московскій университетъ въ половинѣ 1860-хъ гг.—В. Ѳ. Миллеръ—Студенческій кружокъ. — Чтенія рабочимъ. — Послѣдствіе Караказовскаго дѣла.—Впечатлѣнія въ провинціи.—С.-Петербургское славянское общество.—Бесѣда съ Айвазовскимъ. — Русско-турецкая война 1877-78 г.—Продажа помѣщичьихъ имѣній.—Ожиданія конституціи.

Семнадцати лѣтъ я выдержалъ экзаменъ и поступилъ (въ 1864 г.) въ Московскій Университетъ на юридическій факультетъ. На первомъ курсѣ у насъ читалъ Капустинъ (энциклопедію), Бабстъ (статистику), Бѣляевъ (исторію русскаго права), Соловьевъ (русскую исторію).

Капустинъ, очень представительный, съ хорошими манерами, читалъ бойко и, такъ какъ это было все ново для меня, то я очень заинтересовался энциклопедіею права. Совершенной противоположностью къ нему является хромой, косолапый и очень некрасивый Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ. Его лекціи отличались снотворною скукою. Тѣмъ не менѣе многіе изъ насъ ходили къ нему и онъ давалъ намъ разбирать старыя грамоты. Дѣлали мы это не серьезно и я очень сожалѣлъ объ этомъ впослѣдствіи,

---

[1]) Авторъ «Очерковъ прошлаго» Григ. Александр. Де-Волланъ родился въ 1847 г., 16-ти лѣтъ слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ, 17-ти поступилъ въ московскій университеть. На третьемъ курсѣ по болѣзни уѣхалъ за границу и посѣщалъ лекціи въ Лейцигскомъ университетѣ. Въ 1868 г. сдалъ экзаменъ на кандидата въ Новороссійскомъ университетѣ и затѣмъ отправился въ Константинополь и Грецію. Въ 1873 г. поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ и скоро былъ отправленъ секретаремъ консульства въ Пештъ. Въ это время посѣтили славянскія земли,—хорвато— ербовъ, словаковъ, и угро-руссовъ. Съ началомъ сербской войны поѣхалъ въ Сербію уполномоченнымъ отъ славянскаго комитета и поступилъ добровольцемъ въ сербскую армію. Въ 1878 г. былъ посланъ уполномоченнымъ отъ московскаго славянскаго общества въ Черногорію для раздачи пособій вещами боснякамъ и герцеговинцамъ. Въ 1886 г. назначенъ консуломъ въ Хакодате, въ 1894 г. первымъ секретаремъ миссіи въ Токіо, въ 1891 г. первымъ секретаремъ въ Вашингтонѣ, въ 1902 г. — постояннымъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Мексикѣ, 1906—чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Мексиканскихъ Соединенныхъ Штатахъ, Г. А. Де Волланъ сотрудничалъ въ «Древ. и Новой Россіи», «Рус Архивѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Новомъ Времени» и др. Издалъ книги «По бѣлу свѣту», «Въ странѣ восходящаго солнца» (1898), въ 1881 г. напечаталъ за границею брошюру за своею подписью «Свободное слово о современномъ положеніи Россіи. *Н. И. Афанасьевъ.* «Современники». т. II, 1910 г. стр. 153—156. *Ред.*

когда поступилъ въ Петербургскій Археологическій Институтъ. Посѣщая Бѣляева, я задумалъ писать ему курсовое сочиненіе о боярахъ на Руси до монголовъ. Больше всего впечатлѣніе производила на меня красивая, благородная фигура Соловьева и его пламенная защита Петра.

Кромѣ того, я нашелъ время заниматься санскритскимъ языкомъ у Петрова, слушать химію у Лясковскаго, геологію у Щуровскаго, переводить съ Писаревымъ Гомера. На лекціяхъ у Петрова я сошелся съ Всеволодомъ Ѳедоровичемъ Миллеромъ и познакомился со всей его семьей. Всеволодъ Ѳедоровичъ Миллеръ былъ на филологическомъ факультетѣ. Старшій братъ Миллера былъ медикомъ, младшій братъ долженъ былъ поступить на юридическій. Тамъ же познакомился я съ Страковскимъ.

Отецъ Миллера былъ извѣстенъ, какъ поэтъ и редакторъ юмористическаго журнала «Развлеченіе»... Это была очень интеллигентная семья. Мать Миллера была добрѣйшая, радушная хозяйка, и около этой радушной, патріархальной семьи собиралось много молодежи. Я уже сказалъ, что въ воскресенье всѣмъ тамъ были рады и всѣмъ было мѣстечко за столомъ... Молодые Миллеръ такъ привыкли къ материнскимъ заботамъ о нихъ, что когда Всеволодъ Миллеръ поѣхалъ за границу одинъ, онъ растерялъ всѣ свои вещи и чуть не заболѣлъ... Встрѣтясь съ Всеволодомъ Миллеромъ, я съ нимъ много говорилъ и спорилъ. Онъ первый посягнулъ на моего любимаго автора Бѣлинскаго, замѣтивъ, что Бѣлинскій не обратилъ должнаго вниманія на народное творчество. Потомъ я сознался, что это былъ большой промахъ съ его стороны... Мы очень много спорили съ нимъ о Германіи. Онъ говорилъ, что въ Германіи слишкомъ много партикуляризма и что врядъ ли когда состоится объединеніе Германіи. Я, только что явившійся изъ Германіи, присутствовавшій при разныхъ сборищахъ въ пользу германскаго флота и имѣвшій нѣкоторое политическое чутье (я этимъ всегда гордился), говорилъ, что Германія совершенно созрѣла для объединенія и что нуженъ только человѣкъ, который воплотитъ эту идею... Мое предсказаніе сбылось очень скоро... Всеволодъ Миллеръ относительно политики былъ совершенно равнодушенъ. Онъ очень усердно занимался санскритскимъ языкомъ и по своей спеціальности, и не разбрасывался, какъ я... Я много времени терялъ въ безплодныхъ спорахъ.

Кромѣ горячихъ споровъ о разныхъ вопросахъ, медикъ глумился надъ филологомъ и юристомъ и наоборотъ. Глумленіе, насмѣшки надъ факультетомъ своего противника вызывали отпоръ и доказательства того, что спорящіе часто не знали предмета спора. Медикъ называлъ наше занятіе мертвечиной, философію

глупостью. Я сохранялъ при всякомъ спорѣ болѣе или менѣе безпристрастный взглядъ на науки; я уважалъ одинаково медицину, любилъ естественныя науки и имѣлъ пристрастіе къ древнимъ языкамъ. Всеволодъ раздѣлялъ со мною это безпристрастіе.

Мы рѣшились доказать не въ спорахъ, а фактами, интересъ науки, которой мы даемъ предпочтеніе. Это и послужило поводомъ для лекцій, на которыя мы посвятили воскресные дни. Каждый изъ насъ долженъ былъ поочередно изустно передать самые интересные результаты своей науки. Миллеръ (Всеволодъ) прочелъ, или, лучше сказать, разсказалъ намъ про сравнительную миѳологію, сравнительное языкознаніе, познакомилъ насъ съ трудами новыхъ филологовъ Макса Мюллера, Шлейхера, и остроумными теоріями Гумбольдта (Вильгельма), Гердера и пр. Николай Миллеръ разсказывалъ намъ сначала про растенія, потомъ про зоологію и знакомилъ насъ съ новыми началами своей науки. Послѣ Страковскаго очередь дошла до меня, и я рѣшилъ познакомить ихъ съ трудами философовъ, которыми я восхищался. Я имъ столько говорилъ про Канта, что они заинтересовались имъ. Надо теперь сказать, отчего я такъ пристрастился къ философіи. Читая Бѣлинскаго до поступленія въ университетъ, я былъ пораженъ его философскими статьями, въ которыхъ онъ говорилъ про субстанцію, про вещи въ себѣ, вещи въ явленіи. Эти страницы были навѣяны, какъ я узналъ потомъ, Гегелемъ. Когда я потомъ гостилъ въ Старой Руссѣ, меня поразилъ одинъ родственникъ мой, А. Н. Желтухинъ, слѣдующими словами: «я это всегда выпускаю, потому что не понимаю,—и указалъ на тѣ самыя мѣста, которыя мнѣ такъ понравились. «По возвращеніи я купилъ себѣ Куно Фишера, котораго прочелъ съ большимъ удовольствіемъ. Студентъ 4-го курса, Селиверстовъ, сказалъ, что онъ, не понимая первой части, бросилъ ее читать. Къ оправданію надо привести, что другой его товарищъ, Чупровъ, (потомъ профессоръ), перевелъ двѣ послѣднія части и очень хорошо понималъ Канта. Тогда была мода питать презрѣніе къ философамъ, которыхъ смѣшивали съ грязью. Тогда непонимающіе философскую мысль гордились своимъ неиспорченнымъ умомъ, своими трезвыми взглядами.

Одинъ только Контъ (позитивистъ), котораго всѣ знали по Philosophie Positive былъ избавленъ отъ этого огульнаго порицанія. Съ нимъ нянчились всѣ, посѣщавшіе нашъ кружокъ (не Миллеровскій, а другой, который собирался для развитія народнаго образованія). Я рѣшился съ нимъ познакомиться и нашелъ въ его выводахъ большую послѣдовательность мыслей. Вмѣсто Канта, я сталъ читать Конта и привезъ его съ собою въ Петербургъ,

когда я поселился у своей тетки Иловайской. Тамъ, братецъ ея, П. П. Орловъ, заинтересовался моей книгой и, почитавъ ее, сказалъ: «я бы съ ума сошелъ, если читалъ бы такую книгу», и предсказывалъ мнѣ подобный исходъ. Не знаю, насколько моя лекція убѣдила моихъ слушателей, но они перестали такъ легко относиться къ философіи и сказали нѣсколько словъ похвалы Конту и всей братьѣ философовъ.

Если спросить, что я дѣлалъ кромѣ многочисленныхъ занятій, то я отвѣчу: спорилъ. Не даромъ Николай Миллеръ удивлялся моимъ діалектическимъ способностямъ, но онѣ не привели меня къ чему либо.

Помню, что бывало въ корридорѣ университета собиралось нѣсколько человѣкъ и спорили безъ конца, и я очень часто бывалъ въ этомъ числѣ. Въ университетѣ одновременно съ мной были Шиповъ, братья Оболенскіе. Мы собирались у Шипова, старшій братъ котораго былъ на послѣднемъ курсѣ... Въ этомъ кружкѣ были все богатые молодые люди. Тамъ спорили, занимались музыкой.

Но меня тянуло къ другимъ людямъ, и я скоро попалъ въ совершенно другой кружокъ, къ бѣднякамъ, къ студентамъ, которые перебивались съ хлѣба на квасъ. Нѣкоторые жили въ общежитіи. Тамъ я встрѣтилъ профессора Сергѣя Рачинскаго, который былъ очень милъ со мной. По его рѣчамъ можно было тогда предсказать, что онъ впослѣдствіи посвятитъ себя служенію народу. Тогда, когда я съ нимъ познакомился, онъ затѣялъ переводить классиковъ, и много нуждающихся студентовъ-филологовъ нашли работу.

Потомъ я не помню, какъ я попалъ на вечеринки, на которыхъ я встрѣчалъ Чупрова, тогда уже кончавшаго курсъ, Губина, Селиверстова... Помню, что я очень удивилъ послѣдняго, не приходя въ восторгъ отъ Писарева .«Какъ», сказалъ онъ, «мы слышали про васъ, что вы были за границей. И вы не раздѣляете воззрѣній Писарева». Я тогда возражалъ, что никакъ не могу понять, какъ можно говорить, что пара сапогъ дороже Шекспира... Хотя постарше меня родные считали меня краснымъ, но я имъ не былъ. Моимъ конькомъ тогда было народное образованіе... Желтухинъ, женатый на моей теткѣ Лидіи Григорьевнѣ, спорилъ со мной и говорилъ, что надо сначала поднять народное благосостояніе. — Но такимъ образомъ говорили и объ отмѣнѣ крѣпостного права, что надо сначала образовать крестьянъ, а потомъ дать имъ свободу. Выходитъ сказка про бѣлаго бычка.

Вотъ мой конекъ и привелъ меня въ общество Чупрова, Губина и другихъ, которыхъ теперь не помню и тогда мало зналъ.

Они затѣяли благое дѣло—нѣчто въ родѣ University Extension. Губинъ хотѣлъ читать лекціи рабочимъ по разнымъ предметамъ. Когда собрался комитетъ для воспомоществованія неимущимъ студентамъ, Губинъ предложилъ свои услуги профессорамъ, прочелъ имъ предварительно проектъ и цѣль учрежденія такого общества. Онъ предполагалъ участіе въ этомъ дѣлѣ профессоровъ, которые были бы руководителями юныхъ преподавателей. Профессора отнеслись довольно холодно къ этому начинанію, и мы приступили къ дѣлу безъ ихъ содѣйствія. Къ дѣлу, собственно, мы не приступали, а только къ разсужденіямъ по поводу дѣла.

Въ одно изъ первыхъ собраній я затащилъ своихъ знакомыхъ Миллеровъ и Страковскаго. Этимъ господамъ, основательно занимавшимися наукою, не понравилась болтовня, которая ни на волосъ не подвинула главнаго дѣла. Они уже больше не приходили, я же съ интересомъ слѣдилъ за тѣмъ, что выйдетъ изъ этихъ стремленій... Чупровъ, Анисимовъ, Богдановъ, и др. предлагали избрать комитетъ, которому поручено было составить уставъ, назначить лекціи, прочесть о томъ, какъ ведется это дѣло въ западныхъ державахъ. Выбрали тогда Чупрова, Губина, Анисимова, Богданова и меня. Между этими ветеранами университета я былъ совершенный новичокъ и принялся съ большимъ рвеніемъ за дѣло. Я представилъ записку о народномъ образованіи въ Англіи, во Франціи и Америкѣ, извлекая свѣдѣнія изъ англійскихъ писателей. Начались чтенія Кокоревскимъ рабочимъ. Каждое чтеніе представлялось сначала собранію и послѣ жестокой критики читалось рабочимъ.

Вещь безобидная и въ высшей степени полезная, но она оказалась запрещенною, и потому кружокъ, который хотѣлъ осуществить эту мысль, долженъ былъ дѣйствовать тайно. Нанята была квартира на общія пожертвованія, но это скрывалось отъ полиціи[1]).

Я слишкомъ былъ занятъ посѣщеніемъ разныхъ лекцій, приготовленіемъ курсового сочиненія и не могъ отдаться всецѣло этому дѣлу.

Когда я представилъ мое сочиненіе «О боярахъ на Руси до монгольскаго нашествія», Бѣляевъ былъ въ восторгѣ отъ этой работы и сказалъ тогда: «изъ васъ выйдетъ замѣчательный писатель». — Я работалъ и въ Румянцевскомъ Музеѣ, и въ Чертков-

---

[1]) Былъ, кажется, и уставъ, который вмѣстѣ съ протоколами былъ переданъ мнѣ. Я отнесъ всѣ эти бумаги Николаю Ѳомичу фонъ-Рейсу, и онъ, кажется, закопалъ эти драгоцѣнности въ саду, гдѣ онѣ, навѣрно, сгнили.

ской библіотекѣ, гдѣ я познакомился съ П. И. Бартеневымъ, такъ что у меня времени было очень мало.

Переходные экзамены я выдержалъ блистательно и поѣхалъ съ сестрой въ имѣнье. Тогда я пригласилъ къ намъ погостить и друга моего Миллера. Мы съ нимъ читали, учились вмѣстѣ итальянскому языку, и я скоро могъ декламировать Данте.

Потомъ, когда я посѣтилъ Италію, мнѣ очень пригодились знанія этого языка. Мы ѣздили на лодкѣ на большомъ озерѣ и чуть во время бури не утонули. Затѣмъ мы занялись раскопкою стараго кладбища, уцѣлѣвшаго съ давнихъ времени, еще когда Литва разоряла Новгородскую область. Выкопали нѣсколько череповъ, и я выставилъ ихъ на балконѣ въ своей комнатѣ. Мужики, проходившіе мимо усадьбы, не знали, что дѣлать: иные крестились. Потомъ эти черепа были переданы въ московское антропологическое общество, и что съ ними стало—не знаю. Миллеръ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Сухомъ, чтобы изучить на мѣстѣ корельскій языкъ, составилъ маленькій словарь и грамматику (въ верстахъ 4-хъ отъ насъ была корельская деревня).

Во второмъ курсѣ читалъ лекціи Бабстъ (политическая экономія), Чичеринъ (государственное право), Соловьевъ и друг. Я по прежнему разбрасывался и хотѣлъ всюду поспѣть. Бывалъ постоянно въ Румянцевскомъ Музеѣ или въ Чертковской и въ Университетской библіотекахъ. Послѣ лекціи Чичерина я захотѣлъ ознакомиться въ подлинникахъ съ тѣми авторами, съ которыми онъ знакомилъ аудиторію. На второмъ курсѣ я сошелся съ А. А. Борзенковымъ, который былъ потомъ профессоромъ гражданскаго права при Демидовскомъ Лицеѣ.

Я поѣхалъ на Святую домой и по возвращеніи въ Москву узналъ о покушеніи Каракозова. Это, какъ громомъ поразило все общество, испуганное такимъ безумствомъ . . . . . Этотъ поступокъ далъ полную волю реакціи и то, чему прежде сочувствовало общество, обратилось теперь въ пугало. Къ акту покушенія были дополненія... Филологъ, имени его не помню, котораго всѣ знали за хорошаго и дѣльнаго студента, въ трактирѣ Дюло пилъ за здоровье Каракозова. Генералъ-губернаторъ, призвавъ его,.. съ гнѣвомъ спросилъ: «какъ не стыдно вамъ напиваться, вы вѣрно пили за здоровье Комисарова»... Онъ ему отвѣтилъ, что нѣтъ, и повторилъ тѣ же слова, за что былъ сосланъ куда-то. Въ напуганной фантазіи общества такъ и чудилась рѣзня, и во многихъ энтузіазмъ имѣлъ чисто эгоистическую основу.

Студенты [1]), чтобы показать свою солидарность съ Комисаровымъ, отправились послѣ концерта, даннаго нашими аристократами, сначала къ Каткову, а потомъ къ генералъ-губернатору, на то самое мѣсто, гдѣ ихъ разогнали казаки и произошла битва студентовъ съ мясниками, прозванная потомъ битвой подъ Дрезденомъ (гостиница Дрезденъ). Рубинштейнъ дирижировалъ оркестромъ, и всѣ пѣли «Боже Царя храни». Во главѣ этого движенія былъ Губинъ, Островскій и проч. Я не посѣщалъ концертовъ, за неимѣніемъ положительно времени и не могъ принять участіе въ этомъ братаніи съ массой. Катковъ на другой день помѣстилъ хвалебный гимнъ московскимъ студентамъ. Я уѣхалъ въ деревню, а потомъ въ Старую Руссу. Тамъ встрѣчаю Анисимова, и когда я заикнулся объ народномъ образованіи, я по лицу увидалъ, что онъ желаетъ замять разговоръ. Пріѣзжаю въ Москву, а тамъ уже посадили Губина. Онъ столько путалъ, читая въ это время Руководство къ защитѣ Миттермайера, что призвали въ одиночку всѣхъ посѣтителей бывшаго кружка. Вхожу въ библіотеку (Университетскую), а тамъ совершенно незнакомыя мнѣ лица предупреждаютъ, что меня призовутъ въ Московскую коммиссію.

Послѣ Каракозовскаго покушенія я мелькомъ слышалъ о разныхъ арестахъ. Ни въ какихъ революціонныхъ затѣяхъ я не принималъ участіе. За исключеніемъ безобиднаго общества я ничего не зналъ..... О Каракозовѣ и его товарищахъ я не имѣлъ никакого понятія. Они знали о нашемъ обществѣ и называли насъ «жирондистами». Но опять-таки я ничего объ этомъ не зналъ... Каракозовское покушеніе показалось мнѣ тогда гибельнымъ для Россіи...

Какъ я говорилъ, я слышалъ мелькомъ объ арестахъ. Кое-кто изъ знакомыхъ былъ тоже арестованъ.

Назначеніе слѣдственной комиссіи съ громадными полномочіями меня нисколько не безпокоило... И вдругъ, какъ разъ когда отецъ пріѣхалъ въ Москву и остановился у меня въ номерѣ, въ дверь раздался стукъ, и полицейскій вручилъ мнѣ повѣстку о томъ, что я долженъ явиться въ слѣдственную комиссію. Отецъ мой только что проснулся и страшно перепугался. Онъ говорилъ потомъ, что, получивъ какъ-то по почтѣ мое письмо съ рѣзкой выходкою противъ правительства, онъ поспѣшилъ уничтожить мое письмо... До моего ареста ко мнѣ часто подходили разныя незнакомыя личности и говорили мнѣ: васъ арестуютъ... Но я этому не придавалъ значенія; а тутъ пришлось ѣхать въ эту страшную комиссію. Когда я пріѣхалъ въ сопровожденіи своего полицей-

[1]) Нѣкоторые. *Ред.*

скаго, въ передней кто-то громко сказалъ: неужели и такого ребенка забрали. Это было въ высшей степени обидно для второкурсника.

Въ комнатѣ я увидѣлъ много генераловъ, но они отнеслись, какъ мнѣ показалось, очень мило и сочувственно къ моей особѣ... Я говорилъ правду и только правду, но не говорилъ ничего лишняго, какъ это дѣлали другіе съ перепугу. Я тогда искренно вѣрилъ, что цѣль народнаго образованія не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго. Какъ патріотъ, воспитанный въ Германіи, я пламенно желалъ такого же просвѣщенія и у насъ.— Другихъ цѣлей у насъ не было, своей же цѣли мы достигали только безобидными разсужденіями, за исключеніемъ нѣсколькихъ лекцій, прочитанныхъ народу.

Признаюсь теперь, послѣ многихъ лѣтъ, я ничего не сказалъ о томъ, что у насъ были должностныя лица, предсѣдатели (я самъ былъ такимъ временнымъ предсѣдателемъ). Эта организація была только дѣтская забава, ничѣмъ не опасная для правительственной власти, а могла осложнить дѣло... Теперь я имена перезабылъ, но тогда я назвалъ только тѣхъ, которые были арестованы... Нѣкоторые, какъ напр. Губинъ, наговорили много вздору.. Но я говорю это только съ чужихъ словъ, я не знаю, можно ли этому вѣрить... Но Губина продержали очень долго въ заточеніи, несмотря на то, что онъ участвовалъ въ патріотическихъ манифестаціяхъ.—Изъ полнаго, грузнаго человѣка онъ обратился въ щепку. Но потомъ натура взяла свое, и онъ раздался въ ширину и съ трудомъ карабкался по горамъ въ Крыму. Не знаю, былъ ли арестованъ Чупровъ, но онъ игралъ въ этомъ обществѣ видную роль.

Вѣроятно, члены комиссіи была разочарованы моими показаніями. Мой слухъ даже уловилъ слова: по программѣ. Когда я очень подробно писалъ о сдѣланныхъ нами переводахъ, то даже услыхалъ отъ двухъ или трехъ изъ этихъ важныхъ лицъ: ну, скорѣе кончайте. Вѣроятно, они проголодались, или ихъ подкупило мое юное красивое лицо. Я тогда дѣйствительно былъ очень юнымъ мальчикомъ; очень часто незнакомые люди говорили другъ другу: смотрите, какой хорошенькій мальчикъ. Кончилось тѣмъ, что меня отпустили на всѣ четыре стороны. Не помню, далъ ли я подписку о невыѣздѣ или нѣтъ... Изъ комиссіи я пріѣхалъ домой, но не засталъ отца и оттуда на Кузнецкій мостъ... а тамъ встрѣтилъ отца... «Что тебя уже отпустили сказалъ онъ, и мы разошлись...

Впослѣдствіи изъ разсказовъ я узналъ, что рядомъ съ нами дѣйствовало общество, въ которомъ участвовалъ Каракозовъ,

и немудрено, что это привело въ заблужденіе членовъ комиссіи. Нѣкоторыя лица, посѣщавшія нашъ кружокъ, хотѣли затянуть насъ на другой, болѣе гибельный путь. Губинъ, Чупровъ и другіе отстояли спеціальность нашего устройства и до этого не допустили. Зато, какъ я слышалъ впослѣдствіи, они окрестили насъ либеральною дрянью, жирондистами, присваивая себѣ названіе монтаньяровъ. Послѣ моего показанія отпустили Губина, сидѣвшаго пять мѣсяцевъ. Послѣ этого онъ сдалъ свои экзамены, вошелъ въ милость нѣкоторыхъ профессоровъ и по окончаніи курса отправился въ Америку. Оттуда онъ пріѣхалъ совершенно измѣнившимъ свои убѣжденія и порицалъ всѣ свои прежнія начинанія... Я лично не слышалъ отъ него подобнаго отступничества, но полагаюсь на слова Н. Миллера. Теперь другая волна общественнаго мнѣнія привела его въ славянское благотворительное общество, гдѣ онъ столько же заботился объ образованіи славянъ.

Общество, обоготворившее съ самаго начала Комисарова, видѣвшее въ немъ второго Сусанина, помаленьку забыло свой энтузіазмъ и допустило въ средѣ своей насмѣшку надъ тѣмъ же Комисаровымъ. Когда мнѣ представляли, что это былъ Сусанинъ, я не соглашался. Сусанинъ сознательно обрекъ себя на гибель, пожертвовалъ собою за принципъ, Комисаровъ же сдѣлалъ то, что сдѣлалъ бы всякій изъ насъ, отвративъ руку убійцы. Убійца никогда не можетъ вызвать сочувствія. Доказательствомъ тому можетъ служить другое покушеніе Березовскаго, когда французъ заслонилъ императора отъ выстрѣла убійцы. Разсказывали тогда анекдоты, что жена Комисарова, возгордившаяся значеніемъ мужа, просила толпу посторониться. Когда не послушались ее, она съ гнѣвомъ сказала: «развѣ вы не знаете, что я жена Спасителя?—«Ахъ, извините, мы не знали, что Спаситель былъ женатъ»—было ей сказано ей въ отвѣтъ. Возвратившись съ допроса, я отправился къ Миллеру; тамъ я засталъ брата его, и мы рѣшились мистифицировать бѣднаго Страковскаго, человѣка весьма скромнаго, молчаливаго и хорошаго. Въ вопросныхъ пунктахъ мнѣ предложено было оповѣстить, не было ли между нами поляковъ. Я отвѣтилъ, что нѣтъ, ссылаясь на имена, характеристическія по своему русскому происхожденію. Страковскій былъ молдаванскаго происхожденія, мы прозвали его Страбономъ, и былъ всего разъ, какъ я сказалъ выше, въ нашемъ кружкѣ. Когда я дошелъ до вопроса о полякахъ, я сказалъ Страковскому: «извините, я васъ назвалъ, такъ надо было для Губина», и тѣмъ повергъ его, къ большому удовольствію трехъ Миллеровъ, въ неописанное смятеніе. В. Миллеръ подхватилъ и сказалъ; «ты такой сумрач-

ный, молчаливый все время, и вотъ отчего ты попалъ въ списокъ. Тебя сейчасъ замѣтили и нельзя же скрыть, что ты посѣтилъ этотъ кружокъ». Несчастный не зналъ, куда дѣваться, мы его дразнили, но когда онъ грустный отправился домой, то мы сообщили ему о нашей мистификаціи. Онъ не помнилъ себя отъ радости, пожималъ намъ руки. Вотъ какое было впечатлѣніе, произведенное комиссіей на совершенно невинныхъ членовъ университетской семьи.

Муравьевъ[1]) въ Англійскомъ клубѣ обѣщалъ полную гласность дѣятельности комиссіи, но не исполнилъ своего обѣщанія. Все дѣлалось въ большой тайнѣ, это были послѣднія сатурналіи инквизиціоннаго начала. Ловкіе вывертывались, и иногда невинный, опутанный разными разспросами, сбиваемый въ своихъ показаніяхъ, путался и попадалъ въ категорію виновныхъ. Общество обвиняло въ покушеніи не Каракозова и Ишутина, а поднималось въ своемъ обвиненіи все выше и выше. Правительство выиграло бы несомнѣнно при гласномъ обсужденіи этого дѣла... Многіе говорили, что пытка была въ употребленіи при этомъ процессѣ. Скоро послѣ этого началось профессорское смутное время. Профессора кидали дртгъ въ друга стульями, бранились, интриговали, и поводомъ этого былъ постепенный выходъ изъ университета самыхъ лучшихъ его дѣятелей: Чичерина, Рачинскаго, Бабста, Соловьева и проч.

Слушая затѣмъ лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ, я познакомился съ моимъ соотечественникомъ—Шванебахомъ, впослѣдствіе, онъ былъ, если не ошибаюсь, министромъ земледѣлія и потомъ Государственнымъ контролеромъ. Онъ кончилъ училище правовѣдѣнія и пріѣхалъ для усовершенствованія своихъ знаній въ Германію. Мы вскорѣ такъ сошлись, что почти не разставались. Какъ всѣ русскіе, мы спорили. Шванебахъ тогда былъ въ восторгѣ отъ Мирабо, бредилъ Лассалемъ и меня заставилъ его читать. Я еще тогда былъ фритредеромъ, какъ говорили французы, и восхищался Бастіа.

Шванебахъ почти каждый день сообщалъ мнѣ о томъ, что думалъ Мирабо, что онъ говорилъ, и разныя подробности о его жизни

Послѣ знакомства съ Шванебахомъ я основательно познакомился съ сочиненіями Лассаля и даже впослѣдствіи написалъ подъ вліяніемъ его идей романъ, который былъ напечатанъ въ угро-русской газетѣ «Карпатъ». Я и тогда и теперь признавалъ, что въ соціализмѣ есть жизненное начало, но и въ соціализмѣ не вижу панацею для всѣхъ соціальныхъ золъ.

---

[1]) М. Н. Муравьевъ, предсѣдатель слѣдственной комиссіи. *Ред.*

Соціализмъ, по моему мнѣнію, можетъ развиваться только путемъ постепенной эволюціи, вслѣдствіе компромисса между фабрикантами и рабочими, которые должны со временемъ участвовать въ прибыляхъ предпріятія, затѣмъ синдикаты должны имѣть противовѣсъ въ могущественныхъ рабочихъ союзахъ, которые должны преслѣдовать экономическія, а никакъ не революціонныя цѣли. Государство должно всѣми мѣрами способствовать тому, чтобы такія предпріятія, какъ желѣзныя дороги, рудники сдѣлались государственною собственностью. Также путь, избранный теперь относительно пенсіи престарѣлымъ, увѣчнымъ рабочимъ, надо назвать совершенно правильнымъ... Я тогда, какъ и многіе русскіе, считалъ, что Россія, благодаря своему общинному и артельному устройству, болѣе другихъ европейскихъ государствъ приспособлена къ воспринятію соціализма... Вотъ эти и другія мысли обсуждались во время нашихъ разговоровъ со Шванебахомъ. Говорилъ, впрочемъ, больше всего Шванебахъ. Онъ былъ тогда на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, а я принадлежалъ и тогда къ презираемымъ «постепеновцамъ». Потомъ Шванебахъ уѣхалъ въ какой-то другой университетъ. Послѣ многихъ лѣтъ я увидѣлъ его уже женатымъ и служащимъ по кредитной канцеляріи. У него была очень хорошенькая жена и нѣсколько дѣтей. Для увеличенія средствъ къ жизни онъ управлялъ громадными имѣніями какого-то богатаго барина. Куда дѣлись его соціалистическія иллюзіи? Онѣ растаяли, какъ вешній снѣгъ, подъ напоромъ жизненныхъ потребностей.

Пробывъ еще одинъ семестръ въ Лейпцигѣ, я вернулся въ Россію. Дѣла задержали меня въ Москвѣ, и я увидѣлъ кружокъ моихъ московскихъ знакомыхъ (въ зиму 1865 г. до поступленія въ университетъ) князя Трубецкаго, моего дядю Ивана Ѳедоровича съ супругою и др. Вспомнилъ я прежнее время и не узналъ прежнихъ людей. Надо сказать, что это было время, когда московское дворянство въ лицѣ своихъ представителей подало адресъ о конституціи. Голохвостовъ тогда ораторствовалъ о пользѣ Земской Думы, заключавшей въ себѣ всѣ сословія. Гр. Орловъ-Давыдовъ, англоманъ, по-англійски выговаривая нѣкоторыя русскія слова, хотѣлъ такой же конституціи, какую англичане огнемъ и мечемъ добыли изъ рукъ Стюартовъ, Тюдоровъ и Ганноверской династіи. Безобразовъ не уклонялся отъ вопроса и просилъ дворянской грамоты Екатерины II. Адресъ былъ составленъ, но до поданія его было далеко. Правительство просто объяснило, что дворянство не имѣетъ права ходатайствовать за другія сословія и что всѣ права исходятъ изъ самодержавной власти.

Въ кружкѣ моихъ родственниковъ я видѣлъ самыхъ главныхъ представителей московской аристократіи (Оболенскихъ, Трубецкихъ). Это время было время броженія, но я назвалъ бы его бурею въ стаканѣ воды. Андрей Иловайскій, одинъ изъ вновь испеченныхъ либераловъ, знакомый съ Герценомъ, Бакунинымъ, хотѣлъ идти на первый призывъ Гарибальди сражаться противъ папы. Иванъ Ѳеодоровичъ тоже присталъ къ демократамъ, и жена его говорила, что онъ воспитаетъ изъ своего сына истаго республиканца. Князь Т. былъ за Гарибальди, за поляковъ, за крестьянъ, но когда я встрѣчалъ его на Дону, онъ перемѣнился. На вопросъ французскаго гувернера Грожассе: «Князь, что подѣлываютъ ваши друзья-итальянцы»,—онъ смутился и не могъ выговорить ничего. Иванъ Ѳедоровичъ не усердствуетъ по прежнему и иногда приколотитъ своего лакея за оплошность. Когда умеръ Линкольнъ, онъ одѣлъ траурный крепъ и сказалъ, что онъ носитъ трауръ по этомъ великомъ дѣятелѣ на почвѣ освобожденія человѣчества. Онъ же мнѣ сообщилъ про француза портного, узнавшаго о фіаско московскаго адреса и сказавшаго ему: «Est ce qu' on demande une constitution, on la prend». Орловъ-Давыдовъ потерпѣлъ сильнѣйшее фіаско. Онъ напечаталъ самый адресъ въ «Вѣсти», что было противозаконно. Ему за это велѣно явиться въ полицію. Онъ не пришелъ подъ предлогомъ болѣзни, думая по англійской пословицѣ: «Мой домъ, мой законъ» и что его не возьмутъ насильно изъ дома. Въ этомъ сильно онъ ошибся. Его взяли. О дальнѣйшей перепетіи этой драмы я не знаю и не слѣдилъ за нею, потому что видѣлъ совершенное равнодушіе общества къ своимъ представителямъ.

Вечера у моей тетки проходили очень весело. Я почти каждый разъ слышалъ игру Николая Рубинштейна, одного пѣвца, и вдобавокъ занимались политикой и играли въ оппозицію. Такое отступничество черезъ нѣсколько лѣтъ невольно поражало неиспорченнаго человѣка. Князь Т. давно забылъ о своемъ либерализмѣ, когда получилъ 500 т. отъ своей матери. Въ московскомъ университетѣ я слышалъ про талантливаго Захарьина. Онъ тоже, говорятъ, подавалъ руку студентамъ, спрашивалъ позволенія начать лекцію. Когда онъ прославился, нажился, онъ сталъ высокомѣрно обращаться съ тѣми же студентами, сталъ хвалить Полунина, котораго считалъ прежде достойнымъ посмѣшища. Проф. Леонтовичъ до ректорства считался самымъ либеральнымъ профессоромъ, а когда достигъ этой высокой степени, сталъ кадить Голубцову, давать обѣды и проч. Поневолѣ вспомнишь прекрасныя слова Эдгара Кине, что не достаетъ характеровъ. Самая широкая конституція сдѣлается мертвою буквою при недостаткѣ

характеровъ. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу: «Ah croyez moi: le mal vient de l'absence des caractères»...

Мнѣ хотѣлось по окончаніи курса поступить въ горное училище въ Фрейбергѣ. Въ это время въ войскѣ Донскомъ, въ Екатеринославѣ только и было разговору о каменноугольныхъ копяхъ, о желѣзной рудѣ. У нѣкоторыхъ, какъ напримѣръ, у дяди Леонова въ Нагольчикѣ была серебряно-свинцовая руда. Хотѣлось быть экспертомъ въ такомъ дѣлѣ, но въ Фрейбергъ я не попалъ, а вмѣсто того попалъ въ имѣніе.

Край нашъ съ проведеніемъ желѣзной дороги подвинулся значительно впередъ [1]). Имѣніе мое, которое при опекунствѣ давало кое-когда 4000, дало арендатору Познякову безбѣдное существованіе и независимость. Онъ купилъ себѣ имѣніе, и меня радуетъ видъ усовершенствованнаго хозяйства, новыя машины, древонасажденіе, которое онъ хочетъ завести въ своемъ имѣніи. Ферзенская экономія заводитъ усовершенствованные плуги Рансома, жатвенныя машины. Уѣздъ Александровскій уже давно, благодаря Корфу, завелъ у себя народное образованіе, я тоже завелъ у себя школу. Благодаря Буйницкому, древонасажденіе успѣваетъ очень скоро. Крестьяне моей деревни очень богатѣютъ, и каждый имѣетъ нѣсколько работниковъ, берутъ въ аренды помѣщичьи земли. Французы и англичане, пронюхавшіе про наши угольныя копи, пріѣхали сюда покупать земли и подняли цѣну на нее. Московская фирма, Борисовскій и К°, купила тутъ имѣніе Гаврилова за 250 тысячъ и хочетъ столько же положить на обработку его. Они выписали паровой плугъ изъ Англіи. Коммерческій духъ повліялъ благопріятно на страну, обладающую всѣми богатствами. Рядомъ съ этимъ шаганіемъ впередъ, въ нравахъ есть что-то старое, неуклонно преслѣдующее проявленіе новизны. Мировые судья Подгор. и Ш. составили между собою компанію и судятъ крестьянъ за каждую мелочь безпощадно. Вотъ, напримѣръ, случай изъ судебной практики здѣшняго края. Идетъ мальчишка съ удочкою. Его останавливаетъ мировой судья... «куда идешь, рыбу ловить?» Тотъ отвѣчаетъ утвердительно. Ломаютъ удочку и затѣмъ штрафуетъ отца на 20 р. Наслѣдникъ съ Цесаревною поѣхали въ Новочеркасскъ на 300-лѣтній юбилей Войска Донского. Предводитель, исправникъ и весь служебный людъ ѣдутъ встрѣчать ихъ на Константиновскую станцію. Было уже 10 час.—и при приближеніи къ станціи спущены были сторы. Предводитель вернулся ни съ чѣмъ, увидѣвъ только одинъ вагонъ

---

[1]) Это записано въ то время.

наслѣдника. Въ двѣнадцать часовъ они собрались ѣхать и въ лунную ночь потребовали провожать ихъ. Мужики уперлись. Тогда Ш. сталъ трепать стариковъ за бороду, браниться на чемъ свѣтъ стоитъ. Дѣло это было донесено, какъ сопротивленіе власти, и ослушниковъ присудили къ 3 мѣсяцамъ острога. Нѣкоторыя личности такъ и просятся въ отвѣтъ Гоголю на просьбу его писать записки и присылать ему для соображенія. Живетъ тутъ, напримѣръ, Филимоновъ, владѣтель 18 тыс. десятинъ. Онъ не сѣетъ, не жнетъ и живетъ въ какой-то полуразвалившейся хатѣ. На деньги за проданное сѣно онъ живетъ, конечно, очень бѣдно. Теперь онъ затѣялъ процессъ съ компаніей желѣзной дороги, что она провела по его землѣ дорогу. Онъ же къ этому арендуетъ еще 10 т. земли и тоже не занимается запашкою, только съ тѣмъ, чтобы другіе не пахали. Онъ защитникъ овражковъ и не позволяетъ ихъ истреблять на своей землѣ. Какъ-то разъ мужики копали у него колодезь и нашли у него уголь. Когда они пришли къ нему съ поздравленіемъ, онъ испуганно встрѣтилъ ихъ и велѣлъ немедленно набросать землю въ вырытый колодезь и строго наказалъ не говорить кому-нибудь объ этомъ. Вмѣстѣ съ этими оригиналами живутъ люди съ очень слабыми нравственными началами. Надо сказать, что въ этой же средѣ, которая видитъ даже въ крестьянской реформѣ какое-то грубое насиліе со стороны правительства, вышли извѣстные всѣмъ поддѣлыватели серій: Гавриловъ, Карповъ, Шаховъ и проч. Семейная жизнь тутъ такъ же не процвѣтаетъ. Тамъ жена выгнала мужа, замѣтившаго склонность ея къ учителю. Тамъ другого рода проступки, характеризующіе нравственный горизонтъ, живущихъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ. Надо надѣяться, что новый духъ проникнетъ со временемъ въ этотъ міръ, погрязшій въ тинѣ невѣжества и безнравственности. Здоровый элементъ во всемъ этомъ крестьяне, несмотря на крайнее ихъ невѣжество. Я имъ говорилъ объ устройствѣ школы, на которую я хочу пожертвовать имъ 800 р. въ годъ. Они не прочь построить ее, и только не достаетъ энергіи въ исполненіе задуманной цѣли.

Побывавъ въ Петербургѣ по одному спѣшному дѣлу, я записался въ члены славянскаго Благотворительнаго Общества. Гильфердингъ (предсѣдатель и вмѣстѣ съ тѣмъ и мой родственникъ), познакомилъ меня съ самыми крупными дѣятелями этого Общества. Я увидѣлъ тутъ гр. Комаровскаго, пріѣхавшаго прямо изъ Праги, гдѣ онъ покончилъ со всѣми контрактами по устройству православнаго храма. Онъ былъ героемъ вечера, всѣмъ раз-

сказывалъ поодиночкѣ, что онъ встрѣтилъ въ чехахъ большое сочувствіе къ начатому дѣлу; объяснилъ устройство храма и далъ полный отчетъ объ израсходованныхъ суммахъ (около 20 т., собранныхъ по подпискѣ въ Москвѣ). Самъ онъ богатый человѣкъ, живущій въ Москвѣ, и дѣятель, но принявшійся за славянское дѣло. Тутъ былъ также и Раевскій, котораго всѣ знаютъ за хорошаго пастыря. Онъ произнесъ рѣчь. Гильфердингъ тоже благодарилъ гр. Комаровскаго. Бестужевъ-Рюминъ, Гербель сдѣлали то же самое. Дѣло славянской пропаганды кажется мнѣ первой важности; космополитизмъ, проповѣдуемый многими нашими дѣятелями, не имѣлъ никакого отношенія къ событіямъ дня и къ событіямъ будущаго. Пришла эпоха большихъ агломерацій, соединенія народности сливаются въ громадные организмы, имы должны быть наготовѣ передъ грядущими событіями.

Я очень былъ доволенъ, что могъ примкнуть къ такому обществу, которое, конечно, не совсѣмъ отвѣчаетъ моимъ желаніямъ. Желаніе обратить въ православіе всѣхъ славянъ слишкомъ не политично,и это не должно служить препятствіемъ къ объединенію.

27 октября 1871.

Послѣ четырехмѣсячнаго пребыванія въ Ялтѣ, въ которой я началъ свой романъ «Сытые и Голодные», я ѣхалъ на параходѣ по дѣлу въ Таганрогъ. Переѣздъ былъ очень интересенъ для меня во многихъ отношеніяхъ. Общество сплотилось въ такое дружное цѣлое, что жаль было разстаться съ нимъ, подъѣзжая къ Таганрогу. Ѣхалъ съ нами Айвазовскій, и онъ первый заговорилъ со мной. Лицо его показалось мнѣ похожимъ на всѣ армянскія лица. Но это впечатлѣніе изглаживалось, когда онъ говорилъ. Въ улыбкѣ было столько тонкости. Тонкія губы давали тонъ всему выраженію, и къ этому полные блеску глаза. Интересъ, презрѣніе, все такъ скоро смѣнялось на этомъ лицѣ, которое казалось мнѣ открытою книгою. Онъ просилъ меня побывать у него въ имѣніи. Разговоръ зашелъ сейчасъ серьезный—о женщинахъ. Онъ не признавалъ эмансипаціи женщины, считалъ ее годною на однѣ семейныя работы... У моей дочери, говорилъ онъ, много способностей, а она рисуетъ цвѣты. Разговоръ перешелъ на французскую архитектуру. Ихъ дворцы и замки неуютны, видно, что они не любятъ дома сидѣть. Посмотрите въ Англіи, тамъ каждый простой человѣкъ лучше живетъ въ своей хижинѣ. Я съ нимъ не согласился, но не спорилъ слишкомъ горячо. На другой день, въ присутствіи одного донского генерала, одного д-ра, мы затѣяли споръ о необходимости критики въ искусствѣ. Это было мое мнѣніе, и я приводилъ Лессинга, Бѣлинскаго и пр.

Айвазовскій говорилъ, что критика мѣшаетъ живописи и вообще искусству. Дошелъ разговоръ послѣ многихъ варіацій и до моего любимаго поэта Гёте. Айвазовскій напалъ страшно на Гёте за нелѣпость вымысла въ Фаустѣ. Генералъ тоже вложилъ свое слово и сказалъ, что онъ не понимаетъ Фауста. Въ этомъ, по его мнѣнію, сужденіи заключается важный недостатокъ. Я отвѣчалъ генералу, но тоже и Айвазовскому, обративши противъ него его же оружіе. Онъ только что требовалъ свободы для созданія искусства, а тутъ же напалъ на Гёте за ту же свободу. Докторъ былъ моего мнѣнія, и споръ вышелъ очень оживленный. Тутъ я изучилъ всю мимику Айвазовскаго. Ему разговоръ пришелся понутру, хотя ему и пришлось выслушать нѣкоторыя возраженія. Когда всѣ разошлись, одинъ гвардеецъ обратился ко мнѣ: «не правда ли, сейчасъ видна геніальность у Айвазовскаго». Я не понялъ, откуда онъ это усмотрѣлъ. Въ разговорѣ онъ не высказалъ ничего геніальнаго.

1872 годъ засталъ меня въ Москвѣ. Время я проводилъ весело въ кругу родныхъ и знакомыхъ. По случаю Георгіевскаго праздника въ Москвѣ были нѣмецкіе гости. Въ театрѣ, когда заиграли Wacht am Rhein, голоса, крикнувшіе ура, были наперечетъ. Нелюбовь москвичей къ нѣмцамъ заставляетъ ихъ распространять слухъ о томъ, что наслѣдникъ не любитъ ихъ. Ему приписывали, что онъ во время тостовъ за здоровье и побѣду нѣмцевъ вылилъ шампанское на полъ, за что подвергся выговору. Также разсказывали, что у него при дворѣ говорятъ по-русски и что говорящіе по-нѣмецки или по-французски должны платить штрафъ. Государь былъ у него съ большой свитой и заговорилъ по-нѣмецки; потомъ, обращаясь къ нему при прощаніи, сказалъ: «Я слышалъ, что полагается штрафъ. Вотъ деньги—пожертвуемъ ихъ въ пользу нѣмецкихъ раненыхъ».

Нѣмецкіе гости въ Москвѣ посѣтили университетъ. Принцъ Фридрихъ-Карлъ прошелъ, не снимая шапки, и студенты одѣли свои. Мольтке всѣмъ поклонился, и ему отвѣчали на поклонъ. Ненависть къ нѣмцамъ очень популярна . . . . . .

Я твердо убѣжденъ, что война благотворно отразится на насъ. Начатая за освобожденіе другихъ, она кончится нашимъ соціальнымъ освобожденіемъ. Я неисправимый оптимистъ.

Нельзя сражаться во имя одного принципа и, вернувшись домой, сказать: теперь довольно, свобода нужна Болгаріи, а для

---

[1]) Дѣло идетъ о русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг. *Ред.*

васъ хороши турецкіе порядки. Оттого я такъ страстно желалъ войны и былъ убѣжденъ въ ея неизбѣжности.

Турки насъ выручатъ, говорилъ я товарищамъ. Было время, и я побаивался, что мы отступимъ. Тогда настала для меня тяжелая пора. Не одинъ я злился па все. Ламанскій, Іонинъ, Яковлевъ, Никоновъ, все это злилось и не знало, на чемъ бы злость сорвать.

Никогда не происходило столько разговоровъ, какъ передъ войной. Вспоминается мнѣ рѣчь Аксакова, когда я сказалъ ему, что Черняевъ побѣдилъ бы, если ему выслали дивизію. Не сербское дѣло побѣждать Турцію и не русскому генералу стоять за исключительно сербскіе интересы. Что такое сербы? они играютъ въ конституцію. На перышкѣ хвоста Россіи должны они шествовать. А они еще воображаютъ себя Пьемонтомъ. Кромѣ людей, которые боялись войны европейской, были другіе, которые говорили, что Черняевъ ничего не стоитъ, что вотъ пойдемъ мы, то будетъ тріумфальное шествіе въ Константинополь. Я предупреждалъ нашихъ господъ не цѣнить такъ низко турокъ.

Меня пугало сначала это быстрое шествіе впередъ и невзятіе ни одной крѣпости, ни разбитіе арміи противника. Каково было мое удивленіе, когда я засталъ весь Петербургъ въ унынiи и отчаяніи, что пришлось мнѣ услышать въ нѣсколько дней! . . .

Имъ надо получить Георгія, побѣды русскихъ не въ логикѣ вещей, l'incapacitè règne partout.

Но лучше всего высказался Гирсъ: «Ахъ, Боже мой, сказалъ онъ жалобнымъ тономъ, развѣ вы знаете, если кто-нибудь наглупитъ съ однимъ баталіономъ, ему дадутъ четыре. Необходима конституція, которая оживитъ насъ, а то мы гніемъ». Такіе толки о конституціи напомнили мнѣ тѣ же толки передъ войною. Тимашевъ, или кто-либо другой изъ министровъ, сказалъ, что если потребуются усиленныя средства, то нельзя будетъ миновать конституціи. Царь будто бы сильно задумался надъ альтернативою. Другіе же разсказывали, что царь сказалъ: «Мнѣ ничего, а вамъ-то какъ будетъ».

Въ обществѣ задавали вопросъ: «Съ чѣмъ мы идемъ въ Болгарію?»

Пессимизмъ заразителенъ. Все прежде было въ радужномъ свѣтѣ. Теперь говорятъ о кутежахъ . . . . . о ссорахъ и неспособности главнокомандующаго, о воровствѣ, о безтолковыхъ дѣйствіяхъ Черкасскаго. И все это приправлено такимъ смѣхомъ, такою ироніей, на которую петербуржцы получили привилегію. Слыша все это, васъ беретъ раздумье: Турція, кото-

рую мы всегда били, неужели явится достойнымъ противникомъ Россіи. О это срамъ передъ Европой.

Я записался въ ополченіе. Хочу приготовиться къ экзамену на офицера. Иначе не стоитъ идти. Журналъ «Земство», затѣянный мною, не пойдетъ. Григорьевъ сказалъ: «Правительство не можетъ допустить центральнаго органа для земства». Выходя отъ него, я подумалъ: «Смотри не ошибись: можетъ быть время не далеко, особенно если на Балканскомъ полуостровѣ дѣла не будутъ въ блестящемъ видѣ».

Говоря о Сербіи и о предстоящей войнѣ съ турками, я не сказалъ о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ политическій процессъ въ Петербургѣ. Всѣ вдругъ заговорили о мастерской рѣчи рабочаго Петра Алексѣева, который заткнулъ за поясъ лучшихъ адвокатовъ. Онъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе на всю окружающую публику. С. Я. написалъ даже повѣсть «Скошенный цвѣтокъ», гдѣ фигурируетъ Фигнеръ, но ни одна редакція не рѣшилась ее напечатать. Вообще цензура поступила драконовски и со мной, вычеркнувъ цѣлыя страницы, гдѣ я говорилъ, что Россія не можетъ отказаться отъ славянъ.

Іонинъ и нѣкоторые другіе говорили, что война излѣчитъ насъ отъ всякихъ политическихъ процессовъ. Другіе говорили: мы побьемъ Турцію, освободимъ Болгарію и себя освободимъ. Побьютъ насъ Турки, тогда оглянемся внимательно на собственные недостатки.

Только что былъ свидѣтелемъ раздирающей сцены при отъѣздѣ. Кто-то сказалъ: «вотъ странный народъ, прежде ѣхали какъ на пикникъ, теперь уже говорятъ на вѣрную смерть (послѣ Плевны)». И это подтверждается уже не разъ. Народъ не идетъ такъ весело, какъ прежде, на войну противъ турокъ. На всѣхъ лицахъ уныніе, точно мы не русскіе 1812 года, 53 года. Или очень уже разошлись наши нервы? Теперь 6 т. выбывшихъ изъ строя больше дѣлаютъ впечатлѣнія, чѣмъ Бородинское сраженіе, гдѣ погибло съ обѣихъ сторонъ около 80 т.

Правда, теперь общая воинская повинность: и каждый образованный человѣкъ имѣетъ брата, сына, родственника на войнѣ; связь народа съ войскомъ ближе и тѣснѣе. Бѣда, если военоначальникъ не оправдаетъ довѣрія... Вообще неудачи на обоихъ театрахъ войны отразились на обществѣ, такъ какъ это надо было ожидать. Посыпались разныя остроты въ родѣ титула Шибко Заплеванскій и стиховъ:

Горькая наша доля
Знать досталась свыше,

За Дунаемъ Коля,
На Кавказѣ Миша.
Храбро, будто спьяна,
Смѣло наступая,
Зевинъ да Османа
Съ дуру прозѣвали.
И куда же бѣднымъ
Въ Византію въ гости!
Опустите жъ флаги,
Какъ ужъ сдѣлалъ Костя.
Турокъ побѣдимъ мы,
Дайте умнымъ волю
Да пошлите къ чорту
Мамая да Колю!

Послѣдній стихъ какъ будто оправдался. Явился Тотлебенъ, скверно принятый Н., но по настоянію самого онъ началъ обложеніе Османа. Удача была полная. Османъ сдался, наконецъ, со всею своею арміей.

Говорятъ, что Скобелевъ прежде полученія команды телеграфировалъ Числовой: «съ кѣмъ мнѣ играть въ карты, чтобы получить дивизію». Что ни говори, а вся Россія не помнила себя отъ радости при вѣсти о паденіи Плевны. Напрасно говоритъ Успенскій, что населеніе деревенское не принимало никакого участія въ войнѣ на Балканахъ. У меня постоянно спрашивали газеты, и крестьяне любили поговорить о политикѣ. Нѣкоторые удивлялись, что Викторія, хотя родственница Государю, но поступаетъ не по-родственному съ Россіей. Недовольство нашими неудачами было большое. Бывало, ѣдемъ въ вагонѣ, и начинается разговоръ. Начинаютъ костить того и другого. Приходитъ полицейскій, и при немъ продолжаются тѣ же ожесточенныя нападки на правительство; кто-нибудь въ это время покажетъ на полицейскаго... Пускай доноситъ...—отвѣчали со злобою. Конечно, послѣ Плевненскихъ неудачъ провожавшіе солдатъ просто выли и вопили на всю станцію.

Такъ уже намъ насолила эта Плевна! Положеніе экономическое самое плачевное. У крестьянъ продаютъ до послѣдней нитки. Помѣщичьи имѣнія идутъ тысячами въ продажу. Вотъ цифры. Бессарабско-Таврическій банкъ

продалъ имѣній на	1,568,858
осталось за нимъ	1,008,209
Одесское общество Кр.	2,539,971
осталось за нимъ	1,531,857.

Земельный Банкъ Херсонскій изъ 96 имѣній продалъ—26, Харьковскій Земельный Банкъ насчитываетъ у себя недоимокъ на 1 милліонъ. Нечего говорить уже о недоимкахъ, лежащихъ по земству на крестьянахъ и помѣщикахъ: въ Новг. губ. земствѣ насчитывается 1 милліонъ недоимокъ. Богатѣютъ концессіонеры и чиновники. У нихъ всегда есть деньги. Сколько хлѣба гніетъ по нашимъ дорогамъ, вслѣдствіе безцеремонности Поляковыхъ и др. На одной Константиновской станціи залежь хлѣба на 1 милліонъ. Скажутъ: виновата война. Нѣтъ, война только проявила этотъ безпорядокъ. Штукатурка упала и оказалось, что зданіе дало глубокія трещины. Помочь можно представительствомъ народа. Меня часто удивляло, что при всемъ кажущемся упадкѣ Россія не гибнетъ. И живя въ деревнѣ, я нашелъ отчего. Нижній слой народъ составленъ изъ такого живучаго, гранитнаго матеріала, что какъ ни гнилъ верхній слой, а народъ все вывезетъ. Русскій перейдетъ зимою въ мятель и вьюгу Балканы, подвергаясь всѣмъ неудобствамъ жизни, а все живетъ и держитъ на своихъ плечахъ прогнившій слой нашей петербургской бюрократіи. «Вывезетъ»—думаю я просебя. И талантливыхъ полководцевъ ему не нужно, потому что онъ стѣну лбомъ прошибетъ. Въ Москвѣ и въ другихъ мѣстностяхъ поговариваютъ о конституціи.

Государь сказалъ, будто бы, о необходимости народнаго контроля. Мнѣ извѣстно, что эти толки преждевременны. Напротивъ, Григорьевъ пріѣзжалъ сюда и сказалъ людямъ прессы: «Государь очень доволенъ прессою». Доказательство, что онъ отмѣнилъ нѣкоторыя предостереженія. Надо при этомъ замѣтить, что были нѣкоторыя газеты, не говорю о московскихъ, которыя намекали на конституцію. Могу вамъ сказать, что первая газета, которая бы о томъ заговорила, будетъ закрыта. Да, не затрогивайте Австрію (это лучше всего).

Бартенеѣъ, у котораго я былъ, сообщилъ очень милый анекдотъ о матери Тимашева. Она выражалась про кн. Долгорукова: онъ подличаетъ передъ Катковымъ и боится Аксакова. Депутацію, которая пріѣхала поздравить Государя съ побѣдой, озадачили словами: «Васъ не примутъ, государю извѣстно, зачѣмъ вы пріѣхали. Вы пріѣхали просить о конституціи». Они точно съ неба упали. А еще маленькій анекдотъ про Николая Павловича. Перовскій приставалъ къ нему, чтобы по примѣру католическихъ ксендзовъ убавили бы жалованье и протестанскимъ пасторамъ. Государь не захотѣлъ, но потомъ, по настоянію Перовскаго, приказалъ ему принести бумагу. И тогда, взявъ перо, онъ вдругъ бросилъ его, сказавъ «какъ хочешь,—а на своихъ рука не поднимается. Мать меня возила къ нимъ. У нихъ такое довольство,

цвѣты, чистота и неужели я лишу ихъ всего этого». Аксаковъ при свиданіи говорилъ, что мы водрузимъ крестъ на Св. Софіи. Я позволилъ себѣ усомниться въ этомъ. Слишкомъ насъ связываетъ Австрія.

Аксаковъ былъ противъ конституціи для болгаръ. Я съ нимъ спорилъ по этому вопросу. Онъ говорилъ о сербахъ очень рѣзко, что они себѣ воображаютъ быть великою державою. Онъ сообщилъ мнѣ сказанное Гильфердингу Шуваловымъ. Шуваловъ, увидѣвъ Гильфердинга, сказалъ ему: «у меня много недостатковъ, но недостатка національнаго патріотизма у меня никогда не было». A bon entendeur salut. Вотъ его пошлютъ опять въ Берлинъ.

Гр. де Воллинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки прошлаго.[1]

Въ маѣ 1878 года я вернулся въ Россію и прямо въ деревню, въ Екатеринославскую губ. Послѣ поѣздки въ Черногорію, Далмацію и возвращенія черезъ Болгарію въ Россію (все это было между Санъ-Стефанскимъ миромъ и до Берлинскаго конгресса) я уже не жилъ потомъ въ Петербургѣ... Я не сочувствую убійствамъ—это само собою понятно, но не могу не сказать, что встряска хорошая для Россіи необходима. Теперь уже у лавочниковъ въ Петербургѣ услышишь такія выраженія: «Что Юханцевъ! вѣдь тутъ в..... к..... Хотите вы дѣйствовать противъ какого-нибудь Южнаго Общества (Полякова)—не тронь: акціи въ рукахъ в..... к.....» Пресса не свободна: она не можетъ назвать вещи своими именами... Можетъ ли идти общество такимъ ненормальнымъ путемъ. Наше спасеніе въ конституціи, въ широкой свободѣ слова... Дальше идти такимъ образомъ—это идти къ гніенію.

Я забылъ написать, что въ наше безденежное время урываютъ хорошенькіе кусочки изъ общаго достоянія. К. Н. продаетъ черезъ подставныхъ лицъ мачтовый лѣсъ за безцѣнокъ. Товарищъ министра финансовъ Шамшинъ[2] получаетъ бездоходное имѣніе, дающее нѣсколько тысячъ въ годъ, и черезъ годъ продаетъ его капиталистамъ за полмилліона. Все это, естественно, возбуждаетъ толки, неудовольствія. А у насъ для сокращенія расходовъ хотятъ уменьшить жалованье чиновникамъ. Надо помогать низшимъ — голякамъ. Высшіе получаютъ больше, чѣмъ нужно. Не одинъ министръ финансовъ потребовалъ сотни тысячъ для отдѣлки себѣ дворца.

[1]) См. «Голосъ Минувшаго» 1914, № 2.

[2]) Пав. Ив. Шамшинъ былъ товарищемъ министра финансовъ съ 1 янв. 1874 по 1 янв. 1879 г.

Ред.

Часто приходится мнѣ сравнивать Россію и Францію. Тамъ аристократія въ тяжелую годину революціи сошла со сцены, облитая цѣлымъ потокомъ крови. Она вернулась и получила милліардъ вознагражденія. Одинъ французъ сказалъ: «Mieux vaut perir dans le sang, que dans la boue,» но въ этой грязи погибаетъ наше помѣщичье сословіе. Оно ведетъ трагическую борьбу за существованіе, но какая разница: погибать ли отъ просроченныхъ векселей, исполнительныхъ листовъ или погибать на плахѣ, какъ это сдѣлала французская аристократія. Первое, пожалуй, безопаснѣе, но слишкомъ мелко, и деморализація идетъ по пятамъ нашему погибающему барству. Присутствуемъ мы при нарожденіи буржуазіи изъ крестьянъ - кулаковъ, купцовъ, аферистовъ - дворянъ и разночинцевъ. Молодцомъ называютъ въ обществѣ того, которому въ прежнее время порядочные люди не подали бы руки...

20-го апрѣля совершено покушеніе на Государя[1]). Въ народѣ ходятъ слухи, что царя спасла крестьянская баба. Это очень характеристическая черта. Не хорошо, что хотятъ мѣрами строгости, усугубленіемъ полицейскаго надзора отвѣчать на это покушеніе. Недовольство будетъ расти у тѣхъ, которые относились съ сочувствіемъ къ правительству. Оппортунизмъ и реализмъ — вотъ теперешній лозунгъ. Это хотятъ возвести въ принципъ. Оппортунизмъ — это старчество, это отсутствіе идеаловъ. Человѣчество не обойдется безъ сильной дозы идеализма, фанатизма, прямолинейности. Только въ эпохи отдыха возникаетъ оппортунизмъ. Въ жизни народовъ есть моменты порыванія къ идеалу и, также, моменты оппортунизма. Что такое день для обыкновенныхъ людей. Это—ѣда, питье и толченье воды въ ступѣ. Для человѣка мыслящаго это много. Баронъ Кистеръ на казенный счетъ содержитъ Дика-Пти. Все это факты, которые дискредитируютъ власть и дѣлаютъ ее ненавистною для людей долга и порядка.

Опишу теперь знакомыхъ своихъ въ Петербургѣ.

Ѳ. М. Достоевскій.

Я видѣлъ его прежде въ Славянскомъ Комитетѣ. Меня всегда привлекало его изможденное, страдальческое лицо, слѣдившее съ напряженнымъ вниманіемъ за тѣмъ, что говорилось въ собраніи. Онъ рѣдко былъ доволенъ дѣйствіями разныхъ лицъ. Я рѣшился идти къ нему: мнѣ хотѣлось поближе сойтись съ нимъ, но я не зналъ, что это будетъ довольно трудно. Я взялъ свои брошюры, какъ предлогъ повидать его. Мнѣ повезло. Достоевскій

[1]) Покушеніе 2 апрѣля 1879 г. Соловьева. Ред.

говорилъ со мною нѣсколько часовъ, пока знакомая намъ дама (З. Яковлева) не прервала интереснаго разговора.

Заговорили сначала о противорѣчіи, въ которое впали наши прогрессисты, отрицая народное славянское движеніе. «Они не любятъ народа,—сказалъ Достоевскій,—они отрицаютъ его и готовы уничтожить». Все это онъ говорилъ шопотомъ, таинственно, какъ будто въ комнатѣ находился больной. «Мы уничтожимъ народъ,—говоритъ редакторъ «Отечественныхъ Записокъ (?)». Они похожи на г. генераловъ въ родѣ Гурко, которому ничего не значитъ сказать: «я сошлю, повѣшу сотню студентовъ». Да они такіе же, какъ г. Гурко. Находили, что Щедринъ принесъ громадный вредъ Россіи. Семинаристы, вотъ кто погубилъ Россію — Чернышевскій, Добролюбовъ и т. д. Это одно изъ золъ Россіи — жиды, поляки и семинаристы». Хвалилъ очень книгу кн. Мещерскаго «Графъ Обезьяниновъ на новомъ мѣстѣ». Вотъ эту книгу надо пропагандировать. Съ ней списана (1879 г.) сцена изъ «Ревизора». Всѣ министры, выведенные тутъ, какъ живые. Когда я высказалъ, что Мещерскій смѣшонъ съ своими дворянскими затѣями, Достоевскій перебилъ меня и сказалъ: «Развѣ вы не находите необходимымъ собрать въ какую-нибудь организацію лучшихъ людей. Это необходимо». Въ идеяхъ своихъ онъ сильно склоняется на точку зрѣнія славянофиловъ и ищетъ спасенія въ христіанствѣ, во внутренней правдѣ. «Я могъ бы,—сказалъ Достоевскій,—собрать въ своемъ журналѣ («Дневникъ писателя») искреннихъ, честныхъ людей, любящихъ Россію. Вы будьте нашимъ знаменемъ,—писала мнѣ молодежь».

Я потомъ говорилъ съ нимъ, но гораздо меньше, потому что онъ не любитъ противорѣчій. Когда я показалъ ему на книги, посланныя въ Бѣлградскую библіотеку, онъ уставился на имя Добролюбова. «Вотъ этого не слѣдовало посылать — это ядъ, растлѣніе всего»... и т. д. Когда я удивился его словамъ, то онъ сказалъ, «что онъ когда-то былъ за Петрашевцевъ, но давно излѣчился, и отъ души ненавидитъ всѣхъ революціонеровъ». Въ обществѣ онъ рѣдко говоритъ. Онъ молча и подозрительно взираетъ на каждое новое лицо. Впечатлѣніе производитъ тяжелое, подавляющее, такъ и чувствуешь, что тутъ, при громадномъ талантѣ, есть что-то неладное, ненормальное во всемъ его существѣ. Достоевскій и психіатрія: вотъ впечатлѣніе, которое выносишь отъ обихода съ нимъ. «Онъ фурьеристъ», сказалъ про него Суворинъ. И совершенно правильно. Пускай внимательно прочтутъ его творенія и убѣдятся, что онъ радикальнѣе Щедрина.... Онъ глубокій психологъ (можетъ психіатръ и найдетъ такую глубину ненормально-болѣзненною) и проникаетъ въ глубину души

человѣческой, раскрываетъ въ ней всю мерзость и выталкиваетъ ее наружу, но каждый, который прочтя его сочиненіе, взглянетъ на себя, воскликнетъ: «Да, онъ правъ, и во мнѣ есть эта мерзость!» и тогда въ немъ произойдетъ это стремленіе къ христіанству, къ любви къ ближнему, къ страданію, къ подвигу. Для Достоевскаго не существуетъ шаблонныхъ взглядовъ. Онъ проникаетъ въ глубину всякаго вопроса. Люди, которые начитаются Достоевскаго, начнутъ требовать коренного исправленія соціальнаго строя и не удовольствуются буржуазнымъ парламентаризмомъ. Они поставятъ вопросъ ребромъ, чтобы не было бѣдности. И это почти не невозможность—ученіе Достоевскаго также революціонно, какъ и ученіе Христа, несмотря на то, что въ немъ воздается Кесарю — кесарево.

Я говорю про личное впечатлѣніе, которое производитъ изможденное лицо Достоевскаго, говорящаго какимъ-то зловѣщимъ шопотомъ, но о сочиненіяхъ скажу совершенно другое. Я безусловно поклонникъ его произведеній. Братья Карамазовы — нѣчто высокое, художественное, особенно Великій Инквизиторъ. Хочется мнѣ написать когда-нибудь «Руссо и Достоевскій». Въ обоихъ есть родство. Въ случаѣ революціи—Достоевскій будетъ играть большую роль. Онъ овладѣлъ молодыми умами, онъ говоритъ сердцу человѣка, возвышаетъ васъ, его проповѣдь страданій какъ нельзя болѣе подходитъ къ общему настроенію молодежи. Щедринъ—это нашъ Вольтеръ а Достоевскій — Руссо, и вліяніе его скажется черезъ двадцать, тридцать лѣтъ. Читаетъ онъ и говоритъ мастерски, за душу хватаетъ его тихій, надтреснутый голосъ, чувствуется, что передъ вами глубоко страждущій человѣкъ, даже больной человѣкъ, не шарлатанъ фразы, а глубоко несчастный человѣкъ. Вотъ почему рѣчи его производятъ такое громадное впечатлѣніе. Въ печати уже не то, впечатлѣніе улетучивается. Онъ, какъ и Аксаковъ, слишкомъ свысока относился къ западной цивилизаціи. Съ Аксаковымъ у меня были многія точки соприкосновенія. Во время Берлинскаго конгресса я написалъ статью и настаивалъ на томъ, что намъ не надо спрашивать согласія Европы. Статья моя пролежала нѣкоторое время въ редакціи «Новаго Времени» и, когда Аксаковъ разразился громовою рѣчью противъ Берлинскаго конгресса, оказалась уже не нужна, такъ какъ явилась бы повтореніемъ Аксаковскихъ словъ. Но я не сходился съ Аксаковымъ въ его взглядѣ на конституцію. Онъ называлъ это обносками Европы. «Не надо намъ обносковъ Европы», — сказалъ онъ въ своей рѣчи въ Петербургѣ—и весь залъ разразился рукоплесканіями. Все равно можно было сказать: не надо намъ и те-

лефона, безпроволочнаго телеграфа, ни аэроплана, потому что Московская Русь до этого не додумалась. Потомъ, когда я послалъ ему свое «Свободное слово», то онъ ко мнѣ относился такъ же хорошо, какъ и прежде, и терпимо относился къ моему посланію. Я, конечно, не могъ относиться сочувственно къ аксаковскому призыву «Домой». Куда «Домой», когда старая дорога уже уничтожена преобразованіемъ Петра: и какъ осуществить свободу мнѣнія, о которомъ мечтаютъ старые славянофилы, при несвободныхъ учрежденіяхъ. Земскіе же соборы ничѣмъ не отличались отъ генеральныхъ Штатовъ во Франціи и другихъ представительныхъ собраній въ Европѣ. Это была только извѣстная стадія развитія, а теперь, когда конституціонное движеніе охватило Турцію, Персію и даже Китай, куда мы вернемся? Вѣдь оригинальнаго, своего въ Московской Руси было мало, потому оно такъ легко уступило мѣсто западно-европейской цивилизаціи.

Изъ интересныхъ людей, встрѣчаемыхъ въ то время, былъ и Глѣбъ Успенскій. Я въ первый разъ его увидѣлъ въ Сербіи (онъ былъ, кажется, корреспондентомъ), потомъ онъ поселился въ Сопкахъ, находящихся въ 7 верстахъ отъ Сухого[1]). Онъ описалъ свои впечатлѣнія, и одно у него названо «Слѣпое Литвино». Онъ жилъ со всей семьей въ избѣ богатаго крестьянина, и я также посѣщалъ его въ это время.

Г. И. Успенскій.

Перечитывая теперь его произведенія, я стараюсь припомнить что-нибудь характерное и яркое объ этомъ писателѣ. И вспоминается очень мало. Онъ, какъ и многіе писатели, берегъ всѣ свои впечатлѣнія, свои интересныя мнѣнія для публики. Конечно, онъ отзывался о событіяхъ дня, объ «Исповѣди» Толстого и проч. Иногда онъ высказывался довольно подробно о томъ, что его занимало, но уже гораздо полнѣе и болѣе обдуманное я читалъ въ очередной книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Я бывалъ у него очень часто и иногда слышалъ его жалобы. Онъ мечталъ не отдохнуть, нѣтъ, этого онъ не хотѣлъ, но ему претила срочная работа въ «Отечественныхъ Запискахъ», за которую онъ получалъ гонораръ. И онъ мнѣ говорилъ, какъ онъ откладываетъ эту работу до послѣдней возможности, а затѣмъ засядетъ на всю ночь. Работалъ онъ, обыкновенно, ночью, такъ какъ на петербургской квартирѣ, при тѣснотѣ и при массѣ дѣтей, не было возможности сосредоточиться днемъ, ни сдѣлать что-нибудь нужное. Потомъ,

[1]) Имѣнія автора воспоминаній.

когда онъ поселился въ Чудовѣ, кажется дѣла его пошли лучше. До этого времени у него не хватало денегъ и онъ часто перехватывалъ у меня, но у меня самого было немного, Читая громадный матеріалъ, собранный Успенскимъ, меня беретъ зависть. Вотъ человѣкъ, который имѣлъ громадный опытъ, толкался среди такой умопомрачительной массы людей, что просто изумительно. Моя жизнь прошла, если можно такъ выразиться, среди чистой публики. Находясь въ имѣніи, я бесѣдовалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ крестьяниномъ (я любилъ съ ними бесѣдовать), но они не забывали, что я баринъ. Затѣмъ, если я путешествовалъ, то всегда ѣздилъ въ первомъ классѣ. Даже тогда, когда я разорился, я жилъ въ деревнѣ и не спустился до подонковъ, до дна (горьковскаго), не спился съ кругу, какъ мой двоюродный братъ, а затѣмъ я опять очутился въ извѣстномъ кругу, въ 1886 году я уже былъ на заграничной службѣ, и такъ оставался до 1909 г. Россію я посѣщалъ урывками и многое понимаю, но до дна никогда не спускался, и объ этомъ я всегда сожалѣю. Многое для меня осталось сокрытымъ.

Успенскій, имѣя такой громадный матеріалъ, по моему мнѣнію, создалъ мало художественныхъ шедевровъ. У него не было на это времени, и онъ, сырой матеріалъ, человѣческій документъ, передавалъ читателю съ извѣстнымъ соусомъ, со своими мыслями,—потому что пить-ѣсть надо и дѣтей воспитывать, гдѣ тутъ создавать шедевры... Успенскому я надоѣдалъ своими писаніями и имѣлъ отъ него письма по этому поводу... Видѣлся я у него съ Кривенко, который взялся помѣстить мой разсказъ «Капризъ», но номеръ журнала былъ конфискованъ и вмѣстѣ съ нимъ мой литературный опытъ.

1.

Петербургъ, 15 Января.

Милостивый Государь, Григорій Александровичъ.

Очень благодарю Васъ за память обо мнѣ. Не писалъ Вамъ и не отвѣчалъ на Ваше письмо такъ долго потому, что получилъ пакетъ съ Вашей статьею только на дняхъ; я большею частью зиму провожу въ деревнѣ подъ Новгородомъ, а въ редакцію «Русское Богатство» почти не захожу. Статейку Вашу я прочиталъ, но думаю, что къ печати, по крайней мѣрѣ, въ большой журналъ она неудобна; въ настоящее время можно уже п р я м о, не прибѣгая къ исключительной формѣ, говорить о нуждахъ народа и даже слѣдуетъ говорить о нихъ, какъ можно прямѣе, и яснѣе, и рѣзче.

Печатать же въ какомъ-либо изъ мелкихъ изданій не стоитъ. Да я увѣренъ, что Вы и сами этого не пожелаете. Что же касается до Вашего *романа*, то присылайте его непремѣнно, не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ въ высшей степени интересенъ и что его помѣстятъ безъ затрудненія: кромѣ От. З., въ нашемъ распоряженіи находится съ новаго года и журналъ «*Слово*». Говорю н а ш е м ъ потому, что въ редактированіи его будутъ участвовать почти тѣ же сотрудники, что и въ От. З., Дѣлѣ и Рус. Б. Но если Вы пожелаете выслать его, то посылайте прямо мнѣ и по слѣдующему адресу: Большой Царскосельскій проспектъ, д. № 105, кв. 25.

Если романъ будетъ высланъ, то согласитесь ли Вы на нѣкоторыя поправки или измѣненія? Въ случаѣ какихъ-либо крупныхъ измѣненій—я обязуюсь Васъ увѣдомить, и они будутъ сдѣланы не иначе, какъ съ Вашего согласія.

Въ ожиданіи Вашего отвѣта прошу Васъ быть увѣреннымъ въ глубокомъ къ Вамъ уваженіи *Г. Успенскій*.

2.

Григорій Александровичъ! Романъ Вашъ я прочиталъ: онъ написанъ лучше «Броженія», но все-таки, Вы бы много могли въ немъ убавить и многое прибавить. Прибавить необходимо главы двѣ о Петрашевскомъ, о его кружкѣ. Это дастъ роману значительный интересъ; матеріалы для этого есть въ «Русской Старинѣ» и т. д. Да и лично у Васъ вѣроятно есть также. Кромѣ того, прибавить о Петр. необходимо въ виду явнаго перерыва между 3-й и четвертою частью. Убавить же необходимо тѣ, чисто семейныя, фамильныя черты и отношенія въ сем. Ногайцевыхъ, которыя не имѣютъ типическаго интереса относит. того времени, напр., 1-ю главу 4 части. Зачѣмъ такія подробности? Онѣ могутъ быть въ слѣдующихъ частяхъ. Начало романа также надобно 1-ю главу посократить и ярче выставить студенчество того времени. Это необходимо для того, чтобы фигура Петрашевскаго и его товарищей была ярче, и, чтобы вообще ярче было время 40-хъ годовъ.

Въ виду всего этого убѣдительно прошу Васъ: у Васъ есть цѣлый іюнь мѣсяцъ (Вы сказали, что въ іюнѣ Вамъ деньги не нужны), чтобы все это передѣлать и заполнить недописанныя мѣста. Романъ долженъ прочесть Александръ Михайловичъ Скабичевскій, который всѣ лѣтніе мѣсяцы будетъ завѣдывать редакціею, но я увѣренъ, что и онъ пожелалъ бы также нѣкоторыхъ измѣненій, именно тѣхъ, кои я указалъ выше.

Кромѣ того, дайте, пожалуйста, А. М. Скабичевскому, нѣкоторое время на прочтеніе: онъ дастъ Вамъ полезнѣйшіе совѣты.

Романъ «*Полная Чаша*» я препровождаю въ редакцію жур. «*Слово*» съ письмомъ къ А. М. Скабичевскому и С. Н. Кривенко. Прошу Васъ сначала повидаться съ послѣднимъ (Невскій, 131, кв. 8, лучше всего до 1 ч. дня, и потомъ вечеромъ, часовъ съ 7-ми и въ ред. Поварской пер. часа въ 2. Но лучше всего дома). У Васъ задумана превосходная вещь, — говорю это Вамъ съ полною искренностью, но она разбросана, растянута, словомъ, писана начерно. Не пожалѣйте потомъ, когда хорошій планъ и хорошій матеріалъ пройдутъ незамѣченными или замѣченными мало. Я бы на Вашемъ мѣстѣ передѣлалъ все собственной рукой отъ первой строки до послѣдней — и оба романа. 40-е, 60-е и 70-е годы— вотъ три эпохи, которыя можно, съ Вашимъ матеріаломъ, очертить великолѣпно. *Отдѣлывая вполнѣ тщательно*, главы по три къ каждому мѣсяцу, т.-е. листа по три печ., Вы бы могли печатать романъ года два, съ постояннымъ интересомъ для читателей и, въ концѣ-концовъ, получилась бы капитальная вещь. Впрочемъ, какъ хотите. Наконецъ, есть еще одна бѣда: денегъ теперь въ «Словѣ» мало и платить оно будетъ плохо. Вотъ, что могу сказать Вамъ по совѣсти.

Уважающій Васъ.

Г. Успенскій.

3.

Многоуважаемый Григорій Александровичъ!

Вчера меня извѣстили, что Ваши статьи, т.-е. разсказъ и романъ, возвращены Вамъ и напечатаны быть не могутъ.

Изъ такого скораго отвѣта я заключаю, что Салтыковъ, которому я передалъ эти вещи лично въ присутствіи Кривенко, не могъ за недосугомъ прочитать ихъ и вѣроятно поручилъ Скабичевскому, а Скабичевскій, какъ Вамъ извѣстно, уже читалъ ихъ.

А такъ какъ Вы и сами говорили, что романъ Васъ уже не удовлетворяетъ, то я не думаю, что отвѣтъ редакціи для Васъ будетъ неожиданнымъ. Съ своей стороны я сдѣлалъ, что могъ, а чего не могъ на томъ прошу не взыскивать.

Вашъ *Г. Успенскій.*

На дняхъ я, кажется, подпишу контрактъ съ Баксомъ относительно продажи полнаго собр. моихъ очерковъ, и тогда у меня будутъ деньги. Ужасно, ужасно виноватъ я въ этомъ отношеніи передъ вами. Что дѣлать — нужда.

4.

Многоуважаемый Григорій Александровичъ!

Обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбой: дѣло въ томъ, что, по разнымъ обстоятельствамъ, я не успѣлъ приготовить работы къ № 5 «От. З.». Главнымъ образомъ это произошло отъ того, что, я просто утомился, и мнѣ надобно вздохнуть, хотя съ мѣсяцъ. Половина работы уже набрана, но я *никакъ* не могу дописать до конца, особливо побывавъ въ деревнѣ, откуда возвратился только вчера. Вотъ почему я обращаюсь къ Вамъ съ покорной просьбой нельзя ли мнѣ при Вашемъ посредствѣ добыть рублей 150 до 20 іюня. Въ іюнѣ работа у меня будетъ и должна быть. Кромѣ того, къ 20 или 25 числу іюня и *Слово* получитъ 6 тыс. руб., причемъ я всегда могу взять тамъ такую сумму. Теперь же въ *Словѣ* едва-едва хватаетъ, и то съ величайшими урѣзками, на необходимые расходы. Даже майская книжка будетъ оплачена только въ іюнѣ.

Я очень понимаю, какъ моя просьба непріятна, но я обращаюсь къ Вамъ съ ней потому, что и я самъ всегда готовъ служить Вамъ чѣмъ только могу.

Съ «От. Зап.» у меня особые счеты, которые я нарушать не желаю.

Если можно — не откажите отвѣтить на это письмо.

Пожалуйста, будьте увѣрены, что если Вы и не найдете возможнымъ исполнить мою просьбу, то это нисколько не измѣнитъ Вашихъ ко мнѣ отношеній и меня вовсе не обидитъ.

Мнѣ хочется сейчасъ же уѣхать въ деревню и немного отдохнуть. Тамъ я внимательно займусь романомъ вашимъ, и думаю, что печатать его лучше всего съ іюля, такъ какъ только въ концѣ іюня будутъ деньги, да и лучшія части появятся осенью.

Во всякомъ случаѣ, пожалуйста, простите за это письмо и по прежнему будьте увѣрены въ искреннемъ моемъ къ Вамъ уваженіи.

Г. Успенскій.

5.

Вторникъ 27 августа.

Григорій Александровичъ!

Мнѣ крайне, крайне необходимо было бы достать рублей 50 до выхода 2 № «От. Зап». т.-е. до 14—15 числа февраля — не можете ли Вы мнѣ помочь въ этомъ дѣлѣ? Будьте увѣрены, что я уплачу эти деньги немедленно по выходѣ книжки. Этимъ Вы

меня чрезвычайно обяжете. Если можно, передайте Вашъ отвѣтъ чрезъ Чудновскаго. Я былъ сегодня у Васъ два раза въ 11 и 12, и оба раза не пришлось Васъ видѣть.

Преданный Вамъ
Г. Успенскій.

6.

10 апрѣля, 1879 г.,

Многоуважаемый Григорій Александровичъ!

Сегодня, 8-го мая, только что пришли вещи, между которыми, въ числѣ книгъ и бумагъ, были положены и Ваши рукописи. Слѣдовательно, я только теперь могъ начать чтеніе ихъ. Сегодня же я примусь за 4-ю часть и непремѣнно напишу Вамъ по поводу ея. Вещи и книги пришли такъ поздно потому, что дворникъ, который ихъ отправлялъ — отправилъ ихъ товаромъ малой скорости.

15 числа утромъ я пріѣду въ Петербургъ, и весь день буду ждать отъ Васъ извѣстій. Я крайне нуждаюсь теперь. Переѣздка 10-ти человѣкъ, съ наемомъ дачи, съ тысячью мелкихъ расходовъ, стоила мнѣ ужасно дорого, и вотъ почему, Бога ради извините меня, если я вновь попрошу Васъ—не отказать мнѣ помочь въ такое трудное время. Я отдохну немного и очень скоро справлюсь.

Если адресъ мой Вамъ понадобится до 15, то вотъ онъ: на ст. Волховъ, Ниж. жел. дор., шкиперу парохода «Красотка» для передачи па дачу Ковровцева, противъ Селищенскихъ казармъ Г. И. У.

Пожалуйста, извините, извините и еще разъ извините, что я, ничего для Васъ не сдѣлавъ, пристаю съ моими просьбами. Я сдѣлаю съ величайшимъ удовольствіемъ все, что только могу. Будьте въ этомъ увѣрены.

7.

8 мая, 1881 г.

Многоуважаемый Григорій Александровичъ!

Я сію минуту уѣзжаю на нѣсколько дней по весьма важному дѣлу. Вотъ почему не могу написать Вамъ обѣщаннаго письма сейчасъ, но съ дороги напишу, а лучше если бы были снисходительны и погодили моего возвращенія, я возвращусь скоро, очень скоро.

Но убѣдительно прошу Васъ не отказать въ томъ, о чемъ я просилъ Васъ; я возвращу все очень скоро съ благодарностью. Теперь оставляю дома очень мало денегъ, такъ какъ долженъ взять съ собой по возможности больше, и вотъ почему присылка Ваша будетъ крайне нужна.

Адресъ такой: на ст. Новгород. ж. д., ст. Спасская Полисть, Александрѣ Васильевнѣ Успенской.

Искренно Вамъ преданный
Г. Успенскій.

8

Григорій Александровичъ! Обращаюсь къ Вамъ съ покорной просьбой: по разнымъ обстоятельствамъ я не могъ и не могу зайти за рукописью: не будете ли добры прислать мнѣ ее? Не откажите, пожалуйста, въ этой покорной моей просьбѣ. Кромѣ того, позвольте мнѣ прислать къ Вамъ того молодого человѣка, который желаетъ имѣть мѣсто писаря, чтобы Вы сами могли видѣть каковъ этотъ человѣкъ?

Искренно Васъ уважающій
Г. Успенскій.

Какъ вы нашли письмо?

9

Многоуважаемый Григорій Александровичъ!

Получилъ Вашу телеграмму и буду Вамъ глубоко благодаренъ, если окажется воможнымъ исполнить мою просьбу. Относительно Вашего романа, скажу еще разъ: позвольте мнѣ немного отдохнуть, и я все сдѣлаю, что сочту нужнымъ для того, чтобы исполнить Ваше желаніе. Лишь бы Вы не торопились печатаніемъ. Въ романѣ многое надо передѣлать, какъ я вамъ уже говорилъ, и все это лучше всего сдѣлать не спѣша, опять-таки въ томъ расчетѣ, чтобы печатать съ іюля или даже августа. По моемъ отъѣздѣ въ городѣ останется небольшая квартира въ томъ же домѣ по той же лѣстницѣ и въ томъ же этажѣ, какъ разъ напротивъ моей теперешней кв. 14. Въ воскресенье буду ждать Вашего отвѣта, ужъ на этой квартирѣ. Семья уѣдетъ раньше.

Искренно Вамъ преданный
Г. Успенскій.

10

Григорій Александровичъ!

Ваша раоота находится въ ред. «Отеч. Записокъ», изъ которой Вы и получите отвѣтъ. Я уѣзжая просилъ одного господина справиться, и отвѣтъ Вы должны были бы имѣть въ прошлый еще понедѣльникъ, вѣроятно онъ забылъ. Это письмо Вы получите въ воскресенье и поэтому, чтобы не являться въ редакцію въ понедѣльникъ, когда тамъ получка и ничего толкомъ не добьешься, и Салтыковъ всегда сердится, будьте добры съѣздить съ прилагаемымъ письмомъ въ ред. сегодня, въ воскресенье, лучше всего до часу вручите письмо А. Н. Плещееву и отъ него получите отвѣтъ.

Романъ Вашъ я дочитываю и привезу его въ Петербургъ на этой недѣлѣ.

Вашъ преданный Вамъ
Г. Успенскій.

11

Григорій Александровичъ!

Пожалуйста, не примите на свой счетъ того нервнаго раздраженія, которое Вы не могли не замѣтить во мнѣ сегодня. Ничего иного, кромѣ самаго искренняго уваженія я къ Вамъ не могу имѣть. Но я, дѣйствительно, ужасно боленъ, а сегодня цѣлый день буквально я не имѣлъ минуты свободной отъ людей, которые, зная, что мнѣ надобно работать, читать корректуру, иначе Салтыковъ будетъ взбѣшенъ, и о чемъ же съ ними говорить,—цѣлый день болтаютъ Богъ знаетъ о чемъ. Вотъ причина того состоянія, въ которомъ я находился. Завтра къ 9 час. Вы будете имѣть совершенно окончательный отвѣтъ.

Преданный Вамъ
Г. Успенскій.

Учрежденіе генералъ-губернаторства, хватаніе каждаго подозрительнаго лица не обѣщаетъ ничего хорошаго. Соловьевъ будто бы сказалъ: «меня будетъ судить потомство». Взяли, говорятъ, Философову [1]). У Салтыкова (Щедрина) произвели обыскъ и онъ, пока была у него полиція, расхаживалъ по комнатѣ и пѣлъ «Славься, славься Святая Русь!» [2]). Все это можетъ быть относится къ области миѳовъ, но интересно, что такіе слухи ходятъ.

---

[1]) А. П. Философова должна была уѣхать за границу зимою 1879—80 г. *В. Стасовъ*, Н. В. Стасова. Спб. 1899, стр. 323—4, 327. *Ред.*

[2]) Обыска у Салтыкова не было. *Ред.*

Русское общество на распутьи.

Не знаю, кто-то изъ французской аристократіи сказалъ про свое сословіе: «Мы кончили, благодаря французской революціи, въ кровавомъ потокѣ, а то бы кончили въ грязи». Это примѣнительно къ нашему помѣстному сословію. Стоитъ только внимательно перечесть суд. процессы Гулакъ-Артемовской, Юханцева и другихъ, чтобы примѣнить эти слова къ нашему дворянству. Пословица говоритъ «лежачаго не бьютъ», но наша журналистика затянула свою пѣснь о томъ, что помѣщики—притѣснители. Что это за нападки на сословіе, которое уже близко къ своей ликвидаціи. До 1861 г. дворянство было все. Жалобы на крѣпостниковъ, на помѣщиковъ были тогда умѣстны — потому что былъ объектъ. А теперь объектъ лежитъ въ предсмертныхъ корчахъ, а журналисты поютъ ту же пѣсенку. Обиліе банковъ, желѣзныхъ дорогъ создало цѣлое сословіе людей легкой наживы. Выростаетъ и купечество, кулачество у крестьянъ. Но журналисты нападаютъ на нихъ мимоходомъ, достается все же тому помѣщику. Кто же не знаетъ, что русскій помѣщикъ изъ умныхъ постарается промѣнять тяжелый удѣлъ землевладѣльца на либеральную профессію адвоката, обирающаго своихъ кліентовъ, на концессіонера, живущаго въ Ниццѣ на свои милліоны, на директорскія мѣста въ банкахъ съ громадными окладами. Тѣ, которымъ это не удалось, поступили на казенную службу и все свое вожделѣніе видѣли въ громадномъ жалованіи, въ прогонныхъ и подъемныхъ деньгахъ.

Отчего эксплоатація труда въ другихъ видахъ не возбуждаетъ негодованія? Потому, что русскій народъ привыкъ всегда за неимѣніемъ дѣла пробавляться фразою.

Другой ораторъ-радикалъ въ гостиной уже давно, при наступленіи ликвидаціи крѣпостного права, спустилъ своихъ крестьянъ и обратилъ ихъ въ различные источники, акціи. Въ гостиныхъ можно ораторствовать о благѣ меньшого брата и изъ своего достатка удѣлять ежегодно 10 р. Общество находится, дѣйствительно, на распутьи: кто требуетъ конституціи, кто желаетъ соціальной революціи, кто желаетъ, по примѣру Фамусова, всѣ книги взять да сжечь.

Не надо забывать, что дѣло настоящее, данное въ руки нашему обществу, можетъ быть, излѣчитъ его отъ фразы, отъ гоньбы за словомъ. Но если въ новые мѣха перелить старое вино, то будетъ то же самое. Говоритъ человѣкъ хорошо на каѳедрѣ, въ гостиной, но дай ему дѣло въ руки, онъ тогда и думаетъ, какъ бы полнѣе сколотить состояніе и сдѣлаться капиталистомъ... Пока будутъ

человѣка величать за то, что онъ сказалъ, а не за то, что онъ сдѣлалъ, русское общество будетъ идти къ паденію.

Что такое дворянинъ? Развѣ онъ не былъ лучше тѣхъ, которые теперь измышляютъ себѣ, какъ бы поживиться на чужой счетъ. Иной владѣтель крупнаго журнала только и думаетъ, какъ бы обобрать своихъ сотрудниковъ, заставить ихъ поработать на себя. Дворянство, по моему мнѣнію, сослужило свою службу передъ русскимъ народомъ. Вспомнимъ имена Радищева, Декабристовъ, людей убѣжденныхъ въ святости своихъ идеаловъ и начавшихъ прежде всего быть строгими отношеніями къ себѣ. Но много ли такихъ людей?

Только нелицепріятный и безпристрастный судъ отдѣлитъ псевдо-героевъ отъ настоящихъ героевъ, которые по выраженію Карлейля, показываютъ саможертвованіе ради идеи и забываютъ свое личное я... Онъ выставляетъ нѣсколько чистыхъ и безупречныхъ людей въ родѣ Грановскаго, Бѣлинскаго.

1 Іюнь 1879 г.

Я былъ въ Москвѣ. Все общество находилось подъ впечатлѣніемъ послѣднихъ мѣропріятій генералъ-губернаторства и т. д., говорятъ объ арестахъ. Лесевичъ посланъ въ Восточную Сибирь. Въ народѣ ходятъ слухи о передѣлѣ земли. Въ Харьковской губерніи мужики толкуютъ, что царь недоволенъ молодыми дворянами и отберетъ имѣнія отъ отцовъ. То же толкуютъ въ Новгородской губерніи. Разсказывалъ мнѣ еще Лихачевъ, недавно прибывшій изъ Болгаріи о настроеніи публики. Въ Полтавѣ играли «Боже Царя Храни», но не раздалось аплодисментовъ, а гимнъ прошелъ при мертвомъ молчаніи. Лорисъ-Меликовъ, пріѣхавшій въ Полтаву, былъ привѣтствованъ криками «ура»; онъ сказалъ тогда присутствовавшимъ: «Меня прислали ихъ вѣшать, а они кричатъ «ура», какъ я повѣшу ихъ?»

Аксаковъ очень сердитъ на статью Ковалевскаго о моей брошюрѣ (за одинъ намекъ о немъ) и говоритъ, что эти господа, Пыпинъ и проч., хотятъ взять Славянское дѣло въ свои руки съ тѣмъ, чтобы преподнести Славянамъ Огюста Конта въ худомъ русскомъ переводѣ. Мнѣ все равно, кто возьметъ этотъ вопросъ въ свои руки, — Пыпинъ или Аксаковъ; Славяне сумѣютъ сами различить что имъ нужно: Огюстъ Контъ или Четьи-Минеи. Какая это охота всегда опекать тѣхъ, кого мы любимъ. Нашъ народъ также, если получитъ развитіе, будетъ знать, какое направленіе изберетъ. Ковалевскій высказался какъ конституціоналистъ. Говорилъ, что Градовскій пользуется гг. Аксаковыми и tutti, quanti, чтобы выхватить министерскій портфель.

Хочу подвергнуть разбору абсолютныя начала въ политикѣ и политической экономіи.

Кому полезна свобода торговли? Протекціонизмъ выдвигаетъ богатыхъ фабрикантовъ, но помогаетъ ли онъ массамъ?

Что лучше, конституціонализмъ или соціализмъ? Возможенъ ли конституціонализмъ съ полнымъ счастьемъ массъ? Соціализмъ, доведенный до крайности, спасетъ ли человѣчество?

Соціальная теорія имѣетъ свой разумъ бытія, какъ теорія, исправляющая соціальное зло.

Она вводитъ въ жизнь начала чужелюбія, такъ же какъ и христіанство это проповѣдывало, она вырываетъ изъ рукъ фабриканта дѣтей, женщинъ, сокращаетъ рабочіе часы, можетъ даже дойти до фабрикъ рабочихъ съ государственной субсидіей. Она можетъ смягчить неравенство, но отмѣнить его не можетъ.

Гёте, Наполеонъ и прочіе будутъ всегда господствовать надъ своими собратьями, а мелкіе таланты будутъ эксплоатировать ихъ. Если христіанство, какъ религія, привело къ торжеству формы, обряда надъ сущностью—надъ прекрасными описаніями самопожертвованія и любви, то это же способна сдѣлать одна научная теорія, основанная, положимъ, на силѣ, на всемогуществѣ массы..

Пребываніе въ Москвѣ до Января 1880 года.

Видѣлся съ *Мимою*. Онъ убѣжденъ въ томъ, что и въ Россіи можетъ быть революція. Я оспаривалъ это мнѣніе, но онъ доказывалъ, что революціонный элементъ есть и въ русскомъ обществѣ. Развѣ деревня дѣлаетъ революцію, говорилъ онъ. Революцію дѣлаютъ большіе города. Лѣтъ черезъ двадцать можетъ произойти революція; показывалъ мнѣ очень интересное письмо студента Петра Ал..... Письмо заключалось въ ссылкѣ на статью Вальбера (Revue des deux Mondes). Вотъ въ мое время студенты не читали R. d. d. M., замѣтилъ онъ... Письмо указываетъ на развитіе политическаго протеста въ разныхъ сословіяхъ...Политическая революція заслоняетъ собою соціальную.

Разсказывалъ про Цитовича много анекдотовъ. Онъ былъ прежде ultra nihilist и считалъ чистое бѣлье за преступленіе. Теперь же побѣгъ жены и честолюбивые виды заставили его измѣнить свои взгляды. Если бы у меня было 2,000 рублей, сказалъ Цитовичъ, я бы бросилъ эту страну, въ которой ни сверху, ни снизу нельзя ждать ничего хорошаго. Какъ это Вы, имѣя хорошее состояніе, продолжаете жить въ этой пакостной странѣ? Цитовичъ ужасный mauvais genre, семинаристъ, характера невыносимаго

и непріятнаго. и немудрено, что жена его бросила. К. не сошелся съ редакціею «Русской Мысли». Онъ очень рѣзокъ, у него много verve въ выраженіяхъ, и онъ не щадитъ никого своимъ языкомъ. Это дѣлаетъ ему много враговъ. Онъ говорилъ, что Юрьевъ у него въ карманѣ, издѣвался надъ его программою и тотъ, и Лавровъ стали на дыбы. Къ «Р. М». присоединились Гольцевъ, Ключевскій и нѣсколько другихъ. Поговаривали объ избраніи въ Государственный Совѣтъ членовъ отъ земства. К. издѣвается надъ этимъ и говоритъ, что онъ не пойдетъ въ русскій парламентъ. Онъ тогда начнетъ издавать газету и посмотритъ, что изъ этого будетъ. Говорилъ я съ Юрьевымъ, и онъ согласенъ на конституціонную точку зрѣнія, только на русскихъ началахъ. Это, положимъ, сентиментализмъ, другой точки зрѣнія, кромѣ обыкновенной англійской и быть не можетъ. Если будетъ только совѣщательный голосъ за соборомъ, то это будетъ только одна комедія.

Я написалъ статью и послалъ ее Суворину, который ее помѣстилъ подъ заглавіемъ «На распутьи незнанія (заглавіе мое было «На распутьи славянства)». Въ своей статьѣ я старался избѣгнуть всякихъ рѣзкостей, что было даже замѣчено Боборыкинымъ. Потомъ мы встрѣтились съ Боборыкинымъ у Ковалевскаго, но сближенія между нами не произошло. Въ это время въ Москвѣ мой пріятель В. Ф. Миллеръ затѣялъ вмѣстѣ съ Ковалевскимъ журналъ «Критическое Обозрѣніе». Я тамъ помѣстилъ нѣсколько статей. У Муромцева въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» я помѣстилъ свою статью «Предшественники Адама Смита въ Италіи».

Троюродный братъ мой, Николай Антоновичъ Вогачъ, женился на сестрѣ Муромцева. Въ Москвѣ я бывалъ у Аксакова, у Кошелевыхъ и у молодыхъ профессоровъ, которые иногда собирались у В. Ѳ. Миллера. Замѣтнѣе всѣхъ была личность М. М. Ковалевскаго, и тогда я пророчилъ ему великую будущность. Когда собралась первая Дума, то мнѣ казалось, что онъ сыграетъ первую роль. У него есть ораторскій талантъ и умъ государственнаго человѣка. Но предсѣдателемъ первой Думы былъ избранъ Муромцевъ...

Я приходилъ въ восторгъ отъ его остроумной бесѣды, отъ неистощимыхъ остротъ, verve и умѣнья однимъ штрихомъ охарактеризовать того или другого дѣятеля. Обладая значительнымъ состояніемъ, онъ много путешествовалъ, зналъ многихъ выдающихся людей Западной Европы, разсказывалъ про нихъ интересные анекдоты... Обладая даромъ слова, онъ писалъ тяжеловато, какъ говорилъ тогда Миллеръ.—Надо его заставить писать романы, сказалъ Миллеръ шутя, намекая на то, что я

писалъ романы. Муромцева я мало зналъ, но когда я съ нимъ встрѣчался то онъ не поражалъ меня своими блестящими способностями. Онъ не былъ остроумнымъ собесѣдникомъ, какъ Ковалевскій. Онъ былъ похожъ на основательнаго нѣмецкаго ученаго, но безъ проблеска генія.

Видѣлъ я Домонтовича (тонкаго юмориста). Люблю слушать его юмористическіе разсказы о князѣ Черкасскомъ, о просвѣтителѣ Болгаріи. Когда потребовались люди для Болгаріи, то кн. Черкасскій обратился къ Игнатьеву и тотъ сдѣлалъ длинный списокъ всѣхъ чиновниковъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которые, лишившись по случаю войны мѣстъ, могли бы съ пользою занять губернаторскія мѣста. Черкасскій скоро разочаровался въ назначенныхъ чиновникахъ. Какъ-то разъ пріѣзжаетъ Д. и видитъ Черкасскаго въ большой ярости. Черкасскій подскакиваетъ къ нему и говоритъ: «Вы мнѣ говорили, что это идіоты». Что же? «Нѣтъ, это кретины, зачѣмъ вы не сказали, что это кретины, я бы ихъ не взялъ». Вотъ вамъ и первый опытъ администраціи Болгаріи.

Отдѣленіе Восточной Румеліи послужило въ пользу Болгарскому княжеству по отношенію къ конституціи. Противниковъ конституціи было много,—и разъ Восточная Румелія получила конституцію, то и намъ нельзя было отстать въ этомъ дѣлѣ...

Я не знаю, разсказывалъ ли я, какъ представлялась болгарская депутація государю. Черкасскій хотѣлъ, чтобы было побольше и потому собралъ по Бухаресту кого попало. Дали имъ фраки. Послѣ представленія государю, многіе изъ этихъ господъ исчезли вмѣстѣ съ фраками. Не напоминаетъ ли это Оффенбаховскую оперетку?

Появляются «Народная Воля» и прокламаціи. Бестужевъ-Рюминъ находитъ, что анархія уже существуетъ. Власти не могутъ найти типографіи.

Государь гуляетъ въ саду Аничковскаго дворца, ѣздитъ не иначе, какъ окруженный казаками... Схватили сначала одну, потомъ другую типографію... Общество относится довольно равнодушно ко всему этому. Игра въ винтъ преобладаетъ и царитъ... Въ Лештуковомъ переулкѣ найденъ динамитъ и планъ Зимняго дворца... Значеніе революціонной партіи растетъ въ глазахъ общества отъ той массы разсказовъ, анекдотовъ, которые ходятъ по городу. Въ высшемъ обществѣ избѣгаютъ говорить объ этомъ, боясь административныхъ высылокъ и тому подобное... Съ одной стороны страшатся революціонеровъ, съ другой — той власти, которую призваны спасать.

Но, вотъ случился взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ... Вещь небывалая и исполнена замѣчательно умно. Обвиняютъ К. Н. Онъ, говорятъ, уѣхалъ въ этотъ день въ Кронштадтъ, бросилъ Засѣданіе Совѣта... Эта молва ходитъ среди очень образованныхъ и высокопоставленныхъ людей и среди народа...

До взрыва всѣ думали, что все окончилось. Типографіи забрали, и сдѣлано много арестовъ. Взрывъ показалъ, что дѣло еще далеко не приблизилось къ концу. Во дворцѣ въ самый день взрыва былъ ужасный переполохъ, всякій входилъ и выходилъ, кому угодно было. Не такъ было на другой день. Портной кн. Болгарскаго цѣлыя сутки пробылъ во дворцѣ. Его не выпускали. Разсматривая обломки, которые произошли отъ взрыва, можно было сказать, что это обломки монархизма въ Россіи. Авторитетъ пошатнулся въ общественномъ мнѣніи. Слышатся разныя мнѣнія. Одни требуютъ строгихъ мѣръ, сѣчь всѣхъ стриженыхъ, сажать ихъ, даже пытать всѣхъ заподозрѣнныхъ; другіе злорадно смѣются надъ этимъ. Но помощи отъ общества не видно. Появились, говорятъ, подметныя письма, обѣщающія поджечь Петербургъ и устроить такую иллюминацію, какой не было во времена Нерона*).

Полиція нагнала панику на Петербургъ. Вездѣ должна быть вода въ бакахъ, готовы фонари на тотъ случай, если газовый заводъ будетъ взорванъ... Многіе трепещутъ и стремятся убраться къ 19 февраля изъ Петербурга. Это стоустая молва разноситъ всякіе слухи. Кто говоритъ, что патронный заводъ взлетитъ, что Морская, Невскій, Фурштадтская минированы. А въ народѣ идетъ глухой ропотъ, что во взрывѣ виноваты сановники, господа и что фабричные перевернутъ вверхъ дномъ Петербургъ и будутъ бить всякаго въ нѣмецкомъ платьѣ. Говорятъ, что барки будутъ подожжены. Всѣ представляютъ себѣ, въ какой ярости будетъ народъ. Въ Государственномъ Банкѣ былъ переполохъ: слышны были подземные удары. Копали и дошли до воды. Удвоили караулы, приняли мѣры. Въ Волжско-Камскомъ банкѣ и въ другихъ банкахъ, которые обречены также гибели, тоже приняты мѣры. Такъ же и въ театрахъ, вездѣ розданы фонари. Паническій страхъ передавался, какъ чума, всему Петербургу. Всѣ находились какъ будто подъ впечатлѣніемъ страшнаго кошмара и не могли думать о чемъ-либо другомъ. Кто сочувствовалъ революціи, тѣ молчали или отпускали шуточки. — Эта памятная недѣля

*) Сохраняемъ сообщеніе разныхъ нелѣпыхъ толковъ и слуховъ только потому, что они характеризуютъ извѣстные слои общества.
Ред.

была очень интересна въ томъ, что она взбудоражила всю Петербургскую буржуазію. Всѣ боялись или за жизнь, или за имущество. Кажется одна искра, и все бы пришло въ смятеніе. До того всѣ были наэлектризованы, что, услыша какой-нибудь грохотъ на улицѣ, собесѣдники становились бѣлѣе полотна. То же было и въ богатой гостиной, и среди простого народа. Всѣ чего-то боялись, чего-то ждали...

Благодаря Бога, все обошлось благополучно.—Выходъ блистательный и многолюдный обошелся безъ всякаго скандала... На счетъ взрыва нѣкоторыхъ улицъ,—я никогда не придавалъ этому слуху никакого значенія. Чтобы произвести сумятицу, необходимо было убійство и на это нужна одна рука, а чтобы подорвать цѣлый городъ — для этого надо тысячи и тысячи заговорщиковъ... При «выходѣ» впускались всѣ безъ билета, и это, по-моему, большая неосторожность...

Вернемся назадъ... Вотъ зажглись огни. Въ каждомъ домѣ были зажжены свѣчи, транспаранты, вензеля; музыка, гремѣвшая повсюду; праздная и глазѣющая толпа—все это придавало городу какой-то праздничный, торжественный видъ. Только дворники, безотлучно стоявшіе на своихъ мѣстахъ, указывали на то, что не все въ порядкѣ, что нѣчто виситъ въ воздухѣ и ожидается. Вотъ царь поѣхалъ по Большой Морской въ закрытой каретѣ, въ сопровожденіи казаковъ. Толпа заколыхалась, и протяжное, неумолкаемое «ура» раздавалось въ воздухѣ.—Онъ бы проѣхалъ въ коляскѣ, да не по нынѣшнему времени,—сказала какая-то женщина изъ простонародья.—Чуялось что-то грозное... но какъ-то отлегло отъ сердца у каждаго, когда 19-е февраля прошло безъ событій и кончилась эта томительная, полная ожиданій, тяжелая недѣля отъ 1 до 19 февраля... Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ 18-го февраля взяли одного неизвѣстнаго, который похвалился убить царя. Эта недѣля прошла спокойно, но она оставила слѣдъ въ народныхъ думахъ и не безслѣдно прошла въ исторической жизни народа... Воля и царь—вотъ что сложилось въ его мысляхъ. Кто желаетъ убить царя—господа, потому что онъ далъ волю. Это сѣмя, брошенное умѣлою рукою, можетъ взрасти въ чудовищно-грозный призракъ, если не будутъ остановлены пропагандисты воззваніями къ общественнымъ силамъ и здоровою, нормальною общественною дѣятельностью... Земскій Соборъ, собранный изъ русскихъ людей—вотъ лучшее и самое дѣйствительное средство противъ всего подпольнаго, подземнаго, взрывательнаго... Какъ ни сильна была коммуна, но она была побѣждена Тьеромъ и партіею порядка... Я уповаю на Лорисъ-Меликова. Онъ, говорятъ, предлагалъ конститу-

ціонныя учрежденія, какъ самое дѣйствительное средство[1]). Можетъ быть ему удастся спасти насъ отъ нравственной анархіи [2]). Нравственная анархія гибельно отражается на всемъ нашемъ благосостояніи. При этомъ старый режимъ выкапываетъ такія неожиданности, какъ подарки изъ государственнаго казначейства по цѣлымъ милліонамъ. Что сдѣлалъ Грейгъ, а что онъ стоитъ Россіи? Что сдѣлалъ Абаза, а за него заплачено долговъ 800,000 руб... Дворцовое вѣдомство черезъ посредство Адлерберга взяло съ Новосельскаго взятку въ 1 милл. Гирсъ за свою ничтожность, посредственность получилъ имѣніе въ 4 т. десятинъ.

Часто я бывалъ у Пыпина и у Ореста Миллера, но тоже больше по своимъ литературнымъ занятіямъ. Съ Пыпинымъ мнѣ случалось говорить о томъ, какъ многое напоминаетъ въ Россіи подготовку французской революціи. Пыпинъ говорилъ, что этотъ процессъ очень продолжительный и врядъ ли скоро въ Россіи разразится буря, а никто изъ насъ не желалъ такого выхода. Это какъ тифъ, послѣ котораго нѣкоторые становятся здоровѣе, но тѣмъ не менѣе, вы не пожелаете тифа.

А. Н. Пыпинъ.

Съ нимъ я познакомился недавно. Онъ произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе. Въ профиль онъ кажется суровымъ, но en face лицо пріятное и симпатичное. Онъ того мнѣнія, что въ Россіи надо заниматься или русскою исторіею, или славянствомъ. Говорилъ, что ему ужасно трудно было достать для своей Славянской Литературы книги галиційскія; цензура задерживала ихъ безъ толку; библіотекою же Срезневскаго и Ламанскаго онъ не могъ пользоваться, потому что былъ въ нехорошихъ съ ними отношеніяхъ. Совѣтовалъ издать Угорско-

---

[1]) Лорисъ-Меликовъ предлагалъ только учредить комиссію для обсужденія законопроектовъ, вносимыхъ въ Государственный Совѣтъ, въ составъ которой должны были, кромѣ членовъ, назначенныхъ правительствомъ, войти выборные (одинъ или два) отъ губерній, гдѣ введены земскія учрежденія, и отъ городскихъ думъ (въ столицахъ по два, въ прочихъ городахъ по одному). *Ред.*

[2]) Про Лорисъ-Меликова ходитъ много разсказовъ. — Изъ Харькова онъ ѣхалъ и сказалъ одному родственнику: «Нѣтъ, съ обществомъ надо считаться, это сила», — а послѣ пребыванія въ Петерургѣ заговорилъ другое: «Нѣтъ я ошибался — это такіе всѣ холопы». Если это правда, то это не дѣлаетъ чести его уму. Оппозиція въ Россіи и не можетъ высказаться активно — въ этомъ-то вся опасность для Правительства. Съ виду все холопы, а внутри недовольство существующимъ порядкомъ. На что же тутъ опереться, потому всѣ обращенія къ русскому обществу похожи на холостые выстрѣлы. Всѣ сознательно играютъ въ комедію вѣрноподданства, подаютъ адресы, а на дѣлѣ подкапываютъ самодержавіе. Противъ этого бороться невозможно.

Русскія пѣсни. Я указалъ на трудность ихъ изданія. Кто будетъ ихъ читать? Въ журналѣ? Въ журналѣ трудно помѣстить статью о Славянствѣ... Онъ согласился съ тѣмъ, что наша публика ужасно невѣжественна, ничего не читаетъ и только бахвалится. О трудности помѣщать статьи онъ разсказалъ случай съ Ровинскимъ (у котораго много знаній,—онъ посылалъ статьи въ «Новое Время», но тамъ *бомбошки* какія-то нужны).—Я хотѣлъ,—сказалъ Пыпинъ,—помѣстить его статью въ Вѣстникъ Европы, но Стасюлевичъ не согласился, говоря, что статьи о Славянствѣ мало читаютъ.

Пыпинъ говорилъ о нелѣпости цензуры.—Она въ глупомъ усердіи дѣлаетъ невозможнымъ борьбу съ другими взглядами. —Вотъ я,—сказалъ Пыпинъ,—разобралъ одну серьезную газету съ соціалистическими тенденціями, и что же вы думаете? Редакція уже не получаетъ этого изданія!—

Какъ типъ умственный, Пыпинъ мнѣ нравится... Онъ сочувствуетъ славянству, находитъ, что въ Австріи больше свободы. Но когда я ему указалъ на Венгрію, на Словаковъ, на Угорскую Русь, гдѣ господствуетъ шпіонство и самый невыносимый гнетъ, онъ согласился со мною.—Возьмите Прагу,—сказалъ онъ,—гдѣ вы найдете такую свободу прессы въ Россіи?

I.

Павловскъ, 17 авг. 1881 г.

Многоуважаемый Григорій Александровичъ.

На дняхъ я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо. Къ сожалѣнію, затрудняюсь отвѣчать опредѣленно на ваши вопросы. Я *не* получалъ и *не* видѣлъ того вашего труда [1]), о которомъ нѣсколько времени назадъ было говорено въ «Порядкѣ»; слѣд. не имѣю понятія объ отношеніи его къ статьѣ, о которой вы говорите теперь,—и думалъ, это одно и то же? Если одно и то же, то печатаніе было бы перепечаткой, а *это* во всякомъ случаѣ невозможно. Но очень жалѣю, что не видѣлъ до сихъ поръ упомянутаго вашего труда.

Что касается романа, я прочелъ его еще въ началѣ лѣта и жалѣю теперь, что не написалъ вамъ тогда же, по свѣжимъ впечатлѣніямъ; съ тѣхъ поръ мнѣ пришлось перечитать множество разнаго редакціоннаго матеріала, старое позабылось, а теперь могу передать вамъ только общее впечатлѣніе. Скажу вамъ

---

[1]) Онъ говоритъ о моей книгѣ, изданной заграницей и запрещенной въ Россіи: «Свободное слово о современномъ положеніи въ Россіи».

прямо: романъ мнѣ не понравился,—герой—неясенъ (трудно разобрать, умный человѣкъ или совсѣмъ пустой, талантливый или только самонадѣянный и т. п.), разсказъ чрезвычайно растянутъ; цѣль, т.-е. художественная, не видна; вообще, то, что я читалъ, показалось мнѣ матеріаломъ для романа, еще требующимъ обработки, но не романомъ... Можетъ быть, вы назовете меня вандаломъ, но говорю по совѣсти и крайнему разумѣнію, и считаю тѣмъ болѣе необходимымъ быть съ вами вполнѣ откровеннымъ, что также откровенно выскажу свое сочувствіе вашей литературной дѣятельности, особливо новѣйшей.—Всего лучше было бы провѣрить мое впечатлѣніе черезъ другихъ читателей, нѣсколько компетентныхъ.

Когда Вы думаете быть въ Петербургѣ? Въ разговорѣ выяснилось бы гораздо лучше; а пока, не напишите ли Вы, въ какомъ отношеніи находится вашъ упомянутый печатный трудъ къ статьѣ, о которой Вы теперь говорите.

Въ сентябрьской книгѣ «В. Е.» идетъ вторая статья объ изученіи народности. Я былъ бы очень радъ слышать ваше мнѣніе, и, если случатся, возраженія или указанія на то, что (мало вѣроятно) пропущено и т. п.

Вамъ искренно преданный
А. Пыпинъ.

Чуть не забылъ сказать, возвращаясь къ роману, что талантливость въ немъ ни мало не отвергаю,—есть отдѣльныя черты прекрасныя и разсказъ живой,—но въ композиціи недостатки немалые, и на нее-то надо обратить особое вниманіе.

2.

Петербургъ, 9 февраля, 1882.

Многоуважаемый Григорій Александровичъ!

Начну съ историческаго изложенія. Когда я получилъ ваше письмо, съ послѣднимъ вопросомъ о вашемъ романѣ, и новый вашъ разсказъ, я тогда же передалъ романъ особѣ, доставившей письмо, а относительно разсказа обѣщалъ дать въ скоромъ же времени отвѣтъ въ письмѣ къ Вамъ,— за которымъ та особа намѣревалась зайти.—Я обѣщаніе исполнилъ, какъ говорилъ, т.-е. тогда же прочелъ разсказъ, приготовилъ отвѣтъ Вамъ и оставилъ въ редакціи. Въ редакціи я бываю разъ въ недѣлю, въ пріемный день; и послѣ, дѣйствительно, не освѣдомился, заходила ли за отвѣтомъ та особа. Изъ теперешняго письма вашего заключаю, что Вы ни отвѣта, ни разсказа не имѣете; значитъ, за нимъ въ редакціи не заходили,—какъ это было уговорено. Завтра я буду

въ редакціи и сдѣлаю объ этомъ точную справку о разсказѣ и о новой вашей статьѣ.

Разсказъ, буду говорить откровенно, мнѣ не понравился. Сколько помню, при чтеніи я дѣлалъ карандашемъ отмѣтки; въ нихъ Вы увидите нѣкоторыя мои впечатлѣнія. Относительно замедленія отвѣта, какъ видите, вина не совсѣмъ моя.

Что касается исторической статьи, о ней надо переговорить обстоятельно. Ея тема мнѣ была очень пріятна, и она могла бы пойти въ журналъ; но предварительно я просилъ бы Васъ ее нѣсколько переработать—вотъ въ какомъ смыслѣ. Она вообще предполагаетъ въ читателѣ болѣе знанія историческихъ подробностей и лицъ, чѣмъ можно предполагать у русскаго журнальнаго читателя. Это отразилось и на изложеніи, которое стало отрывочнымъ—въ предположеніи, что читателю довольно намековъ. Я прочелъ дома рукописи, и по моимъ замѣткамъ Вы увидите, въ какихъ именно пунктахъ изложеніе требовало бы перемѣны.

Въ изложеніи вообще желательно было бы болѣе плавнаго разсказа, а не отрывочности и лаконичности реферата. При заглавіи книгъ не указано, гдѣ и когда онѣ вышли. О самомъ Вульскомъ надо указать болѣе его біографію; ея не знаютъ. Вступая въ разсказъ о революціи венгерской, (авторъ?) обязанъ давать читателю общую нить и къ ней уже присоединять эпизодическія частности изъ книги Вульскаго,—выдѣляя ихъ, чтобы онѣ не терялись среди вашихъ собственныхъ словъ, и т. д. Не говорю о томъ, что переписчикъ пропускалъ знаки препинанія; но очень важно въ такихъ случаяхъ не пропускать вносные знаки.

При этой переправкѣ, и кое-гдѣ дополненіи, желательно однако не очень расширять размѣра статьи. Длинныя статьи вообще для журнала не очень удобны; и желательнѣе было бы имѣть нѣсколько короткихъ, чѣмъ одну длиннѣйшую.

Жалѣю очень, что въ нашей перепискѣ вышла такая нескладица. Теперь я не отвѣчалъ раньше и потому, что для моихъ слабыхъ глазъ нелегко чтеніе вашей рукописи — бѣлыми чернилами на сквозной бумагѣ.

Вамъ искренно преданный.

А. Пыпинъ.

3

Вас. Островъ, 1-я линія, 6.

Оказалось такъ, какъ я предположилъ. Рукопись съ моимъ письмомъ лежала въ редакціи. Теперь я распорядился объ отправкѣ къ Вамъ обѣихъ статей. На-дняхъ Вы должны получить.

4

Балтійская жел. дорога, Силламяги.
8 іюля 1882.

Многоуважаемый Григорій Александровичъ.

Я поселился такъ далеко отъ редакціи, что письма запаздываютъ при пересылкѣ ко мнѣ, и это одна причина, почему я раньше Вамъ не отвѣтилъ; другая—что еще не успѣлъ прочесть Вашей рукописи, чтобы отвѣтить совсѣмъ точно. Пока извѣщу Васъ только, что рукопись дошла въ цѣлости.

Итакъ, до слѣдующаго письма.

Вамъ преданный
А. Пыпинъ.

5

Петербургъ, 14 октября.

Многоуважаемый Григорій Александровичъ.

Я опять замедлилъ своимъ отвѣтомъ,—извините великодушно. Я спрашивалъ Ст-ча о томъ, когда можетъ пойти Ваша статья, и онъ отвѣтилъ, что въ одной изъ первыхъ книжекъ слѣдующаго года, такъ какъ теперь долженъ былъ очистить матеріалъ, помѣщеніе котораго было обѣщано. Притомъ, явится экстренный матеріалъ—очень интересный и неотложный, который увидите въ декабрьской книгѣ.

Вамъ преданный
А. Пыпинъ.

6

Петербургъ, 6 сент. 1882 г.

Многоуважаемый Григорій Александровичъ!

Извините за вольныя и невольныя промедленія. Я уже нѣсколько времени назадъ прочелъ Вашу статью, но за хлопотами по журналу и по переѣзду въ городъ не успѣлъ Вамъ написать о томъ раньше. Перемѣстивъ сдѣланныя Вами ad usum delphini, т.-е. русскаго читающаго люда, дѣлаютъ статью доступнѣе, и я съ своей стороны охотно взялъ бы ее для журнала. На-дняхъ пріѣзжалъ самъ Стасюлевичъ, и такъ какъ въ его управленіе я не вмѣшиваюсь, то передалъ ему свое мнѣніе о дѣлѣ, которое онъ рѣшитъ окончательно уже самъ; но думаю, что приметъ мое мнѣніе. Словомъ, около 1—15 сентября я буду Вамъ еще разъ писать, и тогда вѣроятно буду въ состояніи сказать Вамъ о времени напечатанія статьи.

Итакъ, до будущаго письма.

Вамъ преданный
А. Пыпинъ.

Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ.

Съ Орестомъ Миллеромъ я былъ знакомъ давно. Его душа была похожа на чистый кристаллъ. Онъ поражалъ своею искренностью, честностью, и я сочувствовалъ его народническимъ идеаламъ. Если многіе находили, что онъ посредственность, то для меня его бесѣда очень пріятна. Онъ вѣровалъ въ славянское движеніе и въ немъ разочаровался. Краснорѣчивый ораторъ, онъ умѣетъ затронуть душу своихъ слушателей въ такіе моменты, когда общество наэлектризовано. Но въ моменты спокойные, разсудочные его фразы производятъ впечатлѣніе чего-то дѣланнаго, напыщеннаго.

Какъ человѣкъ онъ выше писателя и оратора. Онъ искренно привязывается къ идеѣ. Сколько онъ добра дѣлаетъ студентамъ! Проповѣдывая любовь къ ближнему онъ всѣми силами старается осуществить ее на дѣлѣ. Вѣроятно многіе студенты помнятъ, какъ онъ помогалъ имъ.—Онъ покупалъ цѣлую массу пальто и въ зимнее время раздавалъ ихъ неимущимъ. Онъ жилъ вмѣстѣ со старою тетушкою, которая вела его хозяйство, и очень мало тратилъ на себя. Помнится мнѣ, когда пріѣхалъ угро-руссъ Ив. Добр. и Славянскій Благотворительный Комитетъ сталъ чествовать его, Орестъ Ѳедоровичъ скоро разочаровался въ немъ изъ-за его буржуазныхъ идей. Конечно, Добр. не былъ идеалистомъ и первымъ дѣломъ думалъ устроить свою матеріальную судьбу. Его (О. Ѳ. Миллара) ненависть къ буржуазіи не только красивая фраза, это дѣло самое животрепещущее для него. Онъ все свое жалованье раздастъ недостаточнымъ студентамъ. Онъ человѣкъ чувства, порыва, впечатлѣнія—не холоднаго расчета, скорѣе идеалистъ, чѣмъ реалистъ. Въ Черкасскомъ онъ видитъ Бисмаркизмъ. Въ Достоевскомъ видитъ лучшаго человѣка, чѣмъ въ Тургеневѣ. Мы говорили о нигилистахъ. Они хотятъ наполнить голову мужика своими идеями.

Не то ли дѣлаютъ славянофилы въ родѣ Аксакова? Развѣ они не хотятъ опекать Славянъ и учить ихъ въ извѣстномъ направленіи.—По-моему, сказалъ я, если я люблю Славянъ, народъ, то я долженъ поступать какъ мать, призванная Соломономъ, которая предпочла отдать ребенка чужой женщинѣ. Она дѣйствительно любила своего ребенка.—Миллеръ со мною согласился. Онъ говоритъ, что онъ выставитъ мнѣнія первоначальныхъ славянофиловъ[1]). Объединенія славянъ онъ желаетъ, но не въ духѣ Бисмарка. Въ этомъ взглядѣ есть извѣстная сентиментальность и мистицизмъ, вѣра въ какую-то внутреннюю павдру русскаго народа.

[1]) Дѣло, вѣроятно идетъ о статьѣ напечатанной О. Ѳ. Миллеромъ въ «Русской мысли» въ началѣ 1880 г. *Ред.*

Разсказывалъ въ подтвержденіе своей мысли о томъ, какъ народъ смотритъ на извѣстныя событія. Въ провинціи къ нимъ въ гости пришелъ старикъ.—Ему говорятъ, вотъ (этотъ человѣкъ) учитъ въ Петербургѣ царскихъ дѣтей. — Нехорошо у васъ въ Петербургѣ,—сказалъ старикъ,—тамъ все вѣшаютъ.

Я замѣтилъ, что господа Елисеевы и пр. не знаютъ народа, не постигаютъ, какой громадный прогрессъ въ духовномъ отношеніи свершился въ народѣ: сербская война была бы немыслима. Онъ вполнѣ раздѣлилъ эти мысли. Только самодержавіе могло произвести реформу—освобожденіе крестьянъ. Теперь ему слѣдуетъ сойти со сцены...

Не можетъ хладнокровно говорить о нападкахъ на Славянскій Комитетъ. Говоритъ, что нельзя было назначать Аристова секретаремъ Филиппова.—Это позоръ для Славянскаго Комитета, эти господа (о редакціи Молва) вполнѣ убѣждены, что они неправы. Я имѣю на это факты, но они нарочно затемняютъ, подтасовываютъ дѣло.—Пыпину сказалъ Ив. Ив.: «Зачѣмъ Вы насъ не назвали?» Онъ возмущается и тѣмъ, что наша литература тенденціозна, что чествованіе со стороны молодежи Достоевскаго они умолчали, что извращаются доктрины славянофильства тѣми, которые знаютъ Хомякова и Аксакова наизусть. Сердился на то, что Новое Время мало сдѣлало для Славянства, что оно не слѣдитъ за явленіемъ славянской литературы.—Имъ только пятаки нужны. Вы замѣтили, — я не пишу больше въ этой газетѣ,— сказалъ онъ.

1

Милостивый Государь,

Григорій Александровичъ.

[Г-жа Бидерманъ не была у меня вторично, а потому и высылаю Вамъ квитанціи по почтѣ. Статью Вашу не предложить ли въ новый журналъ «Вѣкъ?» Можетъ быть туда бы можно пристроить и романъ, котораго я, каюсь, еще не прочелъ, — за множествомъ дѣлъ. «Свободное Слово»[1]). Отвѣтъ Вы отчасти могли бы найти въ моемъ некрологѣ кн. Васильчикова («Ист. Вѣстникъ», XII). Можетъ быть напишу о Вашей брошюрѣ и отдѣльно, т.-е. заодно съ другими о злобахъ дня. Простите,—но она мнѣ показалась *микстурой* изъ земскаго собора и конституціи. То же встрѣчалось мнѣ въ разговорахъ съ Градовскимъ (съ тою разницею,

[1]) Брошюра, изданная Г. А. де-Волланомъ за границей въ 1881 г. *Ред.*

что онъ самъ замѣчаетъ микстуру, а Вы не замѣчаете). Я же предпочитаю *квинтъ—эссенцію, экстракты,*—вообще *цѣльное.*

Вамъ душевно преданный
Ор. Миллеръ.

2

28 декабря 81 г.

Статью Вашу, любезнѣйшій Григорій Александровичъ, редакторъ «Вѣка» читалъ и готовъ бы ее помѣстить, но безъ приложеній. Къ тому же онъ платитъ не болѣе 45 р., да и, кажется, дѣла его schwach и журналъ едва ли не помретъ тотчасъ же послѣ рожденья. Не передать ли Л. Н. Майкову? Романъ Вамъ вышлю, чуть только улучу минутку,—страшно много дѣла и всякихъ передрягъ.

Весь Вашъ
Ор. Миллеръ.

3

8 февраля.

Получаете ли Вы «Недѣлю?» Стоило бы.

Изъ писемъ Вашихъ, дорогой, Григорій Александровичъ, вижу, что мое письмо къ Вамъ пропало. Теперь надо только, чтобы Майковъ распорядился Вашимъ сборникомъ, а Оболенскій рѣшился напечатать разсказъ. Деньги Ваши получилъ и хотѣлъ Вамъ прямо выслать квитанцію Комитета, а для этого надо ждать собранія; книжечку Вашу не возвращаю, не теряя надежды написать о ней: вѣрьте, не вѣрьте, а все нѣтъ физической возможности удосужиться. У меня вѣдь 14 лекцій и два предсѣдательства. Написалъ бы уже потому, и даже большую статью, такъ мнѣ деньги нужны. Поручился за Гильдебранда въ фондъ, — и вотъ надо внести за него 500 рублей. Такъ бы и сѣлъ да сталъ строчить статьи ужъ ради одного этого, — а времени негдѣ взять.

Весь Вашъ
Ор. Миллеръ.

4

19 января.

Теперь занятъ юбилеемъ Жуковскаго.

Возвращаю Вамъ романъ, многоуважаемый Григорій Александровичъ. «Угорская Русь», по возвращеніи изъ «Вѣка», передана мною Л. Н. Майкову, но отвѣта онъ мнѣ все еще не далъ. Сообщу Вамъ, что съ сентября предположено издавать «Извѣстія Славянскаго Общества». Я свои лекціи о Достоевскомъ вѣроятно издамъ отдѣльною книжкой. Въ пріятномъ ожиданіи Васъ видѣть.

Преданный Вамъ
Ор. Миллеръ.

5

23 марта 82 г.

Многоуважаемый

Григорій Александровичъ.

Въ объясненіе моего *свинства* относительно Вашихъ порученій скажу только, что меня совершенно выбила было изъ колеи продолжительная болѣзнь моей тетушки, теперь, слава Богу, оправившейся. Вслѣдъ за тѣмъ у насъ переболѣла вся прислуга, что тоже причинило мнѣ не мало заботъ. Прилагаю квитанціи и письмо Л. Н. Майкова. Изъ Сборника Вашего читайте выдержки въ отдѣленіи этнографіи и рѣшено непремѣнно напечатать Сборникъ въ Запискахъ въ теченіе нынѣшняго года. Что касается Оболенскаго, то онъ все еще не далъ мнѣ отвѣта (впрочемъ, я за всѣми передрягами нѣсколько запоздалъ самою передачею). Въ письмѣ Вашемъ Оболенскій не разобралъ подписи и долго не зналъ, отъ кого оно. Всѣхъ этихъ господъ надо подталкивать, а для этого надо время, котораго у меня крайне мало. Мартовскаго «Вѣка» и я не получалъ. Во вторникъ же мнѣ придется выступить противъ Филиппова въ Мировомъ Съѣздѣ. Онъ не платилъ бѣдному, мною рекомендованному сотруднику. Я отказался отъ гонорара за мою статью съ тѣмъ, чтобы онъ уплатилъ тому. Филипповъ не исполнилъ этого безъ суда, мировой же судья вычислилъ гонораръ въ 8 руб. съ листа, почему дѣло перенесено въ Съѣздъ. Хотѣлось бы проучить жидка (таковъ онъ по происхожденію). А Вамъ должно икаться — такъ много бранятъ Вашъ заграничный налогъ (не я, конечно) [1]).

Вамъ преданный
Ор. Миллеръ.

Письмо Л. Н. Майкова.

Милостивый Государь,

Григорій Александровичъ.

Сегодня я получилъ отвѣтъ Е. М. Ѳеоктистова касательно Вашей статьи, и, согласно моему обѣщанію, спѣшу сообщить его Вамъ.

По соображеніи большого количества имѣющихся въ редакціи матеріаловъ, весьма значительныхъ притомъ по объему, напе-

[1]) 14 іюня 1882 г. я помѣстилъ въ Новомъ Времени статью «Чѣмъ замѣнить подушную подать». Въ этой статьѣ я предлагалъ замѣнить этотъ налогъ сборомъ на заграничные паспорта.

чатаніе Вашей статьи въ Ж. М. Н. Пр. рѣшительно невозможно ранѣе будущаго года, и притомъ придется выпустить находящіяся въ началѣ поэтическія разсужденія, неумѣстныя въ казенномъ журналѣ. Не зная, согласитесь ли Вы на эти условія, препровождаю Вамъ Вашу рукопись.

Съ своей стороны прибавлю сожалѣніе, что Вы не желаете отдать эту статью въ Географическое Общество.

Предназначенный Вами для Г. Общества сборникъ пѣсенъ значительно потеряетъ въ интересѣ, если ранѣе его будетъ напечатана статья Ваша объ угорской женщинѣ, почти сплошь состоящая изъ тѣхъ же пѣсенъ.

Прошу Васъ вѣрить искреннему моему уваженію и преданности.

Л. Майковъ.

14 апрѣля.

6

Павловскъ, 18-го іюня.

Рукописи Ваши, многоуважаемый Григорій Александровичъ, я до сихъ поръ еще только добываю черезъ Плещеева, живущаго здѣсь же на дачѣ. Сперва онъ сказалъ мнѣ, что Кривенко долженъ былъ ихъ Вамъ возвратить по почтѣ, но когда я указалъ на желаніе Ваше, чтобы я ихъ просмотрѣлъ и ими руководился, то онъ обѣщалъ задержать ихъ отправку и мнѣ ихъ доставить. До сихъ поръ однако же не доставилъ.

Статью о Вашей печатной брошюрѣ Шубинскій проситъ пока не писать, не зная, окажется ли она удобнѣе послѣ послѣдовавшихъ у насъ перемѣнъ.

Не успѣли ли уже обругать Васъ за Вашу замѣтку въ Новомъ Времени? Облагать пошлиною интеллигентовъ, ѣдущихъ въ Европу затѣмъ, чтобы стать еще больше интеллигентами,— вѣдь это, батюшка, crime de lèse-civilisation. Съ моей точки зрѣнія Вы, конечно, за это-то и паинька.

Послѣднія Аксаковскія статьи, согласитесь, хороши. Хочу послать ему статью «Кн. А. И. Васильчиковъ и его біографія» (по поводу легкомысленной книжки Голубева, вздумавшаго, хотя и почтительно, *поправлять* Васильчикова тономъ «Голоса» и «Отечественныхъ». Шуты гороховые.

Весь Вашъ *Ор. Миллеръ.*

7

Многоуважаемый

Григорій Александровичъ.

До сихъ поръ Плещеевъ только водитъ меня за носъ, обѣщая мнѣ привезти сюда въ Павловскъ Ваши рукописи. Кривенко тоже не откликается.

Ваше указаніе мнѣ на гадкую выходку Голубева противъ Слав. Общества въ біографіи кн. Васильчикова не осталось безъ послѣдствій. Пишу большую статью: «Кн. Васильчиковъ и его біографія», въ которой отдѣлываю Голубева какъ за Комитетъ, такъ и за его претензію быть адвокатомъ и даже ментором Васильчикова. Хочу предложить «Недѣлѣ», такъ какъ съ «Новымъ Временемъ» приходится прерывать сношенія. Статью мою *о Школѣ и Церкви* они урѣзали, разбили на три кусочка и подавали публикѣ черезъ недѣлю по дессертной ложкѣ. Если «Недѣля» напечатаетъ мою статью вполнѣ, стану ея постояннымъ и даже исключительнымъ сотрудникомъ.

Я мало писалъ, потому что сперва здѣсь лѣчилъ, а потомъ схоронилъ своего двоюроднаго брата.

Весь Вашъ
Ор. Миллеръ.

25-го іюля.
Павловскъ, (Спб. губ.).
Лебединая ул., д. Пистолькорса (до сентября).

8

Многоуважаемый

Григорій Александровичъ.

Сборникъ Вашъ получилъ и передалъ Суворину. Я съ нимъ не прерывалъ сношеній, но не хочу у него болѣе печататься. Рецензію Вашего «Свободнаго Слова» не написалъ до сихъ поръ, потому что Шубинскій кажется сперва извѣститъ, можно ли объ этомъ писать. Ужъ не написать ли для «Руси»? Статьи моей о Васильчиковѣ Аксаковъ не взялъ — ради Чичерина, которому отъ нея бы не поздоровилось. О рецензіи В. Зотова упомянуто у меня въ примѣчаніи, но меня не особенно она разсердила— привыкъ ужъ я къ такимъ выходамъ, а разсердили санфасонныя отношенія Голубева къ Васильчикову и его убѣжденьямъ. Вздумалъ гороховый шутъ читать Васильчикову мораль тономъ «Голоса» и выдѣлять его изъ ряда «мнимыхъ друзей народа». А въ «Голосѣ» что ли истинные друзья...

Писалъ въ «Недѣлю» — предлагалъ статью о Васильчиковѣ: не отвѣчаютъ. Очень бы хотѣлъ купить «Устои», чтобы имѣть свой органъ, но лишней копейки нѣтъ за душой.

Вамъ душевно преданный
Ор. Миллеръ.

Здорова ли Анна Васильевна Гордѣева, не знаете ли?

9

31 октября 82 г.

Вашъ Сборникъ, многоуважаемый Григорій Александровичъ, отдалъ Ѳедорову за отсутствіемъ тогда Суворина. Заходилъ я къ послѣднему нынче — обѣщалъ разыскать и возвратить. Засимъ передамъ Майкову. Аксакову статью напишу, какъ только удосужусь. Статья моя о Васильчиковѣ пойдетъ въ «Мысль» Оболенскаго. Очеркъ пришлите. Простите за лаконизмъ—куча писемъ, требующихъ отвѣта

Весь Вашъ *Ор. Миллеръ*.

«Вѣстника Европы» не читалъ, слѣдуя правилу Чацкаго. Но и всѣ хороши и все хорошо...

10

Многоуважаемый

Григорій Александровичъ.

Рукопись Ваша мною лично отвезена въ «Новое Время», но Суворинъ оказывается въ Крыму, и передалъ я ее Федорову. Съ доставкою романа пообождать, пока я прочту всѣ сочиненія курсистокъ по русской словесности, а накопилось ихъ уже до сорока. Что касается подходящей редакціи, то я и самъ не знаю, куда пристроить моего «Васильчикова съ его біографомъ». Думаю, наконецъ, попытаться въ «Мысль». Вашу же беллетристику могъ бы передать въ журналъ романовъ и повѣстей (при«Недѣлѣ»). Тамъ люди порядочные. «Вѣка», кажется, никто не читаетъ.

Тетушка моя благодаритъ Васъ за память и за добрыя вѣсти объ Аннѣ Васильевнѣ.

Весь Вашъ *Ор. Миллеръ*.

11

2 сентября. Павловскъ.

Сущее еще лѣто, но 10-го надо переѣхать въ противный Петербургъ.

Разборъ Вашей брошюры напишу и попытаюсь напечатать у Аксакова, если же и тутъ отказъ, махну на него рукой. Я вообще безпріютенъ.

Такихъ людей, какъ Ор. Миллеръ я люблю. Они вносятъ нравственный элементъ въ общество. Это болѣе или менѣе цѣльный характеръ, сочувствующій всему хорошему, доброму, искреннему, правдивому. Мистицизмъ, сентиментализмъ, вѣра въ людей и въ извѣстное обновленіе (какъ это было въ Сербскую войну), вытекаетъ изъ такого идеальнаго взгляда на людей. Онъ дѣйствительно ненавидитъ бисмаркизмъ, маккіавелизмъ, и изъ него никогда не выработался бы государственный человѣкъ, играющій

на человѣческой гадости и слабости. Онъ думалъ, что славянское движеніе обновитъ общество и не принималъ въ расчетъ эгоизмъ людской. Прилагаю при семъ выше письма О. Ѳ. Миллера.

Какъ ученый, Бестужевъ-Рюминъ какъ будто выше, но весь онъ какой-то сѣрый, невзрачный. Если Миллеръ, при своемъ маленькомъ ростѣ сможетъ иногда изображать громовержца трибуна и увлечь слушателей, то этого дара лишенъ Б. Р. Онъ постоянно повторяется. Какая-то каша во рту, хотя бы и рѣчь была хорошо приготовлена. Такое впечатлѣніе выносятъ его слушатели и слушательницы. Онъ дѣйствительно человѣкъ науки, но не дѣятель, не человѣкъ иниціативы. Онъ всего боится, остерегается и потому поражаетъ своею нерѣшительностью. Не изъ короба, то въ коробъ, вотъ что выносишь изъ его дѣятельности какъ Предсѣдателя Славянскаго Общества. Онъ не обладаетъ ни зычнымъ голосомъ, ни достаточнымъ нахальствомъ, чтобы держать собраніе въ строгой дисциплинѣ.

Ламанскій — политиканъ, немного бисмаркистъ. У него нѣтъ установленныхъ принциповъ насчетъ того, насколько можно морочить людей, подсидѣть ихъ. Онъ выхвалялъ Черкасскаго, какъ хитроумнаго Улиса. Самъ онъ не любитъ Славянъ. Все это ужасная сволочь, дурачье — вотъ его подлинныя слова. Какъ можно работать на славянскую идею, если имѣть такое мнѣніе о ея представителяхъ. Онъ очень любитъ разсказывать на ухо тому другому, что говорилъ сегодня Игнатьевъ, какъ думаютъ въ такихъ-то или такихъ-то сферахъ. Наукѣ своей онъ преданъ. Не вѣритъ въ конституцію. Держится строго тайнаго догмата: «самодержавіе, православіе и народность». Но къ народности у него нѣтъ никакихъ слащавыхъ симпатій. Онъ любитъ русскій народъ скорѣе головою, чѣмъ сердцемъ. Удивляется его политическому смыслу, его молодечеству. Его, напримѣръ, приводитъ въ восторгъ анекдотъ, имъ же самимъ разсказываемый о русскомъ офенѣ, который пришелъ въ Фрушку-гору и сказалъ сербамъ: «Все это будетъ наше. Такъ имъ и нужно, свинопасы».

Сентиментализма, мистицизма нѣтъ и слѣда. Скорѣе—ехидство, насмѣшка и спокойный трезвый взглядъ. Оцѣниваетъ людей по удачѣ, а не по ихъ стремленіямъ или характеру. Никогда не говоритъ: «Хорошо, честный человѣкъ»,—а всегда спрашиваетъ: «Что онъ умный, или онъ очень слабъ, не правда ли—не серьезный человѣкъ» и т. д. Онъ все-таки страдаетъ по Россіи. Теперь онъ предлагаетъ войну съ Германіей, чтобы отвлечь Россію отъ соціализма. Средство, дѣйствительно, героическое, но и опасное.

Гр. де Волланъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[О]

Очерки прошлаго.[1])

1 марта 1881 года.

Толпѣ всегда нуженъ виновникъ и она не понимаетъ происхожденія этихъ взрывовъ изъ нашей внутренней безурядицы. — Указываютъ прямо на К. Н.—онъ главный виновникъ всему. Онъ самъ узналъ о ходящихъ въ городѣ слухахъ, пріѣхалъ къ себѣ во дворецъ и сказалъ въ присутствіи дѣтей и приближенныхъ (гр. Литке): — виновный найденъ — это я....

Хватали, брали кого попало безъ разбора. Одного мастерового, испуганнаго преслѣдованіемъ, нашли въ Аккерманѣ и привезли въ Питеръ. Тамъ онъ требовалъ свиданія съ прокуроромъ—на томъ основаніи, что онъ политическій преступникъ. Его, конечно, отпустили.—Административныхъ ссыльныхъ, говорятъ, до 40000. Что твои lettres de cachet. Одно время все упованіе возложили на дворниковъ.—Дворники очень оригинально поняли свою задачу.—Дворникъ одной моей знакомой стоитъ на улицѣ—его спрашиваютъ. Чей это домъ?—А почемъ я знаю—я «политическій дворникъ». Много такой дворникъ предупредитъ и усмотритъ.

Лорисъ-Меликовъ пустилъ новую струю въ русскую жизнь.—Произошли демонстраціи quasi политическаго характера на праздникѣ Пушкина, въ дворянскихъ собраніяхъ и при похоронахъ Достоевскаго. Очень кстати явилась пенсія вдовѣ Достоевскаго.—Хотя многіе и находили, что это revue générale au nihilisme, но пенсія придала этой демонстраціи очень благонамѣренный характеръ.—Суворинъ написалъ мнѣ очень интересное письмо по этому поводу.—Онъ находился подъ впечатлѣніемъ похоронъ Достоевскаго и спѣлъ диѳирамбъ русской женщинѣ, которая пойдетъ на пушку, если потребуется. Ждалъ

[1]) «Гол. Мин.» № 4.

оживленія своей литературной дѣятельности, т.-е. газеты, когда будетъ земскій соборъ. Это говорилъ онъ послѣ смерти Достоевскаго, а послѣ 1-го марта заговорилъ другое:—Земскій Соборъ невозможенъ, это будетъ Учредительное Собраніе, революція. Кто знаетъ, можетъ быть мы черезъ мѣсяцъ будемъ на площади кричать «да здравствуетъ свобода».

Все ожидало со дня на день объявленія конституціи. И вдругъ 1-го марта разразился надъ всею Россіею ударъ—Александра II убили революціонеры. Говорятъ, что народъ тужитъ, что онъ озлобленъ на всѣхъ посягнувшихъ и грозится мстить.

Александръ II въ послѣдній годъ своей жизни дѣлалъ все, чтобы лишить власть ея обаянія и силы. Ѣздилъ съ конвоемъ...

Трагизмъ смерти сразу поднялъ его на высоту легендарной личности. Все смѣшное забыто—теперь помнятъ только страдальца Царя-Освободителя и мученика.

Вмѣстѣ съ этимъ надо сознаться, что катастрофа многимъ открыла глаза.—Въ глазахъ многихъ революціонная партія выросла до недосягаемой высоты. Можно предсказать, что мучениковъ теперь найдется не десятокъ и сотни, а тысячи... —При этомъ народъ остался спокоенъ. Ходили зловѣщіе слухи, кое-гдѣ били помѣщиковъ (въ Тверской губ.), евреевъ (на югѣ), но, вообще, народъ остался очень равнодушенъ.—Я самъ знаю, что въ деревняхъ у многихъ подъ портретомъ Александра II теплится лампадка.

Царь-Освободитель сдѣлалъ такъ много, что сыну трудно будетъ до него дорасти.—Вообще мы переживаемъ крайне интересное историческое время.—Кто побѣдитъ?—вотъ вопросъ, который навязывается всѣмъ.

Вспоминаю по поводу перваго марта знаменательныя слова Шлабрендорфа, который говоритъ, что единеніе князя съ народомъ должно непремѣнно произойти. — Или князь спустится нѣсколькими ступенями къ народу или народъ поднимется къ нему. — И это правда. Александру II слѣдовало именно спуститься нѣсколько ступеней и отдать обществу то, что оно требовало... Смѣшно сказать, что у него все было подписано, и онъ только откладывалъ, откладывать въ этихъ случаяхъ невозможно. Онъ далъ относительно много свободы и ему не слѣдовало останавливаться на полпути. Вотъ и народъ поднялся на нѣсколько ступеней къ нему. — И тутъ среди бѣла дня съ полиціею, съ войскомъ совершилось ужасающее, показавшее, что — царь такой же человѣкъ, какъ и всѣ. Это — не убіеніе Павла I.—Послѣ этого факта, авторитетъ этой кучки людей, которые про себя могутъ сказать, что они дѣлаютъ исто-

рію, поднялся на недосягаемую высоту. Такой единой сплоченной воли, такой энергіи, такого единодушія, скрытности не проявилъ никто въ Россіи.—Какъ всегда послѣ покушенія, въ обществѣ проявилось безпокойство чисто эгоистическаго свойства—боязнь за свою шкуру, боязнь, что народъ бросится и начнетъ грабить, избивать.—Но народъ остался спокойнымъ и только въ глубинѣ гдѣ-то происходитъ глухое волненіе. «Господа убили... за освобожденіе», вотъ что слышится иногда... Не всѣ въ народѣ знаютъ государя. «Что—это тотъ, который освободилъ крестьянъ,—спросилъ меня одинъ грядской мужикъ,—хорошій человѣкъ—и больше ничего». Я замѣтилъ, что крестьяне неохотно говорятъ съ барами объ этомъ дѣлѣ, точно они подозрѣваютъ ихъ въ чемъ-то.

Я пробылъ нѣсколько дней въ Москвѣ, ну и, конечно, толковъ, пересудовъ тамъ не оберешься.—Время страшно смутное переживаемъ мы. На улицѣ нельзя пройти съ пѣснею, въ домѣ нельзя играть на фортепьянахъ, народъ сейчасъ тутъ расправится съ тѣмъ, который смѣется надъ его горемъ. Тяжело дышать въ этой атмосферѣ, пропитанной электричествомъ.—Прежде всего о народѣ.—Всѣ говорятъ, что видѣли на небѣ корону и крестъ, потомъ всадника, потомъ отъ 10 часовъ до 12 часовъ въ Кремлѣ раздается гулъ, какъ бы отъ ударовъ колокола; открываются чудотворныя иконы.—Всѣ инстинктивно ждутъ чего-то чуднаго, сверхъестественнаго, точно многіе предчувствовали событіе. Будто въ Эрмитажѣ въ этотъ самый часъ играли похоронный маршъ по требованію генерала.

Интеллигенція, по обычаю, струсила и сидитъ дома и поглядываетъ на прислугу, которая толкуетъ о рѣзнѣ и о разныхъ ужасахъ.—У кого очки были на носу, у тѣхъ очки спрятаны—неравно примутъ за соціалиста.—Реакція, страхъ, опасенія, какая-то тоска, бѣлый и красный терроръ, умственная и нравственная анархія, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ—вотъ что виситъ надъ городомъ. По слухамъ—тамъ потеряли голову, другіе же говорятъ, что Александръ III очень бодръ.

Козлищемъ отпущенія называютъ по старой памяти все того же К. Н.—Откуда эти громадные капиталы въ рукахъ нигилистовъ?—спрашиваютъ многіе.—Онъ виноватъ.

Разсказываютъ, будто у него былъ обыскъ. Еще прежде разсказывали, что у него въ кабинетѣ былъ пожаръ. Сгорѣли компрометирующія бумаги.—Есть другіе голоса, которые говорятъ, что деньги принадлежатъ Польшѣ, но что и К. Н. волею-неволею долженъ молчать и потакать имъ. Вообще эти слухи и легенды характеризуютъ хаотическое состояніе общества

и народа. Народъ инстинктивно держится за царя, потому что смутою воспользуются прежде всего нѣмцы, англичане, поляки. — Всѣхъ проповѣдниковъ - соціалистовъ народъ попросту избиваетъ, ужасно золъ на студентовъ, на женщинъ, вообще на интеллигенцію. Было нѣсколько фактовъ грубой расправы. Избили человѣка за то, что онъ не купилъ манифеста и сказалъ пристававшему къ нему газетчику: «Убирайтесь къ чорту съ своимъ манифестомъ». Тѣхъ, которые разорвали портретъ,... тѣхъ избили до смерти. — Дай только волю черни, и она все разнесетъ.—Но l'ordre règne à Varsovie, и войска всѣ съ заряженными ружьями и съ боевыми патронами наготовѣ. Вѣсть пришла въ тотъ же день, но губернаторъ не объявлялъ новости... Въ театрѣ пошло шушуканье, шопотъ и вдругъ разнеслась новость. Генералъ-губернаторъ принялъ всѣ необходимыя мѣры съ войскомъ. Публика въ театрѣ вдругъ, наэлектризованная извѣстіемъ, закричала актерамъ и оркестру:—депешу, депешу!—Оркестръ игралъ, но крикъ толпы заглушалъ его. Тогда Козловъ вышелъ на эстраду и сказалъ, что ничего офиціальнаго нѣтъ. Публика безмолвно разошлась....

Говорятъ, будетъ реакція.—О конституціи не моги говорить. Бартеневъ сообщалъ, что будутъ призваны редакціонныя комиссіи по финансовымъ вопросамъ. Аксаковъ мечетъ громы и молніи противъ либераловъ, бранитъ всѣ конституціонныя затѣи. Конституціонисты—это и есть цареубійцы.—До чего можно зарапортоваться, подумаешь.—Всѣ эти господа чаютъ движенія воды и съ новымъ царствованіемъ думаютъ играть роль. Многіе изъ нихъ лицемѣрно тужатъ, а втайнѣ радуются перемѣнѣ. Но ханжество, лицемѣрная скорбь, панихиды, слезы, колѣнопреклоненія теперь въ большомъ ходу.—Такое уже время—надо плыть по теченію, не поплывешь, сейчасъ крикнутъ: «Цареубійцы!» А у насъ, русскихъ людей, много стадности, табунности въ характерѣ.—Теперь нельзя благоразумное слово сказать. Пой непремѣнно въ тонъ или молчи. Такіе уже мы холопы во всемъ.

Кн. Юрьевской [1]), говорятъ, оставлено отъ 35 до 70 милліоновъ—хорошія денежки въ голодное время [2]).

Про новаго государя слышно, что онъ хорошій хозяинъ, бережливый, будетъ жить въ Аничковскомъ дворцѣ. И, слава Богу. На престолѣ должна быть личность безупречная въ нравственномъ значеніи слова. Всѣ престолы теперь пошатываются, и мы

---

[1]) Говорится о морганатической супругѣ Александра II. *Ред.*

[2]) Это оказывается вздоромъ—она получила всего 3 милліона и домъ.—Слышалъ отъ Ламсдорфа.

идемъ къ великой соціальной революціи. Благо тому, кто сумѣетъ сохранить обаяніе, престижъ, ясность власти.—Начало трудное для Александра III. Необходима программа, хуже всего балансированіе, нерѣшительность, отсутствіе программы, опредѣленныхъ мнѣній.—Ему надо быть Наполеономъ I или Фридрихомъ Великимъ. Дать свободу, но не выпускать изъ рукъ власть и руководительство надъ всѣмъ. Это очень трудно, но возможно человѣку умному, трезвому, способному и твердому.

Газеты теперь подлѣе и гаже всякаго описанія («Нов. Вр.», «Мос. Вѣд.», «Русь»). Какой тутъ чепухи чепухинской не нагородили онѣ.—Сберегу номера газетъ, авось, интересно будетъ посмотрѣть со временемъ.

Слухи въ началѣ царствованія.

То, чего надо было опасаться, то и случилось. Началось ни то, ни се. Всѣ недовольны. Всѣ толкуютъ о либеральномъ министерствѣ Абазы, Лорисъ-Меликова и Милютина, настаивающихъ на реформахъ. Владиміръ говоритъ о тѣхъ лицахъ (plantes des gibets de Pètersbourg à Tiflis). Въ обществѣ только и говорятъ о жидовскихъ (антисемейскихъ) безпорядкахъ на югѣ, и многіе съ опасеніемъ говорятъ о томъ, что эта волна народная поднимается на господъ. Все это вздоръ, конечно, но отмѣчаю слухи и разговоры, могущіе служить мнѣ воспоминаніемъ въ будущемъ времени. N разсказывалъ мнѣ, что онъ ѣхалъ на конкѣ и видѣлъ пьянаго мужика, который повелъ слѣдующую рѣчь: «Александръ II былъ хорошій человѣкъ, а Александръ III тоже хорошій человѣкъ. Пускай онъ скажетъ мнѣ, и я убью, кого онъ прикажетъ». То же изъ деревни разсказывалъ кто-то о словахъ мужика: «Я тебя люблю, баринъ, но прійдетъ время и тебя и сынка я долженъ буду убить».

Про Лорисъ-Меликова говорилъ я съ Суворинымъ и я нахожу, что онъ похожъ на Ломени де Бріеннъ. Суворинъ разсказывалъ про Лориса, что онъ сказалъ, что подастъ въ отставку, какъ только пойдутъ противъ его убѣжденій: «Я сумѣю оставить свой постъ.»

Къ числу такихъ полумѣръ, никого не удовлетворяющихъ и только вызывающихъ смѣхъ, принадлежитъ затѣя Баранова: дѣлать выборы въ городской совѣтъ со стороны владѣльцевъ квартиръ. Тяпъ-да ляпъ,—вызвали всѣхъ чуть не въ одинъ день составить выборы; нѣкоторые для шутки выбрали мѣстнаго квартальнаго. Такъ эта затѣя и прослыла въ Петербургѣ—*околодочная конституція*, и, кажется, погибнетъ отъ равнодушія публики.

Про одного поэта разсказываютъ, что онъ сказалъ Лорисъ-Меликову:

Дайте намъ хоть куцую,
Но только конституцію.

Хорошій риторъ, человѣкъ истинно-русскій въ вопросѣ славянскомъ, Аксаковъ, кажется, потеряетъ то значеніе, которое онъ пріобрѣлъ послѣ двухъ своихъ знаменитыхъ рѣчей по Восточному вопросу. Охота, право, человѣку подниматься изъ Москвы, чтобы пріѣхать въ Петербургъ и повторить ту же старую пѣснь о соприкосновеніи царя съ народомъ, о пользѣ самодержавія, о томъ, что намъ не надо обносковъ Европы, и затѣмъ робко говорить о земскихъ соборахъ, объ единеніи царя съ народомъ и т. д. Исааковъ очень мило сказалъ: «Точно какую-то московскую икону подняли». Собраніе было очень многолюдно, много аплодировали, но потомъ, немного позднѣе, также аплодировали Соловьеву за его лекцію.

Соловьевъ сказалъ, что христіанскій царь долженъ быть милостивымъ, и эти слова были приняты съ энтузіазмомъ. Въ обществѣ ходили слухи, что Соловьева арестовали, ходили упорные слухи, а на дѣлѣ я видѣлъ Соловьева у Бестужева-Рюмина, окруженнаго толпою курсистокъ. Онъ былъ героемъ дня. Наша молодежь уважаетъ въ человѣкѣ искренность, неустрашимость, гражданское мужество. Мнѣнія Соловьева не подходятъ подъ общій діапазонъ, и все-таки ему сдѣлали овацію, и у него на лекціяхъ всегда бываетъ толпа, почему? Потому что онъ говоритъ искренно, смѣло то, что думаетъ. Соловьевъ не радикалъ, онъ христіанинъ, аскетъ. Въ молодежи есть инстинктъ, она угадываетъ характеръ, уважаетъ въ человѣкѣ прежде всего характеръ и поклоняется ему даже и въ томъ случаѣ, если человѣкъ проповѣдуетъ не симпатичные ей принципы.

И все такъ, какая-то разноголосица. Аксаковъ и весь Славянскій Комитетъ громили все и вся, начиная отъ покроя платья до конституціи и говорили, что народъ, какъ море, вздымается. А чего они достигли?—Одно только лицемѣріе, ни одного правдиваго, честнаго слова въ такую важную минуту.—Я сказалъ Суворину, что мнѣ не нравится это лицемѣріе. «Да,—сказалъ онъ,—совсѣмъ византійское лицемѣріе. Вѣдь и Аксаковъ съ братіею въ тѣсномъ кружкѣ бранятъ то, что они теперь такъ восхваляютъ».

Все это только сбило съ толку молодого государя.

Появился манифестъ въ духѣ Каткова и Аксакова.

Суворинъ говорилъ, что неудобно созвать соборъ. — Этотъ соборъ объявитъ себя Учредительнымъ собраніемъ, и тогда

пойдетъ потѣха. Русскому мужику не нужна конституція—гдѣ у насъ интеллигенція—все чиновники, кромѣ чиновниковъ, и такъ далѣе въ этомъ родѣ. — Такъ вы хотите революціи и доведете до нея,—сказалъ я.—Да и будетъ революція. Что за странности!

Другой разъ я у него спрашивалъ о будущемъ призывѣ свѣдущихъ людей, экспертовъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ и что изъ этого будетъ? «Почемъ я знаю,—мы всѣ не знаемъ. Можетъ быть, мы съ Вами ужъ черезъ мѣсяцъ будемъ кричать на площади: Да здравствуетъ свобода!»...

Все надоѣло,—хочу ѣхать за границу.

Я вспомнилъ Макс. Ковалевскаго, который говорилъ мнѣ: «Да развѣ дѣлаютъ революцію? Революціи дѣлаются городами, и она будетъ лѣтъ черезъ двадцать».

Когда я сказалъ Аксакову о Земскомъ соборѣ,то онъ напустился на всѣхъ: «Теперь не время, теперь горе—надо дать успокоиться (вотъ уже лакейская черта—господа почиваютъ), и потомъ нельзя же дѣлать то, что они просятъ».

По разсказамъ Д. вотъ какъ было дѣло. На послѣднемъ засѣданіи было рѣшено двинуться впередъ. Слѣдующее засѣданіе происходитъ у Лориса. Вдругъ входитъ Набоковъ и подаетъ манифестъ Лорису и говоритъ, что онъ спѣшитъ отпечатать его до парада. Лорисъ читаетъ и съ гнѣвомъ бросаетъ его на столъ: «Передайте Милютину и Абазѣ, что такъ не можетъ оставаться долѣе—это измѣна!»—Кто писалъ манифестъ!—кричатъ всѣ наперерывъ. Выступаетъ Побѣдоносцевъ и говоритъ, что это онъ писалъ и защищаетъ свой проектъ. «Но вѣдь это противъ уговора»—кричитъ Лорисъ. «Вы ошибаетесь,—говоритъ Владиміръ,—уговора никакого не было. Государь сказалъ Вамъ: займитесь проектами,—а это само-собою». Всѣ продолжаютъ кричать и волноваться. «Конечно надо подать въ отставку,—предлагаютъ кто-то,—и сейчасъ же телеграфировать объ этомъ въ Гатчину».—Я не вижу необходимости подавать въ отставку, — заявляетъ ехидно Игнатьевъ, привычный къ серальскимъ разговорамъ (вѣрно подстроилъ всю эту механику, чтобы избавиться отъ Лориса и играть самому первую роль). Тутъ встаетъ Владиміръ и объявляетъ, что ему надо спѣшить устроить все для парада и уходитъ, не подавая никому руки. Разсказываютъ, что эти совѣщанія верховниковъ (такъ ихъ называетъ партія Каткова) происходили у Нелидовой, и будто она неосторожно говорила объ этомъ въ присутствіи агента Баранова. Послѣдній—штукарь не первой руки. Говорилъ все: «Государь и я» и т. д. Когда мы пріѣхали къ нему по дѣлу, то онъ насъ принялъ всѣхъ, какъ товарищей, и подалъ руку, предложилъ курить. Вообще власть и популяр-

ничаетъ и прижимаетъ—не знаешь, что и ожидать. Ореста Миллера онъ требовалъ къ себѣ по объясненію насчетъ лекціи Соловьева, котораго публика чуть не на рукахъ понесла.

Принимая у себя Миллера, Барановъ встрѣтилъ его словами: «Я принадлежу къ числу вашихъ поклонниковъ и, извините, что заставилъ васъ ждать. Я хотѣлъ отъ васъ слышать, какъ все было на лекціи—не могу же я положиться на слова жандармскаго (по-хлестоковски либерально) офицера». (Слышалъ отъ самого О. Миллера).

Манифестъ произвелъ удручающее впечатлѣніе на многихъ и многихъ людей. Всѣ, чаявшіе чего-то особеннаго отъ новаго царствованія, сильно пріуныли. Подняли голову тѣ, которые сочувствуютъ анархистамъ; имъ это недовольство въ руку. Въ обществѣ есть поклонники Каткова, Аксакова, но они не играютъ видной роли. Лорису дѣлали овацію. Большинство теперь жалѣетъ объ его уходѣ. Земцы новгородскіе, саратовскіе, самарскіе высказались за конституцію.—Петербургъ сдѣлалъ Лориса почетнымъ гражданиномъ.

Во время грозы разбился памятникъ въ Гатчинѣ; всѣ, какъ говорятъ, очевидцы струхнули.

Съ каждымъ днемъ все разочаровываются и начинаютъ опять поглядывать въ ту сторону, откуда вышли Рысаковы. Пресса подъ игомъ, а свѣдущіе люди призываются. Вотъ признаки, которые рисуютъ положеніе... Время хорошее пропущено. Бываютъ моменты, когда общество находится въ своей Sturm & Drang Periode, и кормить ихъ тогда прѣсною пищею, положительно, опасно. «Россія скучаетъ»—можно повторить слова Ламартина. Высшія назначенія не особенно удачны. Талантливыхъ людей (изъ старыхъ) разогнали, а плохихъ (изъ прежнихъ) оставили. Въ обществѣ называютъ новое министерство, бездарное министерство. Дѣйствительно, кромѣ Игнатьева, все такая безталанность патентованная. При назначеніяхъ не руководятся ни способностями, ни прошлымъ человѣка. Игнатьевъ могъ бы быть великолѣпнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а его сунули въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и вотъ онъ проводитъ константинопольскій режимъ.

Барановъ отличился на морѣ, а его сдѣлали градоначальникомъ Петербурга, а теперь въ Архангельскѣ (послѣ немилости)—Баранову дать бы назначеніе на морѣ и онъ былъ бы на мѣстѣ. Также Фадѣева, автора брошюры «Вооруженныя силы Россіи», можно было бы употребить съ большою пользою въ реформированіи арміи, а его прочатъ въ начальники главнаго управленія по дѣламъ печати. Что можетъ выйти изъ такого концерта,

въ которомъ Венявскаго заставятъ пѣть, а Патти разыгрывать на скрипкѣ. Вѣроятно, новая метла плохо мететъ, хотя и новая, а авторитета нѣтъ. Революціонныя изданія, несмотря на запреты и облавы, продолжаютъ выходить и будоражатъ общество. Вспомнилъ анекдотъ про Куника. Говорятъ, что революціонныя изданія регулярно получались всѣми высокопоставленными лицами. Только одну Академію (по случаю ея застарѣлости) обошли г-да революціонеры.

Куникъ, какъ библіофилъ этому обидѣлся и, собравъ нѣсколько прокламацій, пріобщилъ ихъ къ Академической Библіотекѣ, а за недостаточностью экземпляровъ обратился къ Гурко, мотивируя это тѣмъ, что эти документы имѣютъ историческое значеніе. Но Гурко далъ ему такой нагоняй, что онъ вѣрно въ другой разъ не сунется. Я слышалъ, впрочемъ, раньше другую версію. Разсказывали, что Куникъ получалъ раньше всѣ прокламаціи и бережно хранилъ ихъ въ Библіотекѣ Академіи, а когда ему не дослали послѣднихъ изданій, то онъ попросилъ Зурова пополнить его коллекцію. Тотъ ужасно взбѣсился.

Подхалимство прессы дѣлаетъ то, что правительство, убаюкиваемое подлымъ, приниженнымъ тономъ газетъ, заблуждается насчетъ недовольства общества. А ему это нужно знать, въ виду всякихъ случайностей. Всю силу, которую правительство получило послѣ 1-го марта, оно утратило теперь въ глазахъ общества. Инцидентъ исчерпанъ, какъ сказалъ тогда Аксаковъ,— и пользы отъ этого властямъ мало. Оно также разобщено съ обществомъ, какъ и прежде.... Грустно, но видно, что идемъ вѣрными шагами къ какому-то громадному перевороту.

Дѣлаютъ, но не то, что нужно. Не чувствуется опытной умѣлой руки въ общемъ государственномъ управленіи: берутся за все ощупью (какое то tatonnement). Мѣры хороши, намѣренія еще лучшія, а недостаетъ смысла и умѣнія. Сейчасъ видно хорошаго кучера, а тутъ постоянно чувствуется, что кучеръ и остороженъ иногда не въ мѣру и возжи не такъ держитъ, не умѣетъ развернуть лошадей въ карьеръ. «Le gouvernement c'est une question de tod», говорилъ Наполеонъ. Въ томъ-то и дѣло, что все въ рукѣ, — какъ взять вожжи, когда отпустить, когда подтянуть... Передъ свѣдущими людьми прямо выдали себя. Armuth's Zeugniss, да, мы ничего не понимаемъ. Вы—излюбленные люди, а выходитъ, что излюбленные люди по знакомству приглашены—комедіи, не удовлетворяющія ни общество, ни государственныя нужды. Боятся они слова «конституція», какъ жупела, а при конституціи бисмаркизмъ и т. д. является иногда самодержавнѣе самодержавнаго царя.

На что, спрашивается, это свѣдущіе люди? Воспользоваться знаніемъ нѣсколькихъ лицъ—это, положимъ, будетъ достигнуто... Но зачѣмъ же тогда играть въ конституціонную комедію? Вы, дескать, земскіе люди, а мы хотимъ у васъ поучиться. Вмѣстѣ съ этимъ, если думаютъ отвести глаза съ помощью прессы (въ родѣ «Нов. Вр.»), то эта цѣль не достигнута. Какіе же это излюбленные люди? Кто ихъ выбиралъ? Кто ихъ уполномочилъ? Никто. И общество все же остается съ прежнею своею тоскою. Развитыхъ людей вся эта комедія слишкомъ мало удовлетворяетъ, а народъ, да ему какое дѣло до свѣдующихъ людей?.. Земскій соборъ еще могъ бы удовлетворить коекого, но это слово боятся выговорить. Самъ Игнатьевъ вѣрно чувствуетъ, что на одномъ самодержавіи не выѣдешь, и вотъ онъ такіе кунштюки выкидываетъ. Конституція съ безмолвнымъ Corps Législatif, съ рѣчистымъ Tribunat была куда выше, но и эта конституція при Наполеонѣ I не была живуча. По-моему, надо итти слѣпо на конституціонный путь или бросить всѣ затѣи, въ родѣ свѣдующихъ людей, заигрыванія съ земствомъ. Деспотизмъ Наполеона I, Фридриха II имѣетъ тоже свое обаяніе, но для этого надо быть Наполеономъ—надо въ извѣстный моментъ преобладать надъ всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ и воплощать въ себѣ высшій разумъ націи и исторіи, а эти заигрыванія приведутъ къ катастрофѣ рано или поздно. Извѣрившись въ себѣ, самодержавіе, какъ ни стараются вдохнуть въ него силу Катковъ и Аксаковъ, приведетъ къ полному разстройству. Не было самодержавнѣе Наполеона, Фридриха В. и даже Бисмарка, но они вѣрили въ себя, и опытъ показалъ, что они стояли въ извѣстный моментъ во главѣ народа и государства.

Гнетъ, лежащій на прессѣ, ожесточаетъ иныхъ, заигрываніе съ земствомъ вызываетъ улыбку серьезныхъ людей. Привѣтливое обращеніе съ людьми, избранными изъ среды общества самимъ Игнатьевымъ, роняетъ престижъ власти. И все это вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе нерѣшительнаго, безтолковаго, иногда жестокаго, иногда мягкаго, иногда либеральнаго, иногда самодержавнаго правительства.

Единеніе царя съ народомъ совершилось, по выраженію Аксакова, пока въ Москвѣ и въ Костромской губерніи. Но вотъ какая картина представилась на маленькой станціи Николаевской дороги. Вся дорога оцѣплена войсками, бивуакирующими вдоль полотна съ огнями. Всѣ—начальникъ станціи, кассиръ, прислуга, всѣ сидятъ подъ замкомъ въ своихъ комнатахъ, а въ это время при гробовомъ молчаніи пролетаетъ поѣздъ. Вотъ и единеніе! Да развѣ Петръ I (абсолютизмъ и даже квинтъ-эссенція абсолю-

тизма) послѣ стрѣлецкаго бунта, Наполеонъ послѣ взрыва бомбы и заговора Кадудаля и др. такъ прятались? Они шли въ народъ и жили съ нимъ одною жизнью.

Все это было бы смѣшно, если бы это не отразилось современемъ какою-нибудь катастрофою. При жизни въ Гатчинѣ—Петербургъ, т.-е. народъ, отвыкнетъ отъ царя. Его онъ хвалитъ. Онъ можетъ быть не Людовикомъ XVI, но можетъ быть Карломъ I. Послѣ 1-го марта необходимъ былъ человѣкъ съ громадными умственными силами, безстрастный до отваги, человѣкъ, про котораго сложились бы сейчасъ легенды о его неустрашимости, о томъ, какъ онъ на извозчикѣ ѣхалъ—даже нѣчто въ родѣ Николая.

А. И. Васильчиковъ.

Я прочиталъ въ газетахъ о смерти Васильчикова. Подумаешь, и тутъ лицемѣріе и партійность. Читаешь и не вѣришь глазамъ. Онъ былъ безспорно умный человѣкъ, полезный и хорошій писатель.—Этотъ человѣкъ, котораго я знаю послѣ близкаго знакомства съ нимъ, представлялъ странный контрастъ. Въ книгахъ своихъ (про которыя злые языки говорили, что онѣ пишутся студентами и т. д., а князь только сортируетъ матеріалъ и потомъ выступаетъ въ свѣтѣ) онъ является демократомъ и даже немного соціалистомъ. Въ жизни онъ былъ совсѣмъ другой. Въ немъ была непріятная morgue англійскаго лорда. Въ засѣданіи земскихъ людей его не любили за этотъ аристократизмъ, за это высокомѣрное обращеніе съ людьми. То же было и въ Славянскомъ Комитетѣ. Онъ не всѣмъ подавалъ руку, и это обижало многихъ. Сухой, длинный, костлявый, съ портфелемъ подъ мышкою, онъ подавалъ руку ближайшимъ, напр., Ламанскому и мнѣ, какъ секретарю, а остальнымъ отвѣшивалъ поклонъ. Въ обращеніи съ людьми у него было много рѣзкости (что французы называютъ cassant) и даже деспотическія замашки, онъ не сносилъ людей ниже себя (должно быть по натурѣ), разночинцевъ, въ родѣ Васильева, Аристова и др. и всегда брезгливо относился къ нимъ. Онъ и не былъ способенъ на такой поступокъ, какъ рѣчь Аксакова (первая и вторая), онъ дѣйствовалъ съ оглядкою, справлялся, какъ думаютъ повыше. Онъ, вѣрно, былъ честолюбивъ и слегка будировалъ правительство, но всегда старался сохранить прежнія связи.

Какъ кабинетный ученый, аристократъ и богатый землевладѣлецъ, взявшій на себя защиту народа, народной собственности, онъ выдѣляется среди нашихъ дѣятелей. Онъ никогда не сдѣлалъ ни одной политической безтактности. Но это не чело-

вѣкъ иниціативы или человѣкъ порыва (въ его время Славянскій Комитетъ обратился въ отдѣленіе Азіатскаго департамента и утратилъ всякое значеніе), онъ не допускалъ никакихъ научныхъ заявленій, боялся ихъ и даже выразилъ мнѣ свое несочувствіе о рѣчи Аксакова по поводу Восточнаго вопроса. «Не надо стеколъ ломать. Эта рѣчь—большая безтактность», сказалъ онъ тогда. Съ большимъ честолюбіемъ ему хотѣлось во что бы то ни стало играть роль и вотъ почему, не зная почти славянства и не сочувствуя душою возрожденію славянства, онъ принялъ на себя званіе предсѣдателя. Онъ игралъ на модный мотивъ: земство, самоуправленіе, дешевый кредитъ, славянство, а въ душѣ это былъ черствый, сухой, разсудочный человѣкъ съ аристократизмомъ до кончика ногтей. Если бы у насъ была бы конституція — онъ могъ бы сыграть нѣкоторую роль, но не надолго.

Онъ не обладалъ краснорѣчіемъ Аксакова или Ковалевскаго. Рѣчь его никого не воспламеняла и не дѣйствовала на людей, подобно Достоевскому, и, потомъ, онъ былъ все-таки не оригиналенъ. Трудолюбивый и знающій, онъ повторялъ чужія мысли. Онъ былъ хорошій компиляторъ. Правда, ему теперь воскуриваютъ фиміамъ, est modus in rebus,—воскуриваютъ ему за записку Толстому, за его сочиненія и потому, что этого требуютъ теперь интересы партіи. Все у насъ не спроста дѣлаютъ. Дѣлаютъ овацію Достоевскому (понимай: дѣлаютъ овацію бывшему петрашевцу, бывшему на каторгѣ). Вездѣ пробивается тонкою струйкою въ газетахъ, въ журналахъ оппозиція, но все это такъ спрятано, что непосвященному человѣку трудно разглядѣть. Кн. Васильчиковъ никогда не былъ конституціоналистомъ (и это высказывалъ въ разговорѣ) и даже не былъ славянофиломъ, игнорируя славянство, смѣялся надъ нашими общественными силами, и не вѣрилъ въ зрѣлость русскаго общества, но онъ имѣлъ тактъ этого не заявлять публично и хранить объ этихъ вещахъ молчаніе, потому онъ теперь получилъ свой апоѳеозъ и надъ нимъ теперь будутъ проливать слезы сожалѣнія. Вотъ какъ пишется исторія. Всѣмъ, знавшимъ близко Васильчикова въ роли предсѣдателя Славянскаго Комитета, покажется страннымъ его демократическая книга. Въ пріемѣ добровольцевъ, требующихъ пособія, онъ былъ безжалостно строгъ и даже дерзокъ съ людьми, которымъ комитетъ оказывалъ помощь. Черствый, чопорный и холодный на видъ, наводилъ уныніе на тѣхъ, которые приходили просить помощи. Идите—ничего не могу.

Къ Аристову и проч. онъ питалъ просто презрѣніе.

— «Вотъ онъ,—сказалъ онъ мнѣ,—хотѣлъ вдругъ ворачать европейскими дѣлами».—Чуть не сказалъ про нихъ, что такая

сволочь много о себѣ воображаетъ. Вообще былъ брезгливъ съ плебсомъ. Въ Новгородѣ, когда онъ былъ предводителемъ дворянства, онъ тридцать тысячъ (или болѣе) ухлопалъ дворянскихъ денегъ (которыя шли на воспитаніе дворянъ) для постройки дворянскаго дома.

Заканчивая характеристику, могу сказать, что это натура сложная. Лордъ съ дворянскими замашками, увидѣвъ, что дворянство теряетъ почву и что правительство не сумѣло оцѣнить его ума и способностей, пошелъ къ замарашкамъ, которыхъ презиралъ въ глубинѣ души. Эта брезгливость, презрѣніе къ плебсу было сильнѣе самого князя и онъ не умѣлъ скрыть это. Во всякомъ случаѣ, жалко, что такіе люди, какъ Васильчиковъ, не находятъ себѣ поприща и что правительство не воспользовалось его способностями. Онъ былъ умнѣе многихъ нынѣшнихъ знаменитостей и былъ бы полезнѣе ихъ.

Письма Дараганъ и Кривенко.

1.

Пишите, Григорій Александровичъ, не будируйте за то, что я сама рѣдко пишу, право, это все отъ хандры; что же вашъ романъ въ «Словѣ». Или не пройдетъ, можетъ быть, вѣдь теперь что-то ужасное творится съ цензурой, скоро нечего читать будетъ. Ужъ и времячко, нечего сказать. Хуже всего, что рѣшительно ничего нельзя понять: при Николаѣ, по крайней мѣрѣ, просто и откровенно душили и кричать не велѣли, ну и понятно. А теперь только и можно видѣть, что есть два какія-то теченія: съ одной стороны призываютъ общество къ содѣйствію, но пока выражается это содѣйствіе только созваніемъ «нотаблей» для совѣщанія о кабакахъ (все-то у нихъ какъ-то странно, чтобъ не сказать пошло, выходитъ; а можетъ быть и правы, что съ этого начинаютъ, вѣдь не даромъ же Крыловъ говорилъ, что исторія русскаго народа исчерпывается *Исторіей кабаковъ въ Россіи;* (кстати, не забудьте мнѣ писать, если знаете, есть ли въ продажѣ эта книга Прыжова и можно ли ее выписать, не навлекая подозрѣній). А, рядомъ съ этимъ, пресса не смѣетъ ничего обсуждать, газеты закрываются одна за другою; вотъ мы уже третью перемѣнили: «Голосъ», «Новую Газету», «Московскій Телеграфъ», и вотъ уже недѣля, какъ и послѣдняго не получаемъ; можетъ, тоже запретили, а мы еще и не знаемъ.

На-дняхъ, напр., получили всѣ домовладѣльцы въ Ялтѣ и окрестностяхъ изданныя ген.-губ. правила: о паспортахъ, ору-

жіи, строжайшемъ надзорѣ за пріѣзжими, крайне для всѣхъ стѣснительныя, и вдругъ пріѣзжаетъ самъ Дондуковъ-Корсаковъ, видитъ въ гостиницѣ прибитыя на стѣнѣ свои «Правила» и срываетъ ихъ собственноручно, говоря, что это можетъ только напугать публику, разогнать всѣхъ изъ Ялты. А на другой день объѣзжаетъ всѣ дома урядникъ и отбираетъ у насъ, уже полученныя нами, эти злосчастныя «Правила». Вы, конечно, этому не повѣрите (я сама тоже бы сдѣлала, не видавши всего), но я не прибавила ни одного слова отъ себя; а вѣдь, неправда ли, даже Щедринъ ничего не выдумалъ сильнѣе. Не знаешь, какъ разобраться въ этой чепухѣ. А, между тѣмъ, искренно жаль бѣднаго государя, который такъ, очевидно, хочетъ всего хорошаго, но не ясно видитъ средства къ достиженію цѣли. Кажется, что увлекается недовѣріемъ ко всѣмъ (отчасти, впрочемъ, понятнымъ), а самъ добровольно лишаетъ себя самого вѣрнаго содѣйствія общества, стѣсняя печать.

Вы, можетъ быть, найдете все это лишнимъ, да и отвѣтить не можете такъ свободно обо всемъ (вѣдь я только съ Ол. Ал. рѣшаюсь писать даже эти невинныя вещи), но мнѣ такъ захотѣлось сказать вамъ все, о чемъ думаю, а здѣсь я рѣшительно ни съ кѣмъ не говорю.

Искренно преданная вамъ

С. Д.

9-го октября 1881 г.
Ялта.

2.

Іюль, 9-е, 1881 г.

Многоуважаемый Григорій Александровичъ!

Сейчасъ я получилъ начало «Полной чаши» и ваше письмо. Пожалуйста, извините, что редакція замедлила высылкою вашей рукописи; не до того было все это время, какъ сейчасъ увидите. Сначала, впрочемъ, скажу Вамъ, что продолженіе «Полной чаши» распоряжусь послать къ вамъ завтра же, а что касается до маленькой вашей повѣсти, то она очень понравилась обоимъ нашимъ редакторамъ, гораздо лучше обработана въ литературномъ отношеніи и назначена въ іюльскую книжку. Придется ли только ей увидѣть свѣтъ—не знаю, ибо дѣла «Слова» въ высшей степени печальны. Вотъ въ чемъ бѣда, Григорій Александровичъ, намъ не хотятъ утверждать ни постояннаго, ни временнаго редактора... О г-нѣ Альбовѣ въ д-тѣ государственной полиціи, говорятъ, былъ благопріятный отзывъ, но министръ внутреннихъ

дѣлъ, тѣмъ не менѣе, его не утвердилъ. Вяземскій, давъ слово, что его ни за что не утвердятъ, вѣроятно, настоялъ на своемъ. Прошеніе о васъ подавалось два раза, но оба раза его не приняли, сказавъ, чтобы сначала дожидались отказа въ утвержденіи Альбова. Когда 16 іюня, наконецъ (черезъ два мѣсяца слишкомъ), получился такой отказъ, то просить опять о васъ мы затруднились: 1) подумавъ, изъ двукратнаго отказа принять прошеніе, что и васъ не хотятъ утвердить, а 2) очень тороплюсь подачею прошенія, а вашего вида не было подъ руками. Поэтому, 17 іюня было подано прошеніе о г. Златовратскомъ (состоявшемъ до сего времени редакторомъ «Русскаго Богатства») и вслѣдъ затѣмъ о г. Плещеевѣ, предоставивъ Глав. упр. по д. п. сдѣлать выборъ или утвердить ихъ обоихъ редакторами. Но съ 17 іюня до сихъ поръ нѣтъ никакого отвѣта. Департаментъ государственной пол. далъ и о г. Златовратскомъ хорошій отзывъ, но доклада министру Вяземскій до сихъ поръ еще не дѣлалъ и не обѣщаетъ опредѣленно, когда именно сдѣлаетъ. Вслѣдствіе того, что со мною и повѣреннымъ издательницы обращались въ Глав. управл. по д. п. очень грубо, не выслушивая, не давая отвѣтовъ, смѣялись прямо въ глаза надъ комическимъ положеніемъ журналистовъ безъ журнала, я вызвалъ изъ деревни бывшую издательницу, и вотъ что ей самой на-дняхъ категорически объявили въ Гл. упр. по д. п.: Вяземскій опять сказалъ, что временнаго редакторства онъ никому разрѣшить не можетъ, а утвержденіе постояннаго редактора зависитъ отъ министра, къ которому и рекомендуетъ обратиться, такъ какъ все промедленіе въ этомъ дѣлѣ зависитъ отъ него. Г. Адикаевскій, разсердившись на что-то, былъ гораздо откровеннѣе и сказалъ издательницѣ публично отъ лица Главнаго управленія слѣдующее: «Докладъ о Златовратскомъ мы сдѣлаемъ черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ, черезъ два... Но это все равно для васъ потому, что представляйте вы хоть 20 человѣкъ въ редакторы и пускай д-тъ государственной полиціи даетъ о нихъ самые лестные отзывы, то и тогда ни одного изъ нихъ мы вамъ не утвердимъ. Вамъ остается одно изъ двухъ: или ликвидировать журналъ, или же представить въ редакторы кого-нибудь изъ двухъ: Каткова или Побѣдоносцева». Какъ вамъ понравится эта категоричность и этотъ цинизмъ насмѣшки и произволъ. Право, опускаются руки и нападаетъ отчаяніе... Была издательница и у министра, объяснивъ все дѣло, подала прошеніе, но получила въ отвѣтъ только обѣщаніе поговорить съ Вяземскимъ, отъ котораго все это зависитъ. Результата пока никакого не послѣдовало. Между тѣмъ, подписчики шлютъ каждый день массу писемъ, требуя запоздавшихъ книжекъ, или денегъ, упрекая въ

недобросовѣстности и т. д.; майская и іюньская книжки лежатъ въ типографіи совершенно готовыя (іюль набирается), сотрудникамъ платится, наборщикамъ платится, конторщикамъ платится и т. д.; полугодовая подписка и досылка разсроченныхъ денегъ пріостановилась; а впереди обязательства въ 100,000 руб., по которымъ съ пріостановкой журнала, можетъ послѣдовать искъ, и потеря 15.000 сверхъ того затраченныхъ, не считая подписной суммы, которую нужно будетъ еще возвратить. Очевидно, они хотятъ закрытія журнала, но не имѣя для этого законныхъ основаній, желаютъ довести его до изнеможенія и заставитъ самому ликвидироваться. Такъ это и говорятъ съ откровенностью. Вы видите, что Глав. управ. по д. п. стоитъ на совершенно незаконной почвѣ и не желаетъ, имѣя полную возможность закрыть журналъ или отдать другимъ обыкновенными путями, сойти съ этой почвы, и сдѣлать противъ этого ровно ничего не можете. Связей и протекціи у насъ рѣшительно никакихъ нѣтъ, а будь онѣ, вѣроятно, такъ не поступили бы съ нами. Любопытнѣе всего во всей этой исторіи то, что намъ ставится въ вину прошлое журнала, къ которому мы не имѣли ни малѣйшаго прикосновенія, что за грѣхи другихъ должны поплатиться (и матеріально и нравственно) мы, взявшіе журналъ только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Просто не знаю, что и дѣлать. Не посовѣтуете ли вы, Григорій Александровичъ, что-нибудь предпринять или къ кому-нибудь обратиться. Не знаете ли вы чего о Фадѣевѣ. Онъ теперь пользуется здѣсь большимъ вліяніемъ, въ особенности въ министерствѣ внутр. д. и по дѣламъ печати. Говорятъ, что онъ будетъ назначенъ вмѣсто Вяземскаго. Ему приписываютъ брошюру, вышедшую въ Лейпцигѣ, у Брокгауза: «Письма о современномъ состояніи Россіи», которую почти всѣ комментируютъ. Не обратиться ли къ нему съ объясненіемъ положенія вещей, которое положительно компрометируетъ тѣхъ, кто его создаетъ, въ особенности, когда мы желаемъ и просимъ только одного—законности. Утопающій, говоритъ пословица, хватается и за соломинку. Словомъ, Григорій Александровичъ, если можете что-нибудь сдѣлать или присовѣтовать, то очень обяжете. Не будете ли въ Петербургѣ?

Преданный Вамъ *С. Кривенко.*

Между прочимъ, сообщу Вамъ вотъ что: когда подавалось прошеніе о Златовратскомъ, то Вяземскій спросилъ—почему же не о де-Волланѣ, о которомъ хотѣли сначала просить. На это было отвѣчено, что вслѣдствіе двукратнаго отказа принять прошеніе, мы подумали и т. д. А можетъ быть они Васъ и утвердятъ. Подать прошеніе еще можно вѣдь. Какъ Вы объ этомъ думаете?

3.

Пожалуйста, извините меня, многоуважаемый Григорій Александровичъ, за мою медленность и неаккуратность по исполненію Вашего порученія. У меня такъ много всякихъ хлопотъ, работы и бѣготни, въ особенности теперь, когда всѣ разъѣхались по дачамъ, что немудрено быть неаккуратнымъ. Когда, послѣ перваго Вашего письма, я справлялся о Вашихъ рукописяхъ, то ихъ въ конторѣ еще не было (онѣ были въ редакціи); а затѣмъ я ѣздилъ въ Москву, гдѣ прожилъ около трехъ недѣль; потомъ вышла путаница съ Ор. Миллеромъ и Плещеевымъ (я понадѣялся на нихъ, а они на меня), наконецъ переговоры съ «Устоями». Словомъ—длинная исторія, а короче—повѣрьте, что вовсе не небрежность, а извинительная причина сдѣлала меня въ данномъ случаѣ неаккуратнымъ. Теперь Вы, вѣроятно, уже получили рукописи. Я ихъ Вамъ отправилъ дня три-четыре тому назадъ. И вотъ Вамъ примѣръ: по крайней мѣрѣ три дня не могъ выбрать десяти-пятнадцати минутъ, чтобы написать Вамъ нѣсколько строкъ. Теперь, впрочемъ, нѣсколько освободился и ѣду до воскресенья въ Чудово, къ своей женѣ, которая тамъ живетъ на дачѣ, неподалеку отъ Глѣба Ивановича. Вы говорите относительно помѣщенія «Полной Чаши» въ «Устояхъ». Это хорошо было бы сдѣлать и можно было бы сдѣлать, только вотъ въ чемъ бѣда: дни «Устоевъ» сочтены по недостатку средствъ, и если въ теченіе двухъ-трехъ недѣль положеніе не измѣнится, то врядъ ли они будутъ существовать. Вотъ, не хотите ли имѣть свой органъ. Чтобы довести до конца года нужно очень немного—тысячъ 6—7, даже съ 5-ю и имѣющимися остатками можно дотянуть до подписки. Если бы явилось, въ самомъ дѣлѣ, желаніе, то напишите—переговорю по этому поводу и сообщу подробности, а то сами пріѣзжайте въ воскресенье. Остановиться можете у меня, такъ какъ я теперь совершенно одинъ въ квартирѣ и это доставитъ мнѣ такое удовольствіе. Затѣмъ позвольте пожелать Вамъ всего хорошаго и засвидѣтельствовать Вамъ свое почтеніе.

С. Кривенко.

Глѣбъ Ивановичъ отправился путешествовать. Вчера получилъ отъ него телеграмму изъ Нижняго Новгорода.

4.

Многоуважаемый Григорій Александровичъ, очеркъ Вашъ я уже передалъ въ «Устои». Извините, пожалуйста, что про-

медлилъ отвѣтомъ. Все были надежды, все хотѣлось написать Вамъ что-нибудь радостное, но... ничего радостнаго не послѣдовало. Спасибо Вамъ за участливое отношеніе. Глѣбъ Ивановичъ живетъ теперь въ Чудовѣ, собственно въ Сябринцахъ, въ 4 верстахъ отъ Чудова. Въ свою очередь преданный Вамъ

С. Кривенко.

Я сейчасъ ѣду дня на два въ Москву. По возвращеніи, напишу Вамъ.

5.

Письма-то Ваши, добрѣйшій Григорій Александровичъ, я получилъ, только что Вамъ отвѣтить на нихъ—право не знаю, потому что журналъ находится все въ томъ же несчастномъ положеніи, въ какомъ и находился... Повидимому, положеніе это, несмотря на всю его несправедливость, желаютъ длить неопредѣленное время, такъ какъ относительно Златовратскаго и Плещеева до сихъ поръ нѣтъ отвѣта (съ 17 іюня), а словесно говорятъ теперь: Представьте редактора съ *твердымъ правительственнымъ направленіемъ* (точно—представленные нами—имѣютъ слабое или совсѣмъ антипотребное направленіе), *который совмѣщалъ бы въ себѣ служебныя заслуги съ литературными и былъ намъ (?) извѣстенъ, потому что одного одобрительнаго отзыва департамента государственной полиціи недостаточно*». Вотъ и ищите теперь такую, поистинѣ, жаръ-птицу. Собственно говоря, требуютъ вѣдь представить знакомаго имъ человѣка, но кому знакомаго—неизвѣстно. Словомъ, положеніе совсѣмъ невозможное и совсѣмъ невѣроятное, какое-то константинопольское положеніе. Просишь, вѣдь, только одного: законности и охраненія имущественныхъ правъ, которыя съ каждымъ днемъ уменьшаются, потому что подписчики уходятъ и изданіе обезцѣнивается; но и этого никакъ не можешь добиться. Говоришь: «У васъ цѣлый арсеналъ предусмотрѣнныхъ закономъ каръ, давайте предостереженія, пріостанавливайте изданіе, закрывайте совсѣмъ, задерживайте и жгите книжки, предавайте насъ суду, словомъ,—дѣлайте что угодно, только стойте на законной почвѣ, все это въ вашихъ рукахъ и въ вашей власти...» Нѣтъ, даже и не слушаютъ. Говоришь, что вы недовольны, вѣдь, на старое «Слово», а караете насъ, только въ него вступившихъ и связавшихъ съ нимъ свою судьбу; и этого не слушаютъ. Васъ тоже не хотятъ утвердить редакторомъ. Вчера самъ Вяземскій вспомнилъ про Васъ и сказалъ, что не утвердитъ и Васъ. Вы все-таки по-

звольте подать о Васъ прошеніе, когда получится отказъ относительно З. и П., потому что, можетъ быть, они и поймутъ, что дѣлаютъ беззаконіе и не имѣютъ права не утверждать всѣхъ тѣхъ, кого они только не знаютъ близко. Былъ я и у г. Фадѣева (по рекомендаціи двухъ общихъ знакомыхъ), но налетѣлъ, какъ говорится, съ ковшомъ на брагу. Встрѣтилъ онъ меня до того надменно и черство, что я поспѣшилъ поскорѣе убраться. Теперь совсѣмъ не знаю, что предпринять и къ кому обратиться, а обратиться къ кому-нибудь нужно, потому что протекція, къ сожалѣнію, продолжаетъ играть очень большую, если только не главную, роль даже въ самомъ справедливомъ дѣлѣ. Брошюры Вашей въ продажѣ еще нѣтъ, а «Письма о совр. сост. Россіи» кто-то у меня взялъ и не несетъ до сихъ поръ. Не придумаете ли, Григорій Александровичъ, Вы чего-нибудь для злополучнаго «Слова».

Преданный Вамъ
С. Кривенко.

Хотѣлъ для успокоенія подписчиковъ сдѣлать самую краткую и совершенно безобидную публикацію, но оказалось, что публиковать нельзя, такъ что, сверхъ разоренія, Вы еще имѣете въ перспективѣ остаться передъ публикой въ самомъ скверномъ свѣтѣ и не имѣете возможности оправдаться даже.

13 іюля 1881 г.

Гр. де-Волланъ.

Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки прошлаго[1])

Дневникъ за 1882 годъ.

1 апрѣля 1882 г.

Все идетъ къ разговорамъ.—Во главѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ назначенъ Гирсъ, говорившій еще директору азіатскаго департамента, что у него каша въ головѣ. Онъ, съ своею кашею въ головѣ, въ союзѣ съ мякающимъ Мельниковымъ—люди не иниціативы, а жалкія посредственности, безъ всякой творческой мысли въ головѣ. Въ Петербургѣ прозвали министерство посредственностей,—без.... министерство. Если сравнить начало прежняго царствованія съ нынѣшнимъ, то надо отдать предпочтеніе первому. Вмѣсто Милютина посредственный Ванновскій, вмѣсто Горчакова, обладавшаго способностями государственнаго человѣка, Гирсъ, одинъ только Игнатьевъ представляетъ въ числѣ этихъ nullités крупную величину, но что онъ можетъ сдѣлать. Опытъ съ свѣдущими людьми потерпѣлъ полное фіаско, и даже газеты перестали печатать отчеты изъ Совѣщательной залы. Сбавка рубля съ выкупныхъ платежей никого не удовлетворила и только разожгла аппетиты. Выходитъ гора мышь родила, и всѣ прелестныя ожиданія улетучились прахомъ. Бѣдная Россія—за что на тебя такія напасти. Не оскудѣла ты людьми? Нѣтъ, люди есть, но теперь настало царство посредственности, и много бѣдъ ожидаютъ тебя. Внутри слабость, нерѣшительность и постоянные подземные удары, а во внѣшней политикѣ униженіе и позоръ.

Николай I, вступая на престолъ, энергически дѣйствовалъ противъ пробужденія мысли, но онъ далъ странѣ въ видѣ компенсаціи—внѣшнее величіе и авторитетъ. Но съ Гирсомъ и Мельниковымъ и этого ожидать нельзя. Мы будемъ рабами Германіи, Турціи, Англіи, всѣхъ тѣхъ, которые будутъ имѣть смѣлость пригрозить намъ.

---

[1]) См. «Гол. Мин.» № 5.

5-е апрѣля.

Замѣчательно, что у насъ газеты всегда радуются и хвалятъ новое назначеніе и провожаютъ министра всегда съ критикою; это показываютъ, что у насъ пресса *самая свободная* и самая честная въ мірѣ. При назначеніи Гирса кромѣ обычныхъ курбетовъ прессы передъ восходящимъ свѣтиломъ слышится и ликующій голосъ заграничной прессы. Даже фонды наши поднялись на 2%. Ура, Гирсъ съ его присными! У насъ и свой Биконсфильдъ появился, но безъ творческаго генія и талантовъ англійскаго премьера. Поднятіе нашихъ фондовъ на лондонской биржѣ показываетъ, какъ насъ боятся даже и теперь, когда мы тише воды, ниже травы. Потомъ заграницей радуются, что во главѣ нашей иностранной политики появилась бездарность, которая будетъ все уступать и ежиться. Куда мы придемъ, если пресса будетъ славословить всѣ дѣйствія правительства, а во главѣ будутъ жалкія бездарности. Точно людей нѣтъ въ Россіи. Ну, назначили бы Игнатьева или Стремоухова на мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ. Около Гирса группируется все менѣе талантливое въ министерствѣ. Ни въ одномъ изъ его помощниковъ не видно проблеска творческой мысли. Машина государственная ухудшается. Рыба начинаетъ гнить съ головы,—говоритъ Іонинъ. У насъ есть Лорисъ, Скобелевъ, Стремоуховъ, Зарудный, даже Ламанскій, Абаза, Милютинъ и все это не у дѣлъ—a le haut du paré занимаютъ Гирсъ, Мельниковъ, Ламздорфъ, Броссе (мин. ин. дѣлъ), Ванновскій, Бунге (по увѣренію его сослуживцевъ это ученая бездарность), Поссьетъ и т. д. Конечно, нашимъ заграничнымъ друзьямъ есть причина радоваться и ликовать. При такихъ людяхъ, какъ Гирсъ, Новиковъ, Горчаковъ младшій, Убри, Сабуровъ, при такихъ министрахъ, какъ Ванновскій, Россія никогда не будетъ играть большой роли въ Европѣ и наши заграничные менторы (Бисмаркъ) будутъ нами помыкать. Не оскудѣла Россія талантами—они есть и между старыми и молодыми дѣятелями, но нежеланіе выбрать подходящихъ людей. Больше всего бѣситъ подхалимство, молчалинство прессы... Она захлебывается отъ восторга и умиленія отъ всякой правительственной мѣры, а на повѣрку выходятъ все какіе-то мертворожденные выкидыши (свѣдующіе люди, сбавка рублевая, питейный вопросъ, выборъ людей—развѣ только новая форма мундировъ, домовитость). Да оглянитесь же, очнитесь и подумайте, куда вы идете—не революціонеры, а вы сами ведете къ революціи своими геніальными мѣропріятіями.

А крамола все-таки даетъ себя знать. Стрѣльниковъ убитъ. То, что я писалъ въ началѣ прошлаго года, существуетъ и теперь. При вступленіи въ царствованіе необходима была желѣзная рука Николая, Петра или Наполеона I.

Или бѣлый терроръ, или начать либеральную эру,—а у насъ ни то, ни се. Прежде пресса была несвободная, а теперь она исподлилась, испакостилась.

Бьютъ по карману представителей прессы, и потому они изъ-за пятачковъ лѣзутъ на стѣну, византійствуютъ, подличаютъ. А какой толкъ? Строгости мало, но и свободы мало. Всѣ недовольны, всѣ жаждутъ перемѣны, что тамъ ни говори.

Общество жаждетъ сильныхъ ощущеній, и тутъ размазня, нерѣшительность, неудовлетворенность, неувѣренность въ своихъ силахъ не помогутъ. Тутъ помогутъ сильныя средства въ ту или другую сторону. Давайте намъ Петра или Александра I. Одно изъ двухъ. Но теперь видно, что этого не дождаться и докувыркаемся мы до катастрофы.

Апрѣль 1882 г.

Я забылъ внести въ свой журналъ разсказъ одного знакомаго Окунева о дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ помощниковъ Баранова. Кто имѣлъ первый мысль о Священной Дружинѣ, неизвѣстно. Знаю, что эта мысль во многихъ головахъ. Между прочимъ, Всев. Миллеръ говорилъ, что слѣдуетъ организовать антиреволюціонную дружину, которая будетъ убивать и ловить любителей динамита. Но эта мысль принесла свои плоды. Боби Шуваловъ и многіе другіе организовали тайную дружину, цѣль которой борьба съ революціей.

Щедринъ окрестилъ ее мѣткимъ названіемъ—общество свѣтскихъ лоботрясовъ. Въ обществѣ говорятъ объ ней и называютъ ее сосипантре или золотая рота. Про одну такую ловлю соціалиста за городомъ, котораго видѣлъ одинъ, разсказывалъ очень драматически Окуневъ. Онъ и другъ его, Киселевъ, направились туда и были введены за перегородку. Іуда, входившій на это сборище, былъ влюбленъ въ одну дѣвушку, а она пренебрегла имъ и полюбила соціалиста. Когда Киселевъ вошелъ къ нимъ, то они всѣ сдались съ большой покорностью. Киселевъ былъ добровольцемъ въ Сербіи и теперь по собственному желанію (вѣроятно, и изъ денежныхъ видовъ) взялся за дѣло Священной Дружины. Въ этой Дружинѣ фигурируютъ многіе статскіе совѣтники и люди изъ общества, получающіе громадное жалованье. Нѣмецкія газеты публикуютъ ихъ имена во всеобщее

свѣдѣніе къ великому огорченію Св. Дружины... Въ обществѣ относятся вообще иронически къ дѣйствіямъ этого Общества и поддержки ему ждать трудно. Увидимъ, что будетъ. Письма, говорятъ, всѣ распечатываютъ и читаютъ. Одинъ изъ сотрудниковъ «Новаго Времени» написалъ очень рѣзкое письмо о современномъ положеніи Аксакову. Потребовали для объясненій, и письмо оказалось на столѣ у министра внутреннихъ дѣлъ. Шпіонство, вскрытіе писемъ не помогаютъ правительству выйти изъ затрудненій. Вездѣ мерещится крамола—тысячеголовая гидра.

Всѣмъ извѣстно, какой переполохъ надѣлали новгородцы тѣмъ, что запретили своему предсѣдателю ѣздить въ Петербургъ въ качествѣ свѣдущаго человѣка. Игнатьевъ былъ очень недоволенъ нѣкоторыми ораторами на собраніи. Увидѣвъ Костливцева онъ спросилъ его: «Отчего это вы сказали, что ѣздили въ Петербургъ въ качествѣ частнаго человѣка, я васъ не знаю лично».

Костливцевъ: «А какъ же иначе, я не былъ уполномоченъ земствомъ на эту поѣздку»...

Вообще съ этими свѣдущими людьми произошелъ скандалъ. Нѣкоторые изъ нихъ, напр., Вагановъ и другіе, сдѣлаютъ карьеру, получатъ камергерскіе ключи. Самый питейный проектъ былъ измѣненъ мин. финансовъ; свѣдующіе люди хотѣли in corpore объявить въ Государственномъ Совѣтѣ, что ихъ проектъ измѣнили. Приписываютъ Марикину слѣдующія слова, сказанныя Игнатьеву: «Насъ позвали строить дома, а теперь, оказывается, кирпичи всѣ вытащилъ министръ финансовъ и оставилъ намъ известь; такъ дѣлать не годится».

Эти слухи подтверждаются статьею Маркова о свѣдущихъ людяхъ въ «Новомъ Времени». Въ этой статьѣ онъ отмѣчаетъ слѣдующія три важныя обстоятельства: 1) общество охладѣло и приняло враждебно дѣятельность свѣдущихъ людей, 2) министерство финансовъ подало въ Государственный Совѣтъ проектъ закона, различный съ протоколомъ свѣдущихъ людей, оставивъ въ проектѣ только нѣкоторыя частности, а сущность труда свѣдущихъ людей была отвергнута, 3) свѣдущіе люди—это реальная мысль, порожденная горою иллюзіи—выраженіе Маркова. О, наивность, да всѣ знали, что свѣдущихъ людей призовутъ, а потомъ отправятъ ихъ по домамъ, не послушавшись ихъ совѣта. И къ чему вы пыжились? Все это надо было ожидать.

Свѣдущіе люди совсѣмъ провалились въ общественномъ мнѣніи. Всѣ о нихъ забыли.

Въ заграничной прессѣ масса каррикатуръ... И у насъ появилась каррикатура, изображавшая собаку, къ которой при-

стаетъ назойливая муха. Послѣдняя картина изображаетъ эту собаку, уже сидящую въ будкѣ, и передъ носомъ летаетъ муха.

Эта каррикатура надѣлала громадный переполохъ. Самому издателю грозило разореніе и закрытіе журнала. Къ счастью онъ занялся болѣе тщательнымъ разсмотрѣніемъ злополучной картинки, надѣлавшей столько тревоги, и къ великому удовольствію разсмотрѣлъ, что на картинѣ изображена *сука*. Хлопнувъ себя по головѣ и, крикнувъ отъ радости: «эврика», онъ летитъ къ Вяземскому и Игнатьеву и, неся съ собою corpus delicti, кричитъ, увидѣвъ ихъ: «Ваше превосходительство—сука».—«Слава Богу, говорятъ, инцидентъ исчерпанъ».

Этотъ анекдотъ разсказалъ Суворинъ въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ и за достовѣрность его можно ручаться. Вообще цензура теперь самая строжайшая и придирчивая.

Что Игнатьевъ не твердо сидитъ, объ этомъ говорятъ многіе. Великій Князь Алексѣй Александровичъ говорилъ Государю: «Сегодня 1-е апрѣля, сейчасъ Николай Павловичъ скажетъ правду».

Не буду вносить въ мой журналъ все то, что наполняло за это послѣднее время столбцы газетъ. Рѣчь Скобелева произвела сенсацію и въ Россіи, и въ Европѣ. Многіе въ Россіи видятъ въ Скобелевѣ надежду и славу Россіи. На запросъ германскаго правительства рѣшились сдѣлать выговоръ храброму генералу. Этотъ выговоръ былъ напечатанъ въ англійскихъ газетахъ, но чтобы не тревожить общественнаго мнѣнія въ Россіи, выговоръ не былъ обнародованъ въ русскихъ газетахъ. Все это показываетъ слабость и нерѣшительность власти. Ванновскій рѣшился сдѣлать выговоръ Скобелеву. Но Скобелевъ, какъ высокопревосходительный (Ванновскій только превосходительный) принялъ это очень фамильярно и сказалъ, что онъ самъ сожалѣетъ. Во время аудіенціи у государя Скобелевъ сказалъ: «Несу повинную голову, русское сердце заговорило». Государь будто со слезами на глазахъ принялъ эти слова и наилучшимъ образомъ принялъ Скобелева.

Что въ немъ бездна честолюбія, самолюбія и т. д. въ этомъ, я думаю, никто не сомнѣвается. Онъ, какъ и Алкивіадъ, стремится отрѣзать хвостъ у собаки. Запрещеніе военнымъ чинамъ произносить тосты, рѣчи произвело громадное впечатлѣніе на Скобелева, который уже рѣшилъ подавать въ отставку. Его отговорилъ Обручевъ, сказавши ему, что онъ поставитъ въ затруднительное положеніе правительство. Въ минуту горечи и отчаянія онъ сказалъ: «Неужели вы ожидаете чего-нибудь отъ...».

Совершенно въ томъ же родѣ писалъ Черняевъ Аксакову

нѣсколько лѣтъ тому назадъ: «У насъ ничего хорошаго не будетъ...» Какъ тотъ, такъ и другой фактъ сообщенъ мнѣ людьми, которымъ я вполнѣ вѣрю.

Слава, пріобрѣтенная Игнатьевымъ въ Константинополѣ, померкла. Въ обществѣ называютъ его Ноздревымъ, Ментиръ-паша, шарлатаномъ, Хлестаковымъ. Я всюду защищаю его, но мнѣ возражаютъ, что онъ — все, но не государственный человѣкъ. Правда, общество теперь похоже на нервную беременную барыню, которой трудно угодить. Заигрываютъ съ народомъ. Каждый день депутаціи отъ крестьянъ у царя. Неизвѣстно, фокусникъ ли Игнатьевъ или нѣтъ. На Нижегородской ярмаркѣ онъ для шутки въ 5 час. появлялся верхомъ съ нагайкою въ рукѣ, говорилъ съ каждымъ и у себя угощалъ каждаго стаканомъ чая. Все это иногда необходимо для политическаго дѣятеля, но кроется ли за этимъ фокусничествомъ болѣе серьезная подкладка, вопросъ еще нерѣшенный. Въ особенности много толковали о рабочихъ (крючникахъ) на Николаевской ж. д., которые начали жаловаться на администрацію дороги прямо въ Гатчину. Велѣно разслѣдовать и оказалось, что рабочіе формально неправы, т.-е. что они получили полный расчетъ. По разсказамъ рабочихъ ихъ заставили подписать подложные счета, т.-е. давали 50 коп., а писали 1 р. Государь велѣлъ выдать рабочимъ 10000 руб. Игнатьевъ призвалъ директоровъ и уговорилъ ихъ раскошелиться въ пользу рабочихъ. Вамъ, дескать, ничего не значитъ 10000 р. Когда они получили деньги, то Игнатьевъ велѣлъ всѣхъ по желѣзной дорогѣ препроводить на мѣстожительства. Къ чему такой іезуитизмъ. Такимъ рѣшеніемъ навѣрно всѣ останутся недовольны. Въ обществѣ ходятъ слухи, что Игнатьевъ держится до коронаціи, въ виду того, что онъ имѣетъ въ рукахъ всѣ нити пропаганды. Пропаганда все-таки существуетъ и, какъ слышно, перенесла свою дѣятельность въ бѣлокаменную. Вѣрить нельзя всему вздору, который разсказываютъ про разные происки соціалистовъ. Юрій Богдановичъ (онъ же Кобозевъ), выданный нечаянно Якимовой, будто бы велъ подкопъ подъ самою Иверскою и взялъ подрядныя работы за самую дешевую цѣну въ Успенскомъ соборѣ[1]). Домой, куда такъ настоятельно зоветъ Аксаковъ, оказывается не совсѣмъ безопасно можно ѣхать. Что за люди развелись въ это время. Взять хотя бы изъ начинающихъ — напр., Татищева. Блестящій секретарь посольства, прогорѣвшій и жившій за послѣднее время въ окрестностяхъ Вѣны на содержаніи одной

[1]) Это дѣйствительно вздоръ: см. „Процессъ 17-ти народовольцевъ въ 1883 г.“, „Былое“ 1906 г. № 10. *Ред.*

актрисы. Его перетащили теперь въ государственную полицію, съ жалованьемъ въ 4 т. руб. Игнатьевъ держитъ этого друга Андраши и Новикова въ черномъ тѣлѣ, на рауты къ себѣ не пускаетъ и заваливаетъ его работою.

Другой—Янкуліо, бывшій секретарь Славянскаго общества, освободитель славянъ, занимается очень хорошо: и ловитъ, и вѣшаетъ, и караетъ.

Также и Сержъ Шаховской, юркій, ловкій малый подвизается на вице-губернаторствѣ. Говоритъ ли онъ такія же красивыя фразы о своемъ республиканствѣ и о томъ, что онъ не можетъ принять камергерства въ виду того, что онъ, какъ общественный дѣятель, готовится къ Земскому Собору. Про него Домонтовичъ сказалъ, что онъ наивный. Братъ его Левъ умнѣе, но не сдѣлалъ карьеры, если не назвать карьерой то, что онъ женился на Катковой. Но въ Сержѣ Шаховскомъ, есть все, что нужно для нынѣшняго. Онъ изворотливый remuant, тормошится, ловкій, повторяетъ съ восторгомъ высокія фразы, не самимъ выдуманныя и все-таки имѣетъ успѣхъ. Онъ наивенъ, человѣченъ, обладаетъ неустрашимостью, вездѣ забѣжитъ, рекламы про себя пишетъ, и очень можетъ быть, что онъ сдѣлаетъ карьеру. Только въ немъ нѣтъ étoffe для государственнаго человѣка. Это не люди, а какіе-то санкюлоты. Вообще теперь царство посредственностей на самомъ верху; на среднихъ ступеняхъ подвизаются люди sans foi ni loi безъ убѣжденій, люди юркіе, ловкіе, поверхностные, неглупые, знающіе, гдѣ раки зимуютъ, но безъ всякихъ высшихъ способностей. Страшно сказать, что Ванновскій, Бунге, Гирсъ, это все люди хорошіе, честные и даже безкорыстные, но при всемъ этомъ жалкія посредственности, которыя преклоняются передъ такими карьеристами, какъ Татищевъ, Янкуліо, Шаховской. Послѣдніе умѣютъ бросить пыль въ глаза и слывутъ за талантливыхъ людей. Главный ихъ недостатокъ, что они легковѣрны, поверхностны и безъ всякаго фонда нравственнаго и умственнаго... Всѣ они нахватались знанія, но будутъ неспособны на какую-нибудь серьезную общественную дѣятельность. Все это эфемериды, которымъ суждено прожить одинъ день и потомъ погибнуть. Между ними выгодное мѣсто занимаетъ Пушкаревъ. Онъ учился основательно, правда естественнымъ наукамъ. Отъ его знаній и свѣдѣній пришелъ въ восторгъ Воронцовъ-Дашковъ. Пушкаревъ развивалъ ту мысль, что царь долженъ совершить соціальную революцію. Онъ говорилъ и о пугачевщинѣ и т. д. Воронцовъ-Дашковъ заговорилъ о томъ, какой интересный человѣкъ Пушкаревъ.

Великій Князь Владиміръ на это: «Ахъ, это тотъ, ко-

торый былъ въ моемъ отрядѣ». — И заговорилъ о текинскихъ лошадяхъ.

Такъ у насъ все дѣлается. Съ одной стороны заигрыванье съ народомъ, съ другой—солдатъ велѣно драть, потому что содержаніе ихъ въ одиночномъ заключеніи обходится слишкомъ дорого правительству. Всѣ разочарованы, злословятъ, жадничаютъ, острятъ на славу и вообще недовольны. Отъ этого происходитъ апатія общества ко всѣмъ общественнымъ дѣламъ. Всѣ занимаются своимъ *личнымъ дѣломъ*. Пьютъ, играютъ въ винтъ, въ рулетку, устраиваютъ спектакли и не ведутъ споровъ. Споры исчезли въ обществѣ, царитъ анекдотъ, злая какая-нибудь шутка, а затѣмъ всѣмъ ужасно скучно и тоскливо, и всѣ садятся за карты...

Вообще я замѣтилъ пониженіе умственнаго уровня въ обществѣ. Всѣ какъ будто *слиняли*, обезцвѣтились за этотъ годъ. Запахъ гніенія и болотныхъ міазмовъ вотъ какое впечатлѣніе производитъ Петербургъ. Періодъ затишья и апатіи, невиданной апатіи. Никому не вѣрятъ. Разсказываютъ, что одинъ директоръ банка предлагаетъ 200 тыс. тому, кто сообщитъ ему объ отставкѣ Игнатьева и о назначеніи Абазы и Лорисъ-Меликова. «Le coquin lui même spéculait sur sa chute», сказалъ объ Игнатьевѣ Жомини.

Само правительство еще относится скептически къ лицамъ и мѣрамъ правительства. Оттого происходитъ эта каша, изъ которой все, что получше, жаждетъ вырваться. «Намъ нужно сильное потрясеніе—война или революція», вотъ слова тѣхъ, которые болѣе пристально вглядываются въ событія.

Моментъ опасный и тяжелый.

Видѣлся я съ Черняевымъ, и онъ разсказалъ мнѣ, что указъ о его назначеніи уже давно подписанъ государемъ, но министръ юстиціи не обнародываетъ его, потому что штаты не прошли черезъ Государственный Совѣтъ. «Вотъ вамъ и конституціонное министерство», сказалъ онъ.

Я сказалъ ему о своей книгѣ «Свободное Слово»—оказывается не читалъ, но отчасти согласенъ съ главною мыслію. «Даже и въ Москвѣ,—сказалъ онъ,—Аксаковъ и Катковъ начинаютъ приходить къ тому убѣжденію, что слѣдуетъ созвать Земскій Соборъ. Катковъ говоритъ даже, что Земскій Соборъ при твердомъ правительствѣ можетъ вывести изъ затрудненія,—но спрашивается: «твердое ли у насъ правительство?» Пушкаревъ разсказывалъ мнѣ про Черняева слѣдующее: захотѣлось сократить штаты по Туркестанскому генералъ-губернаторству. Черняевъ былъ первый поборникъ такой мѣры. Скобелевъ на-

значенъ предсѣдателемъ этой комиссіи и сократилъ на многое бюджетъ этой области, а когда назначили Черняева, то онъ поѣхалъ къ Скобелеву и высказалъ ему, что нельзя сокращать штаты. Скобелевъ, не желая ссориться, сдался на доводы Черняева и отступилъ отъ своего мнѣнія.

Боюсь, что опять Черняевъ окружитъ себя разною дрянью. Онъ уже намѣтилъ Витгенштейна своимъ губернаторомъ.

Слухи обыкновенно оказываются довольно вѣрными. Былъ слухъ о приготовленіи портативныхъ бомбъ, и этотъ слухъ оправдался. Былъ слухъ о томъ, что открыта водолечебница на Васильевскомъ О-вѣ и схвачена лабораторія съ динамитомъ. И это оправдалось, какъ видно изъ правительственнаго сообщенія, вышедшаго спустя годъ послѣ слуха (разсказывалъ Н. Кр—кій). Вообще стоустая молва дѣлаетъ свое дѣло за неимѣніемъ офиціальныхъ сообщеній.

Я отмѣчаю слухи самые разнообразные не потому, чтобы я имъ особенно вѣрилъ, но потому, что они характеризуютъ общественное настроеніе. Зимою носились слухи о томъ, что Александръ II живъ и ѣздитъ по всѣмъ церквамъ и молится и даже ночью показывается народу въ Исаакіевскомъ соборѣ. Ѣздилъ, говорятъ, дѣйствительно Анненковъ или Исаковъ, очень похожіе на покойнаго государя.

Говорятъ о томъ, что изобрѣтены такія шапки, которыя наполнены динамитомъ. Бросая ихъ вверхъ, производятъ взрывы, также и запонки и т. д.

Про Николаевскую дорогу ходятъ также слухи. То арестованъ пасынокъ начальника станціи въ Веребье, то въ Спировѣ, то въ Москвѣ арестовано 200 человѣкъ.

Про коронацію говорятъ, что ее хотятъ совершить въ Костромѣ. То государь поѣдетъ городами по шоссе, то солдаты, то портные, проповѣдующіе, что конституція—распрелюбезная вещь, и бранящіе государя.

Конечно, народъ не инертная масса, какъ воображаетъ Аксаковъ и даже сотрудники «Отеч. Запис.» (?), въ народѣ происходитъ броженіе, и какъ оно разразится—неизвѣстно. Я говорилъ съ Дохтуровымъ по поводу письма Барова, помѣщеннаго въ моей книгѣ и въ «От. Зап.» (?). Онъ сказалъ очень умно, что министру внутреннихъ дѣлъ слѣдуетъ прочитать это письмо и провѣрить, единичное ли это мнѣніе или бродячее мнѣніе русскаго народа.

Если это единичное мнѣніе, то оно неважно, но если мысли эти бродятъ въ умахъ русскаго народа, ***то мы находимся наканунѣ великихъ потрясеній.***

Теперь всѣ работы Министерства Внутреннихъ Дѣлъ обращены на одну цѣль—на коронацію. Все прочее отодвинуто на задній планъ... Я принадлежу къ тѣмъ, которые считаютъ Игнатьева умнымъ государственнымъ дѣятелемъ. Онъ очень ловокъ и знаетъ, съ кѣмъ какъ обращаться.

Юрьева онъ встрѣтилъ слѣдующими словами: «Вы славянофилъ и я славянофилъ, что же вы со мною враждуете?» (по поводу статей въ «Русской Мысли»).

Говорятъ, что онъ самъ допрашивалъ Юрія Богдановича и сказалъ ему: «Мы все дѣлаемъ, что вы желаете—перечисленіе, уменьшеніе выкупныхъ платежей, питейный вопросъ.

— Дѣлаете, но не такъ,—отвѣчалъ будто бы Богдановичъ.

Мнѣ именно это подлаживанье, это популярничанье не нравится. Эти палліативы въ связи съ штуками Боско или Пинетти могутъ быть очень хороши послѣ государственнаго переворота Наполеона III, когда общество жаждетъ покоя. Но наше общество жаждетъ движенія, потрясеній, и полумѣры и ловкіе извороты только злятъ и раздражаютъ его.

Іонинъ въ разговорѣ со мною выхваляетъ ту идею, что слѣдуетъ Боснію и Герцеговину отдать Австріи, это прибавитъ элементъ броженія. Мнѣ не нравилась эта точка зрѣнія, хотя я также отъ одного австрійскаго офицера слышалъ нѣчто подобное. «Да, вы отдадите намъ Боснію, мы устроимъ дороги,—сказалъ онъ,—а затѣмъ все это вернется къ вамъ».—Я не соглашался съ Іонинымъ и съ тѣми, которые такимъ компромиссомъ хотѣли что-то сдѣлать. Намъ надо было вполнѣ воспользоваться побѣдою, въ случаѣ нужды вооружить всѣ балканскіе народы, подписать съ ними трактаты о взаимопомощи, взять Константинополь, укрѣпить Дарданеллы и ждать въ такомъ положеніи.

Сколько крови прольется теперь въ Герцеговинѣ, сколько потеряемъ мы почвы и сколько опять придется проливать крови въ будущемъ. Наша нерѣшительность тому причиною.

По разсказу Дохтурова (сербскаго), котораго я встрѣтилъ на желѣзной дорогѣ, Сербія уже теперь перешла въ руки австрійской дипломатіи. Король Миланъ сказалъ Дохтурову: «Мы въ самомъ печальномъ положеніи. На Россію опираться нельзя,—она проситъ избавить ее отъ всякихъ хлопотъ и компликацій. А наше положеніе c'est celle d'une fille entretenue, qui a besoin d'un entreteneur. Посмотришь, правду сказать, на нашу дипломатію и диву даешься, что это за дурачье. Вспомнишь Талейрана во время Вѣнскаго конгресса: вотъ сумѣлъ же человѣкъ изъ разбитой наканунѣ Франціи въ одинъ мигъ сдѣлать великую державу и занять на конгрессѣ импонирующее положеніе. По

смотришь на Олмюцкое пораженіе Пруссіи и на Бисмарка во Франкфуртѣ...

Время то же самое, почти никакой разницы. Что значитъ, когда во главѣ стоитъ какой-нибудь Бисмаркъ, Талейранъ, даже Горчаковъ, Игнатьевъ, а не бездарность въ родѣ Гирса.

Стуартъ разсказывалъ, что мы не только передъ Австріею, но и передъ румынами пассуемъ. Никто насъ—100-милліонную державу въ грошъ не ставитъ. Шпыняютъ насъ, какъ паршиваго пса, и мы только облизываемся съ улыбочками. Конечно, отчаяваться нечего. Россія уже сама по себѣ сила, несмотря на всѣхъ Гирсовъ въ мірѣ, она рано или поздно займетъ первое мѣсто въ Европѣ. Займетъ, но и теперь она можетъ занять первое мѣсто, а на самомъ дѣлѣ по вопросу о Дунаѣ, объ Египтѣ, по турецкой контрибуціи, вездѣ бьютъ насъ — побѣдителей, перешедшихъ черезъ Балканы. Я думаю, что Бисмаркъ смѣется надъ петербургскимъ дурачьемъ. Когда-нибудь выйдутъ вѣрно въ свѣтъ его бумаги и мы увидимъ, правъ ли я. Съ турецкой контрибуціей—все казусы. Теперь, когда мы придемъ въ Оттоманскій банкъ просить контрибуціи,—намъ скажутъ: «à la porte». И по дѣломъ дуракамъ.

Читаешь Боборыкина и пр. о торжествѣ купца надъ дворяниномъ,—о чемъ же тутъ плакать? Купцы пріобщаются къ цивилизаціи, устраиваютъ школы, выписываютъ газеты, принимаютъ участіе въ общественномъ дѣлѣ. Царство буржуазіи уже настало, и дворянскій періодъ заканчивается. Какъ въ черноземной полосѣ, хватая нѣсколькими вершками глубже, подымаетъ плугъ нетронутый слой, такъ и историческій плугъ поднимаетъ на свѣтъ Божій купеческій слой, и намъ лѣтъ черезъ двадцать можно ожидать новыхъ Пушкиныхъ, Тургеневыхъ, Лермонтовыхъ и т. д. изъ новаго слоя.

Все, что мы имѣли до сихъ поръ, въ большинствѣ случаевъ принадлежитъ къ дворянскому слою. Дворянство, обѣднѣвъ, составитъ ферментъ или закваску въ этомъ новомъ тѣстѣ.

Я всегда удивлялся, когда говорятъ объ обѣднѣніи крестьянъ. Какихъ крестьянъ? Въ крестьянствѣ происходитъ тотъ же принципъ раздѣленія на сословія. Сильные двинулись впередъ, а слабые отстали, но сильныхъ сравнительно много, и они въ какія-нибудь двадцать лѣтъ примкнутъ къ остальной интеллигенціи.

Половина крестьянства разбогатѣла съ 19 февраля, а другая половина осталась въ томъ же положеніи. Это грустно, но этого и слѣдовало ожидать. Отчаяваться потому въ Россіи нечего. Въ ней еще таятся масса нетронутыхъ свѣжихъ силъ, и

предвидѣть то, что выйдетъ изъ Россіи черезъ двадцать лѣтъ,— нетрудно. Славянство съ своимъ коммунизмомъ явится на смѣну Европы, а послѣ славянства не появится ли Китай, и не захватитъ ли онъ всю цивилизацію, какъ варвары Римъ.

Вотъ она грозная сила будущаго. Конечно, цивилизованный Китай будетъ страшенъ только этнографически, тѣмъ, что поглотитъ въ себѣ Европу—съ нецивилизованнымъ, конечно, справятся, но, всѣ равно, опасность великая для человѣчества. Туранская раса измѣнитъ и наклонности, и способности индогерманцевъ и, можетъ быть, лишитъ человѣчество генія.

Баронъ Стуартъ, всегда остроумный, услышавъ, что на биржѣ поднимутся цѣнности, если выйдетъ въ отставку Игнатьевъ, сказалъ: «Ce sera la hausse des non valeurs» (поднимутся ничтожества).

Записываю тутъ, кстати, еще одну остроту, сказанную имъ, когда Горчаковъ назначилъ Мельникова и Миллера (двѣ тупицы 84-й пробы) на мѣста директора и вице-директора: *Канцлеръ замололся*. Прекрасно сказано.

Игнатьевъ слетѣлъ послѣ годичнаго управленія министерствомъ.

Говорятъ, что онъ слетѣлъ потому, что не хотѣлъ допустить польской каѳедры, какъ этого требовалъ Альбединскій. Онъ поставилъ это условіемъ sine qua non. Ну и нашлись люди, которые сказали, что Игнатьевыми хоть прудъ пруди. Послѣ свиданія съ Аксаковымъ въ Москвѣ я узналъ, что Игнатьевъ хотѣлъ устроить по случаю коронаціи нѣчто въ родѣ Земскаго собора. Аксаковъ даже рекомендовалъ ему одного дѣльца, но когда дѣло дошло до Совѣта, въ которомъ участвовалъ Побѣдоносцевъ, то поднялись возраженія, и Игнатьевъ долженъ былъ выйти въ отставку.

Англійскія газеты совершенно справедливо говорятъ, что теперь Бисмаркъ командуетъ положеніемъ. Въ Европѣ только три государственныхъ человѣка: Бисмаркъ, Гамбетта и Игнатьевъ. И къ чему эта отставка и замѣна его непопулярнымъ и нелюбимымъ Толстымъ, именно во время коронаціи. Теперь на подборъ все бездарности, или люди съ ограниченнымъ кругозоромъ. Пресса, однако, поетъ диѳирамбы твердости новаго министра. Какъ грустно слышать, если не продажные голоса, но во всякомъ случаѣ эти выраженія холопствующаго усердія.

Нѣсколько дней вся Россія: газеты, общественныя группы, интеллигенція и народъ, всѣ были объяты однимъ горемъ о смерти, русскаго героя и славнаго полководца. Я не буду повторять то, что писалось по этому поводу.

Въ натурѣ Скобелева было нѣчто безпокойное, какая-то неудовлетворенность, громадное честолюбіе. Второго мѣста было слишкомъ мало для Скобелева; онъ претендовалъ на роль Лафайета, Кромвеля, Наполеона. Условія ему не благопріятствовали, и онъ растратилъ свое здоровье. Онъ умеръ у сводни, желая до безконечности длить удовольствіе. Четырехъ женщинъ ему было мало, и когда натура отказалась, то онъ приказалъ себя драть мокрыми полотенцами, желая этимъ возбудить заснувшую чувственность. Первый разъ опытъ удался, но на второй, къ удивленію пятой француженки, онъ испустилъ духъ. Тотъ же Мирабо. Съ большою таинственностью перевезли мертваго въ гостиницу, послали за докторомъ и затѣмъ объявили объ его смерти.

Замѣчу одно—смерть Скобелева доказала опять, что русское общество стало нервно, впечатлительно до крайности. Что случилось? Умеръ, дѣйствительно, даровитый вождь, но не Суворову же равный (какъ опредѣлила Академія Ген. Штаба), вождь, съ большими задатками для того, чтобы изъ него выработался Наполеонъ, Суворовъ,—вождь, любимый солдатами и легендарный герой толпы. Что могло выработаться изъ Скобелева—самому Богу извѣстно. И все-таки по поводу смерти Скобелева общество и народъ заволновалось, точно море, и завопило, что у него больше нѣтъ защитника въ трудную минуту опасности. Есть же и теперь Радецкій, Гурко, Лорисъ-Меликовъ, Черняевъ—все генералы 84-й пробы.

Но мы нервны и впечатлительны, какъ женщина въ родахъ, и это естественно, потому что Россія стоитъ у порога великаго общественнаго, соціальнаго переворота.

Кричали, вопили о смерти Скобелева, и вдругъ желѣзнодорожная катастрофа. И опять нервы наши ходуномъ заходили. Вездѣ случаются катастрофы. Жалко тѣхъ, которые погибли, но вопить, надрываться нѣтъ еще основанія. По поводу смерти Достоевскаго Петербургъ устроилъ *парадъ нигилизма* (такъ, по крайней мѣрѣ, окрестили эту демонстрацію). Смерть Скобелева дала намъ возможность демонстрировать въ русскомъ духѣ. Демонстрація вышла импозантная, грандіозная, но все-таки мы что-то очень полюбили всякія демонстраціи, политическіе скандалы. Слишкомъ скромна, тиха, стояча наша жизнь, и такія событія вносятъ разнообразіе въ нашу болотную, заплеснѣвшую общественную сферу. У кого есть уши, пускай слышатъ, пусть поймутъ, куда клонятся общественныя симпатіи. Обществу не можетъ нравиться наша приниженность во внѣшней политикѣ, и потому оно молится такому герою, какъ Скобе-

левъ; ему не нравится казенщина, бюрократизмъ, оно жаждетъ новыхъ формъ, и вотъ оно устраиваетъ разные скандалы въ земскомъ собраніи Достоевскому, Тургеневу, или кому придется.

Далека отъ меня мысль, что со смертью Скобелева будущее Россіи мрачно и безнадежно. Это вздоръ. Скобелевы найдутся, найдутся и Наполеоны, если придетъ на нихъ время. При теперешнемъ режимѣ посредственностей, дѣйствительно трудно имъ найтись, но когда общество и народъ развернетъ всѣ свои силы, тогда ихъ будетъ больше, чѣмъ нужно. Живемъ мы въ тяжелое, но интересное время. Говорятъ, что великимъ переворотамъ предшествуютъ преступленія, извѣстная кровожадность.

Полиція увеличивается, провозглашается *усиленная охрана*, и все это не мѣшаетъ въ Петербургѣ *околоточному* избить мирныхъ гражданъ. Въ Крыму тоже учреждена *усиленная охрана* и полиція занимается психологіею, а мирные жители падаютъ подъ ножемъ убійцъ (Сабинины). Въ воздухѣ чувствуется лихорадочное, разгоряченное, ненормальное вѣяніе. О бурѣ подъ Москвою пишутъ въ газетахъ и находятъ связь между бурею и катастрофою. Про Скобелева въ народѣ идутъ легенды, что онъ живъ и скрывается въ рубищахъ и т. д... Пахнетъ порохомъ или революціей. Увидимъ. Въ исторіи есть интересныя числа. Возьмемъ 1689—въ Англіи перемѣна всего общественнаго строя и 1789 во Франціи, что скажетъ 1889 годъ?..

Въ общественномъ организмѣ происходитъ какое-то непонятное броженіе.

Сентябрь 20—30, 1882 г.

Случайно я узналъ о томъ, что Іонинъ въ Москвѣ. Мы говорили съ нимъ много о черногорцахъ, герцоговинцахъ. Онъ смотритъ пессимистически на вопросъ. Лучшая часть населенія эмигрируетъ изъ Босніи, и на оставленныя ими мѣста поселяются, вѣрно, нѣмцы или мадьяры. То же явленіе замѣчается и въ Герцоговинѣ. Все то, что могло бороться, ушло въ Черногорію, а теперь германское правительство не знаетъ, какъ ихъ размѣстить.

По поводу внутреннихъ вопросовъ Іонинъ развивалъ ту мысль, что все происходитъ отъ воображенія. Больна у насъ психія и съ Россіею надо обращаться какъ съ умалишеннымъ человѣкомъ, то-есть, усадить его въ темную комнату. «Мнѣ понравились», сказалъ онъ, «слова одной дамы. Была я въ Италіи, говоритъ дама, 10 лѣтъ, вернулась въ Россію и не узнала ея. Все за это время перемѣнилось: и люди, и предметы. Люди говорятъ совсѣмъ другое. Вернулась въ Италію черезъ три мѣсяца, и все

застала на мѣстѣ. Даже пепельница какая-нибудь и та стоитъ на мѣстѣ. Вернулась въ Россію черезъ три мѣсяца, и опять другое».

Конечно, Іонинъ противъ всякихъ конституцій и Земскихъ Соборовъ. Онъ находитъ, что надо излечить Россію тишиною и спокойствіемъ. Тѣ министры, которыхъ теперь бранятъ, окажутся не хуже тѣхъ, которые ждутъ еще очереди попасть въ министры. La Russie, ce n'est pas un peuple, c'est un monde.

Онъ даже предсказываетъ распаденіе Россіи. Другой разъ мы видѣлись съ нимъ въ Эрмитажѣ (ресторанѣ) въ обществѣ Исакова, Шаховского и др. Іонинъ, вообще, любитель парадокса. Онъ сталъ отрицать военныя заслуги Скобелева, чѣмъ вызвалъ отпоръ со стороны Исакова. По выраженію Іонина—прежде лизали... у правителя, а теперь у толпы.

«Надо быть княземъ Долгорукимъ теперь съ толпою», сказалъ я Гирсу. Пожалуй, это замѣчаніе довольно вѣрно, но это показываетъ, что толпа, которую такъ ненавидитъ Іонинъ, вступаетъ въ свои права... Игнатьева онъ называлъ фокусникомъ, который знаетъ одинъ фокусъ, но такъ какъ толпѣ нужно разнообразіе, то онъ и оказался ниже своей задачи.

Іонинъ теперь разводится съ женою и, именно, попадетъ въ темную комнату, то-есть мѣняетъ Черногорію на Бразилію; хвастался онъ тѣмъ, что въ Черногоріи была дисциплина. Вообще онъ ставитъ себя очень высоко. «Я эксплоатировалъ Аксакова», говоритъ онъ, «но никогда не употреблялъ его». Про Черняева говорилъ съ ироническою улыбкою. Надо видѣть Іонина въ моментъ сильнаго возбужденія. Онъ очень нервный, впечатлительный и рѣзокъ въ разговорѣ, не терпитъ противорѣчія (при мнѣ онъ отдѣлалъ разъ бѣднаго Карцева), вообще mauvais coucheur, какъ говорятъ французы. Все его лицо во время разговора подергивается судорогою и чѣмъ больше воспламеняется, тѣмъ больше строитъ гримасы самаго комическаго свойства. Способностей и ума у него отрицать нельзя; онъ былъ фактически первымъ министромъ Черногоріи и сумѣлъ поставить себя прочно и въ министерствѣ, и при дворѣ, и у черногорцевъ. Никто не умѣетъ такъ хорошо спрашивать, какъ онъ. Когда я вернулся изъ Сербіи, то только онъ до точности все выпыталъ у меня, спрашивалъ умно, толково, и я съ наслажденіемъ говорилъ ему о моихъ впечатлѣніяхъ. Ставитъ себя очень высоко, нетерпимъ, и къ нему слѣдуетъ примѣнить то, что говорилъ онъ о Россіи. У него психія не въ порядкѣ. Да у кого она въ порядкѣ?.. Въ наше время здоровыхъ, нормальныхъ людей слишкомъ мало. Здоровы казнокрады, бездарности и карьеристы...

Даже такой карьеристъ съ недюжинными способностями,

но политическій шарлатанъ, какъ князь Цертелевъ, и тотъ сошелъ съ ума. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ выдвигается изъ числа многихъ, но онъ въ существѣ былъ себялюбецъ, любилъ выставлять себя и схватывалъ вопросъ какой-нибудь для личныхъ цѣлей. Mania gloriosa—онъ сошелъ съ ума. Телеграфировалъ во всѣ концы міра, приглашалъ всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ Европы на вечеръ въ Коллизей. Какъ-то разъ у Іонина зашелъ разговоръ о Цертелевѣ. Іонинъ его хвалилъ, а я говорилъ, что онъ только карьеристъ, онъ разсердился и сталъ доказывать, что это вздоръ, что и онъ тоже, развѣ за славянскую идею... Я ему закрылъ ротъ слѣдующими словами: «Не хочу думать, что вы, Александръ Семеновичъ, похожи на Цертелева, не хочу думать, что вы, дѣйствуя въ Черногоріи, думали только о своемъ я, потому что въ такомъ случаѣ я потеряю всякое уваженіе къ вамъ. Потому люди, которые думаютъ о своемъ собственномъ *я*, стараются возвеличить его всѣми путями, не стоятъ уваженія, они не серьезные государственные люди». Онъ замолчалъ и перемѣнилъ разговоръ.

Исаковъ нападалъ на нынѣшнихъ министровъ, приводя слова Адлерберга, что министры всѣ проходятъ курсъ *болвано*-пластики. Разсказывалъ, какъ Скобелевъ вышутилъ Черняева на обѣдѣ въ Эрмитажѣ. Кто-то вздумалъ провозглашать тостъ за Скобелева—за нашего славнаго полководца, но Скобелевъ отклонилъ этотъ тостъ. «Я не могу принять этотъ тостъ въ присутствіи моего учителя Черняева», онъ сталъ указывать на сраженія Черняева, который научилъ его, что не нужно дѣлать. Однимъ словомъ, вышутилъ человѣка, а Черняевъ, по словамъ Исакова, принялъ это за чистую монету и былъ польщенъ. Шаховской говорилъ о томъ, что Скобелевъ ублажалъ Немировича-Данченко и другихъ корреспондентовъ, а Гурко относился къ нему очень холодно и строго. Все это показываетъ, что Скобелевъ умѣлъ воспользоваться и прессою, пускалъ въ ходъ рекламу, но заслуги его въ военномъ дѣлѣ отрицать нельзя. Іонинъ разсказалъ, что Скобелевъ имѣлъ намѣреніе пойти въ Герцеговину. «Все это показываетъ такое незнаніе дѣла, такое легкомысліе», сказалъ Іонинъ, «потому что присутствіе Скобелева не прибавило бы ничего для успѣха дѣла».

Аксаковъ разсказалъ мнѣ о дѣятельности Игнатьева, который по случаю коронаціи хотѣлъ собрать выборныхъ отъ крестьянъ, дворянъ и купцовъ и соорудить что-то въ родѣ Земскаго собора. Четыре мѣсяца готовились къ этому дѣлу. Государь не имѣлъ ничего противъ этого проекта... Но хотѣлъ узнать мнѣніе другихъ министровъ. Тогда Побѣдоносцевъ и Островскій

возстали противъ этого проекта, и Игнатьевъ вышелъ въ отставку. Государь читаетъ только «Русь» и «Московскія Вѣдомости». Теперь и Аксаковъ потерялъ во мнѣніи Двора. Новый министръ Толстой повелъ дѣло по другому: Игнатьевъ постоянно дѣлалъ доклады, а новый министръ объявилъ, что одного дня для доклада совершенно достаточно. «Что нужно Вашему Императорскому Величеству», будто бы спросилъ онъ, «пользы или популярности?» Государь выбралъ первое. Толстой 2 часа назначаетъ для пріемовъ и никого не принимаетъ въ другіе дни. Все идетъ бюрократическимъ путемъ: бумажки не залеживаются; однимъ словомъ, все идетъ наилучшимъ образомъ. «Теперь вѣрно», сказалъ Аксаковъ, «наступаетъ періодъ затишья политическаго, и нѣкоторое оживленіе въ финансовой сферѣ». «Извѣстное «enrichissez vous» Луи Филиппа», замѣтилъ я. «Да», прибавилъ онъ, «это теперь замѣтно». Іонинъ тоже высказался въ этомъ родѣ. «Пускай каждый думаетъ о себѣ». Въ сущности всѣ эти вопросы есть борьба милліоновъ эгоизмовъ. Но ему тоже претитъ, что всюду, по его выраженію, втерся *авантюристъ*, ученый-авантюристъ, полководецъ (Скобелевъ), шарлатанъ-авантюристъ, государственный человѣкъ—авантюристъ. Но они всѣ забываютъ, что пресловутое «enrichissez vous» подѣйствуетъ именно на развращеніе и на окончательное разложеніе общества. Безъ идеаловъ не прожить обществу, и мы только такимъ путемъ подойдемъ еще скорѣе къ окончательной развязкѣ или катастрофѣ, которая возьметъ и, подобно грозѣ, расчиститъ воздухъ отъ всякой гнили и міазмовъ. Шутники выдумали, чѣмъ лечить общество: въ ходъ пойдутъ именно люди наживы, авантюристы, шарлатаны и такъ называемые *ловкіе* люди. Ловкій человѣкъ—это лучшій комплиментъ теперь, ну и пусть гг. Іонины, Аксаковы и расхлебываютъ ту грязь, которую они натворили. Про князя болгарскаго Аксаковъ разсказывалъ также много интереснаго. Кн. болгарскій не пользуется любовью населенія и опирается исключительно на авторитетъ русскаго царя. Произвелъ онъ переворотъ, не спросившись у Софіи, и потомъ сталъ умолять поддержать его. «Если даже русскія газеты начнутъ бранить», сказалъ кн. Александръ, «то тогда мой авторитетъ пошатнется въ странѣ». Оказывается, что онъ не пустилъ корней и стоитъ одиноко въ странѣ. Народъ его не знаетъ и не любитъ, и онъ опирается только на русскихъ офицеровъ. Самъ онъ нѣмецъ въ душѣ и смертельно скучаетъ въ Россіи. Онъ постоянно говоритъ о Германіи: «У насъ, chez nous». По-болгарски онъ не обучился, но лучшій его другъ какой-то нѣмецъ. Страшное легкомысліе. Съ легкимъ сердцемъ онъ нарушилъ конституцію,

разссорился съ либералами вродѣ Цанкова и др. и не знаетъ, что предпринять. Хитрово (нашъ дипломатическій агентъ), помогавшій ему во время coup d'état, теперь сталъ ему невыносимъ, и онъ просилъ отозвать его изъ Болгаріи. И мы, конечно, заплатимъ за разбитые горшки. Россія сдѣлается ненавистной болгарамъ и покроетъ себя позоромъ, что поддерживала произволъ князя Александра. Про изгнаніе Гольцева изъ университета Аксаковъ на мои вопросы разсказалъ мнѣ слѣдующее: Кн. Шаховской сообщилъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, что всѣ книги пропаганды оказываются у Гольцева.

Вообще интересно въ наше время, какъ люди скоро мѣняютъ шкуру. Еще недавно либералъ Шаховской теперь чуть не сыщикъ. «Да, онъ ловкій человѣкъ», сказалъ про него Іонинъ. Ловкость въ человѣкѣ—вотъ что хвалятъ теперь.

Также и Побѣдоносцевъ, о которомъ во время оно Россія мечтала, какъ о лучшемъ изъ сыновъ своихъ. Онъ теперь хочетъ подчинить приходскія училища духовенству, говорятъ, ратуетъ противъ новыхъ судовъ. Про него говорилъ Чичеринъ на вечерѣ у Аксакова. «Онъ былъ у меня, и мы съ нимъ заспорили о политикѣ», сказалъ Чичеринъ, «такъ что я рѣшилъ, что больше о политикѣ не буду съ нимъ говорить». Аксаковъ сказалъ, что Побѣдоносцевъ у него не былъ.

20 ноября 1882 г.

Опять студенческіе безпорядки. Точно хроническая болѣзнь или перемежающаяся лихорадка возобновляются эти безпорядки и совершаютъ круговой обходъ по всѣмъ русскимъ университетамъ. Наши лицемѣры восклицаютъ съ кисло-сладкою миной, что молодежь должна учиться, а не заниматься политикою. Они не хотятъ знать исторіи, не хотятъ знать того, что молодежь меньше дорожитъ состояніемъ, положеніемъ, даже жизнью, что молодежь честна, искренна, свободолюбива. Пока не будетъ политической свободы въ настоящемъ смыслѣ слова, до тѣхъ поръ молодежь будетъ дѣлать безпорядки и будетъ дѣлать то, что надлежитъ дѣлать людямъ зрѣлыхъ лѣтъ. Жалко, что эти исторіи увеличатъ число жертвъ и дадутъ новый контингентъ крамолѣ. Произволъ царствуетъ страшный, а по словамъ «Новаго Времени» все обстоитъ благополучно и намъ только надо радоваться. Я написалъ корреспонденцію и послалъ ее въ «Новое Время», но оно сочло невозможнымъ напечатать ее.

Теперь узнаю дальнѣйшую развязку исторіи Рождественской. Она виновата можетъ быть въ легкомысліи, и то не въ политическомъ... И вдругъ эту самую дѣвицу произвели въ небла-

гонадежныя и запретили ее принимать въ учительницы во всемъ Петербургскомъ округѣ Что ей дѣлать.,. О, какъ я начинаю ненавидѣть праздно-болтающихъ, радующихся, веселящихся въ наше тяжелое время. Читаю Варнгагена, и само собою такъ и напрашивается сравненіе съ тяжелымъ временемъ, которое переживала Германія отъ 1815—48 г.— время сумрака, произвола, хищничества и разнузданности инстинктовъ. Будущій историкъ заклеймитъ это время самымъ позорнымъ клеймомъ и будетъ правъ. Да развѣ кто-нибудь разскажетъ про это время. Русское общество трусливо, и врядъ ли кто запишетъ въ своей лѣтописи эти тяжелыя впечатлѣнія. Боятся—неравно попадетъ полицейской власти, и существованіе такихъ записокъ отразится неблагопріятно на судьбѣ бытописателя. Нѣтъ, я именно буду вносить все замѣчательное въ наше время. Пускай они даже схватятъ эти страницы, написанныя кровью моего сердца. Пускай это, какъ corpus delicti, перейдетъ къ будущимъ поколѣніямъ, когда-нибудь да возсіяетъ солнце правды, и праздно-ликующіе (въ родѣ «Новаго Времени», «Москов. Вѣдом.») будутъ посрамлены передъ потомствомъ. Они будутъ посрамлены—въ этомъ я увѣренъ. Такое уныніе («Новое Время» и тутъ нашло возможнымъ поглумиться надъ этимъ словомъ либераловъ) не будетъ вѣчно продолжаться. За насъ историческіе законы. Пройдутъ десятки лѣтъ, погибнетъ много безвинныхъ жертвъ, сжатыхъ точно между жерновами, но исторія возьметъ свое. Гдѣ теперь Фридрихъ Вильгельмъ IV и его клевреты, гдѣ сподвижники второй имперіи? Исчезли, яко дымъ. Все исчезаетъ, потому что все суета, какъ говоритъ Экклезіастъ. Теперь читаю Библію. Я не революціонеръ и сижу, какъ зритель, и смотрю съ негодованіемъ на то, что происходитъ вокругъ меня. Буренинъ въ одномъ фельетонѣ отщелкалъ нѣсколькихъ выдающихся либераловъ. Пускай. Мы всѣ грѣшимъ, но почему же онъ только теперь напускается на нихъ. Потому, что въ тайникахъ своей души онъ чувствуетъ, что онъ дѣлаетъ подлость. Ренегаты всегда ретивѣе. Либералы дѣлали подлости, развѣ Мещерскій съ Катковымъ чисты и могутъ быть названы рыцарями безъ страха и упрека. Не безпокойтесь, г. Буренинъ, исторія всѣхъ разберетъ и сумѣетъ отличить чистыхъ и нечистыхъ.

Вотъ и Марковъ написалъ замѣтку въ томъ же «Новомъ Времени», но въ другомъ духѣ, какъ Атава или Буренинъ. Атава и Буренинъ имѣютъ въ виду 6 т. рублей содержанія и за эти деньги продали себя. Въ тайнѣ души они, можетъ быть, сознаются въ своей недобросовѣстности. Суворинъ лучше ихъ. Онъ одинъ искренній, но только, какъ флюгеръ, не имѣетъ своего напра-

вленія и поддается силѣ вѣтра. Да, я заговорилъ о Марковѣ. Онъ, по крайней мѣрѣ, не имѣетъ наглости и недобросовѣстности утверждать, что все обстоитъ благополучно. Онъ прямо говоритъ, что всѣ эти комиссіи со свѣдующими людьми, съ предводителями, съ предсѣдателями управъ не приведутъ ни къ чему. Это честно. Значитъ есть какой-нибудь недостатокъ во всей государственной машинѣ. А что говорилъ этотъ самый Марковъ въ періодъ свѣдущихъ людей. Онъ восхищался ими, захлебывался отъ восторга, но я усмотрѣлъ въ немъ то, что онъ прямо отъ души сознается въ своемъ заблужденіи.

Всѣ самые серьезные люди смотрѣли на эту комедію Игнатьева, какъ на политическій фарсъ, удобный для того, чтобы. отвести глаза публики, а не какъ на полезное мѣропріятіе. Г. Марковъ заблуждался жестоко тѣмъ, что добросовѣстно относился къ вопросу. Теперь онъ говоритъ другое, — *не могутъ всѣ эти чиновники наложить на себя руки, подписывая себѣ смертный приговоръ*, и освободить общество отъ всей этой ненужной администраціи и регламентаціи. Я не помню подлинныхъ выраженій, но смыслъ таковъ. О, г. Марковъ, какъ вы легковѣрны были годъ тому назадъ, съ какою радостью вы принялись вмѣстѣ съ другими толочь воду въ ступѣ. Но все-таки скажу: вы заблуждались и потомъ, увидѣвъ свою ошибку, вы прямо отъ души сознались въ своей ошибкѣ, а не плясали, не паясничали и не увѣряли всѣхъ и вся, что все обстоитъ благополучно, и что только либералы, эти изверги рода человѣческаго, выдумали такія глупыя слова, какъ «скука, унынiе», царствующія въ обществѣ. И я нахожу, что вы поступили честно. Васъ никто не тянулъ за языкъ, а вы все-таки произнесли свое публично, и это дѣлаетъ вамъ честь. Но этихъ ликующихъ паяцевъ, продажныхъ душъ заклеймитъ будущее. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. Читалъ Варнгагена, думаю, какъ тяжело было жить въ Германіи отъ 1815 до 1848 года; болѣе тридцати лѣтъ томленія, унынія, тоски. Даже и записки вслѣдствіе этого скучноваты. Онъ не виноватъ—онъ мастерски обрисовалъ періодъ времени отъ французской революціи до Вѣнскаго конгресса. Удивляюсь, какъ онъ не раскусилъ Меттерниха, какъ онъ расхваливалъ его въ теченіе двадцати лѣтъ, чтобы потомъ понять его. Да, бываютъ такія необъяснимыя симпатіи—напр., у меня Суворинъ. Я всегда за него заступаюсь, хотя и сознаю, что Суворинъ 1876 года другой, чѣмъ Суворинъ въ 1882 году и вѣрно будетъ другой, когда, по его выраженію, мы будемъ на площади кричать: «да здравствуетъ свобода». Можетъ быть не мы будемъ кричать, а будутъ кричать другіе, а мы будемъ ужасаться и скор-

бѣть, что море вышло изъ береговъ и затопило все. Кассандра никогда не была въ чести у людей, прозрѣвающихъ будущее первыми, и такимъ образомъ придется строить плотины противъ бушующаго моря.

Мирабо тоже прозрѣвалъ будущее, Тюрго—больше его. Да, а въ Германіи Варнгагенъ, Штейнъ, Шлабрендорфъ — все это прорицатели, которые любили до безумія свое отечество, не революціонеры, а созидатели par excellence, но отринутые бездарными правителями и безполезно проведшіе свою жизнь, они безшумно сходили въ могилу, раненые на смерть судьбой...

Какая трагическая судьба—видѣть, что созданное тобою тяжелыми усиліями уносится историческою волною. Развѣ Милютинъ не чувствуетъ того же, что чувствовалъ когда-то Гарденбергъ, Штейнъ. Всѣ эти люди (т.-е. Милютинъ, Лорисъ-Меликовъ) любили свое отечество больше себя, больше своей личной выгоды, и положеніе ихъ ужасно. Конечно, если это легкіе сердцемъ политики, какъ Игнатьевъ, Барановъ и tutti quanti, то они очень легко утѣшатся. Было бы корыто—свиньи будутъ. Свиньямъ же въ сущности все равно, что замѣшали въ корыто, не хватитъ въ корытѣ—въ навозѣ поваляться п покопаться можно. Копайтесь и валяйтесь въ грязи на здоровье—о вкусахъ не спорятъ.

Довольно, отъ этихъ міазмовъ, доходящихъ до меня черезъ посредство газетъ, меня тошнитъ. Вотъ ужъ правда,—блаженъ мужъ, не идущій въ совѣтъ нечестивыхъ,—и я тоже не принимаю никакихъ подачекъ, и благо мнѣ будетъ, что останусь я чистъ отъ всякой грязи...

5 декабря 1882 г.

Слышалъ еще новую подробность о Р(ождествен)ской. Лѣтомъ она какъ-то посѣтила исправника. Было жарко, и такъ какъ у нея не было лѣтняго платья, она одѣвала сарафанъ. Этотъ сарафанъ послужилъ первымъ комочкомъ снѣга, изъ котораго съ теченіемъ времени образовалась цѣлая лавина, обрушившаяся на голову и раздавившая бѣдную Р(ождествен)скую. Между блюстителемъ порядка и учительницею произошелъ слѣдующій разговоръ. Онъ.—Какъ это вы въ сарафанѣ—не соціалистка ли вы?—Она.—Да жарко.—Онъ.—Все-таки неловко, вы учите и вдругъ ходите въ сарафанѣ, смотрите, я донесу.—Она.—Доносите, что же тутъ худого? Соня Р(ождествен)ская слишкомъ неразвита, чтобы знать, что такое соціализмъ, и вдругъ ей запретили учить во всемъ Петербургскомъ округѣ... Исправникъ выдумалъ, что она безнравственная, а когда это оказалось недостаточнымъ, то

обвинилъ въ соціализмѣ. И вездѣ эта пошлость, грязь. Куда уйти отъ этой грязи, пошлости, гадости? Говорятъ, что Румянцева. одного изъ видныхъ ораторовъ на Новгородскомъ земскомъ собраніи, приглашалъ министръ къ себѣ для объясненій. Интересно, какъ покажетъ себя этотъ господинъ, предлагавшій избавить крестьянъ отъ всякихъ выкупныхъ платежей, признать крестьянскую землю государственною, общинною, неотчуждаемою собственностью и предлагавшій вмѣстѣ съ другими созваніе Земскаго Собора. Жалко, что не меня пригласилъ г. министръ, я бы ему пропѣлъ все, что я знаю и думаю. Можетъ быть, искреннее, свободное слово отрезвитъ ихъ и остановитъ на дорогѣ къ гибели.

Il n'y a pas de pire sourds, это, пожалуй, будетъ вѣрнѣе.

12 декабря 1882 г.

Все говорятъ о сокращеніи въ бюджетѣ, а на дѣлѣ оказалось, что у насъ дефицитъ въ 60 милл. Видно.... не совладать съ вкоренившимися привычками камарильи, и всѣ хорошія намѣренія такъ и останутся хорошими намѣреніями. Часто слышишь, что порицаютъ наше крестьянское самоуправленіе. Крестьяне де тупы и неразвиты, не понимаютъ своихъ собственныхъ интересовъ. Должность старосты, говорятъ эти хулители крестьянства, почитается ими за повинность, а не за честь. Прежде и я то же самое думалъ, но, когда присмотрѣлся на мѣстѣ, перемѣнилъ свое мнѣніе. Староста не собралъ во время повинностей (бѣдняки всѣ платятъ, недоимки числятся за самыми богатыми мужиками, у которыхъ тысячи), и вотъ старосту сажаютъ въ кутузку. Теперь исправникъ велѣлъ посадить шесть старостъ на нѣсколько дней за нерадивое взысканіе недоимокъ. Одинъ староста, грамотный и не пьяный мужикъ (Иванъ Никитинъ), говоритъ теперь, когда его послали подъ арестъ, что онъ уже не будетъ выбираться въ старосты. Лучше заплачу деньги, а не хочу въ старосты. Такимъ образомъ на эти должности попадаютъ мало-по-малу хищники или пьяницы, и крестьянское самоуправленіе съ году отъ года падаетъ... Будь у крестьянъ какія-нибудь гарантіи противъ произвола и самодурства низшихъ полицейскихъ властей, и дѣло пошло бы успѣшнѣе. Читалъ статью Кавелина по поводу книги Нотовича. Кавелинъ напираетъ на то, что низкій уровень культуры нашей мѣшаетъ намъ имѣть болѣе совершенныя учрежденія. Низкая культура, нравственная распущенность, хищничество—это такіе факторы въ соціальной жизни народа, которые, непремѣнно, затормозятъ даже самыя совершенныя учрежденія. Такъ что же: ждать пока

хищничество изгонитъ всѣхъ независимыхъ людей или приступить немедленно къ реформамъ? Выходитъ сказка о бѣломъ бычкѣ—реформы нельзя вводить, потому что нравственный уровень низокъ. Нравственный уровень не можетъ повыситься, потому что учрежденія плохи. Хотѣлъ я написать ему возраженіе, но потомъ раздумалъ. Все равно теперь никакая полемика не поможетъ. Хаосъ (или революція), о которомъ пророчествуетъ Кавелинъ, наступитъ, и тогда изъ темнаго броженія выйдетъ свѣтлое вино [1]).

Вообще противорѣчій у него много. Говоритъ онъ о хищничествѣ, объ упадкѣ нравственности и вдругъ предлагаетъ палліативъ въ родѣ того, что мѣстныя учрежденія должны состоять наполовину изъ выборныхъ, наполовину изъ коронныхъ чиновниковъ. Мудрите, господа, на здоровье. Я не пишу еще оттого, что считаю всякія мѣстныя улучшенія недостаточными, пока не перестроено все зданіе. Прежняя эпоха создала очень много хорошаго, напр., крестьянскія самоуправленія, но поставили какъ clef de voute исправниковъ и парализовали все, что было хорошаго въ реформѣ. Также и земство. Люди нравственные, независимые у насъ имѣются, г-нъ Кавелинъ. Доказательствомъ тому служитъ судъ, университетъ, даже земства (и тамъ много сдѣлано при нашей бѣдности для школъ, для оздоровленія жителей). Но эти независимые люди теперь работаютъ разрозненно, необъединенною дружиною и должны иногда падать подъ непосильною ношею. Соберите ихъ въ одну сплоченную дружину, и вы увидите, что низкій уровень нравственности, низкая культура уступятъ мѣсто болѣе совершеннымъ порядкамъ... Геніальные государи умѣли выжать такія силы изъ нѣдръ земли. Сколько этихъ силъ, но теперь онѣ попрятались или отстранились отъ дѣла, или будируютъ, или ударились въ безплодную оппозицію.

Фридрихъ Великій не даромъ писалъ: Si dans un pays on pouvait decouvrir tous les talens que la nature se plait à distribuer au hasard et qu'on peut employer chacun dans son genre, ce pays deviendrait le premier en Europe (Oeuvres porthum v. 12, p. 53). Вотъ что, г. Кавелинъ. Извѣстный режимъ способствуетъ нарожденію талантовъ, а другой режимъ (Имперскій-Римскій, Людовика XIV), въ концѣ-концовъ, уничтожаетъ все талантливое, независимое въ странѣ. Почему же вы вдругъ выступили

[1]) Въ сущности то, что въ обыкновенномъ языкѣ называется хаосомъ, только переходная форма къ болѣе совершеннымъ формамъ. Реформація, революція тоже казались хаосомъ современникамъ. Намъ хаоса не миновать, какъ ребенку, которому приходится переживать прорѣзываніе зубовъ.

съ вашими коронными мѣстными дѣятелями, что̀ они изъ другого тѣста сдѣланы, или вы то же думаете, что чѣмъ больше путаницы, тѣмъ лучше. Шутники, право, эти господа. То общество выродилось, дрянно до нельзя, и вдругъ *панацея* для излеченія общества: возьмите казеннымъ способомъ назначьте изъ того же общества пять чиновниковъ и дайте имъ вкупѣ вмѣстѣ съ мѣстными дѣятелями вѣдать мѣстныя дѣла, и все пойдетъ, какъ по маслу.

18 декабря 1882 г.

Въ литературномъ мірѣ происходитъ движеніе, партіи обособляются и группируются. «Наблюдатель» далъ первый толчекъ, выбросивши «Голосъ» за его кулачество, за то, что онъ маклакъ въ литературѣ и т. д. Затѣмъ выступила «Мысль» и накинулась на либераловъ за неосторожное слово «обуздать звѣря». Со стороны либераловъ это была ужасная безтактность. Звѣрь— это народъ. «Недѣля» тоже подняла знамя народничества и кинула нѣсколько полновѣсныхъ каменьевъ въ либеральный огородъ... Всѣ эти господа очень хорошо дѣлаютъ, что протестуютъ противъ буржуазныхъ инстинктовъ «Голоса», противъ безтактнаго выраженія «обуздать звѣря», но очень глупо и безтактно поступаютъ, отнѣкиваясь отъ правового порядка. Да вѣдь безъ правового порядка вамъ и сгруппироваться даже невозможно, и вся ваша борьба ограничится пролитіемъ чернилъ и останется безъ всякихъ результатовъ. Юзовъ выступилъ съ брошюрою «Основы народничества». Вотъ по поводу этой брошюры высказался Венгеровъ въ «Устояхъ» и высказался, по моему мнѣнію, очень основательно и разумно.

Венгеровъ, надо сказать, въ нашей ультрарадикальной партіи играетъ роль merle blanc или бѣлой сороки, т.-е. онъ одинъ мыслитъ вполнѣ самостоятельно и независимо. На меня онъ произвелъ очень хорошее впечатлѣніе. Видѣлся я съ нимъ раза два у Кривенко. Наши либералы и ультрарадикалы (въ томъ числѣ Михайловскій, Кривенко) игнорируютъ славянское движеніе, глумятся надъ славянофильствомъ не аксаковскимъ, надъ самобытностью Россіи, надъ патріотизмомъ и т. д... Венгеровъ, съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ слѣдить за его статьями, прямо заявилъ (ужасная смѣлость съ его стороны) свое сочувствіе славянству, осмѣлился заговорить о самобытныхъ началахъ русскаго народа и безъ глумленія отнесся даже къ славянскому движенію. Въ первое мое свиданіе съ нимъ я поздравилъ его съ тѣмъ, что наконецъ-то нашелъ человѣка, который понялъ, что славянское движеніе такое же освободительное движеніе, какъ и борьба за независимость Америки.

Онъ признался мнѣ, что онъ даже хотѣлъ итти въ Сербію, что онъ сочувствуетъ Черняеву. Все это онъ говорилъ къ великому ужасу Кривенко, который по рутинѣ глумился и надъ 1876 г., и надъ добровольцами, и надъ Черняевымъ. Но вотъ теперь, слава Богу, онъ высказался открыто въ «Устояхъ» (сентябрь, октябрь). Исходя изъ того, что не погано тѣмъ море, что псы изъ него лакали (Аксаковъ, Суворинъ), Юзовъ находитъ страннымъ чураться отъ множества прекраснѣйшихъ принциповъ только потому, что разныя мухи охотнорядскаго славянофильства и ловкачи Страстного бульвара запакостили ихъ. Вотъ отчего онъ съ неменьшимъ азартомъ, чѣмъ г. Аксаковъ, защищаетъ и принципъ національности и самобытность русской жизни, не менѣе страстно нападаетъ на интеллигенцію нашу за ея оторванность отъ народной жизни, за ея игнорированіе народной ширины.

Очень резонно, замѣчаетъ Венгеровъ, что странно видѣть «В. Европ.» или Пыпина, отстаивающаго малороссійскую народность и отрицающаго *самобытныя начала* въ 90-милліонной Россіи.

«В. Евр.» идетъ даже дальше и въ жару полемики стоитъ горой за австрійскаго жандарма, мѣшающаго славянскимъ народамъ Австріи стать на собственныя ноги. Венгеровъ и патріотъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ не глумится, а прямо превозноситъ до небесъ и нашу литературу, и нашу общину, артель и многое такое, о чемъ истые либералы говорятъ съ насмѣшкою на устахъ. Одно жаль, что «Устои», какъ писалъ Кривенко, дышутъ на ладанъ и имѣютъ мало подписчиковъ, такъ что статью Венгерова прочтутъ немногіе, а въ интересахъ «Новаго Времени», «Руси» и даже «Вѣст. Европы», «Отеч. Запис.» замолчатъ эту статью (todtschweigen), потому что имъ будетъ не ко двору. Также интересно, какъ пойдетъ брошюра Юзова. Брошюру труднѣе замолчать. Время возьметъ свое. Интересно, какъ отнесутся «Отеч. Записки» къ этому расколу въ партіи крайнихъ. Вѣрнѣе всего пройдутъ молчаніемъ.

«Отеч. Зап.» или, лучше сказать, Михайловскій игнорировали славянское движеніе, Достоевскаго, самобытность Россіи, но это не мѣшаетъ Достоевскому здравствовать и царить въ умахъ читателей; славянское движеніе приноситъ свои результаты, а про самобытность Россіи нечего и говорить, она постоитъ за себя, несмотря на всѣ крики въ родѣ «обуздать звѣря» и т. д.

Россія сама по себѣ съ глупымъ своимъ «звѣремъ» все-таки фактъ такой величины, что приди Михайловскій, Полонскій и tutti quanti съ цѣлымъ полчищемъ пособниковъ, и то имъ не

совладать съ нею... Какъ древній сфинксъ, она будетъ пожирать всѣхъ тѣхъ, которые не отгадаютъ загадки. Даже хаосъ, о которомъ пророчитъ Кавелинъ, и тотъ будетъ въ пользу этому звѣрю въ 90 милліоновъ (или иначе—святая скотина). Слава Богу, что между молодыми (Венгеровъ, Оболенскій) начинаютъ сознавать это. Можетъ быть съ заднею мыслью (ради цензуры) эти господа чураются правового порядка. Исходъ одинъ—или правовой порядокъ, или хаосъ, но необходимо Россіи развиться и перейти въ болѣе совершенныя политическія формы.

Я думаю, что Венгеровъ и Оболенскій и это понимаютъ, но, ругая «конституцію», они подъ этимъ флагомъ проводятъ все, что такъ дорого по существу, и обманываютъ бдительную цензуру. У насъ такъ дѣлается: если авторъ бранитъ правовой порядокъ, конституцію, то цензоръ пропускаетъ слѣпо всю статью. Такимъ образомъ крайнія идеи и взгляды всегда берутъ перевѣсъ въ обществѣ надъ конституціонно-буржуазными идеалами. Смѣются у насъ надъ республикою Тьера, даже надъ Америкою, а тамъ вдали анархизмъ. Все это такъ естественно, что удивляться этому нечего. Общество наше до сихъ поръ не оперилось, трусливо и не привыкло къ оппозиціи, а крайняя партія съ какимъ-нибудь Кропоткинымъ во главѣ процвѣтаетъ и все больше и больше пріобрѣтаетъ силы. Камарилья работаетъ теперь въ пользу революціонной партіи и приведетъ, конечно, дѣло къ ужасной развязкѣ. Nur drauf los—quem deus perdere vult...

21 декабря 1882 г.

Только что узналъ о результатахъ свиданія Румянцева съ товарищ. мин. Оржевскимъ. Потребовали его къ Цѣпному мосту. Онъ явился въ сюртукѣ. Просили садиться. Разговоръ длился 1 ч. 40 мин. Сначала товарищъ министра заговорилъ о «рѣзкихъ выраженіяхъ», которыми Румянцевъ характеризовалъ полицію. Румянцевъ, съ своей стороны, заявилъ, что полиція не взыскиваетъ недоимокъ, ведетъ себя непростительно относительно земства.

Товарищъ мин. Да у васъ такъ много налоговъ, а вотъ я самъ помѣщикъ Витебской губ. и я тамъ плачу самый вздоръ, а у насъ имѣются все хорошія дороги.

Румянцевъ. А школы и больницы тамъ имѣются?

Тов. мин. Нѣтъ, школъ не имѣется, да этого и не нужно.

Румянцевъ. Въ такомъ случаѣ отчего, если дѣла идутъ такъ хорошо безъ земства, не уничтожить самаго земства?

Тов. министра. Я этого не говорю. Земство намъ нужно, но я

хотѣлъ замѣтить вамъ, что вы совершенно напрасно нападаете на полицію, на администрацію, заявляете какія-то требованія о реформахъ. Кто желаетъ реформъ—общество не желаетъ реформъ. Вы развѣ общество? Вы желаете реформъ—все отдѣльныя лица. Развѣ вы общество, вы служили въ контролѣ, а теперь?

Румянцевъ. Извините, я никогда не служилъ, вы, можетъ быть, смѣшиваете...

Оржевскій. Ну, все равно, я говорю, что все это вздоръ, всѣ эти земскія требованія, никто ихъ не желаетъ.

Румянцевъ. Да вѣдь само правительство обращалось къ земству.

Оржевскій. Когда? Какое правительство?

Румянцевъ. Да призывало свѣдущихъ людей при Игнатьевѣ...

Оржевскій. Все это одно шутовство. Это *шутовское министерство.*

Румянцевъ переводитъ какъ-то разговоръ на судъ.

Оржевскій (съ презрительною гримасою). Присяжные судьи. Какой судъ... Судъ Засуличъ...

Румянцевъ. Въ такомъ случаѣ, если правительство недовольно судомъ, то слѣдуетъ его уничтожить.

Въ такомъ тонѣ продолжается вся бесѣда. Оржевскому пора ѣхать. Онъ встаетъ: «Мнѣ поручилъ министръ сказать вамъ, чтобы вы не писали дерзкихъ бумагъ губернатору и въ своихъ заявленіяхъ въ Земскомъ Собраніи были бы сдержаннѣе». Sapienti sat. Лучше всего, конечно, что правительственная власть обзываетъ шутовствомъ начинанія того же правительства за 1881 г... Вообще, дѣло теперь тормозится, елико возможно, съ крестьянскими банками и со всѣмъ тѣмъ, что выдумано было Игнатьевымъ.

Пріемная министра открывается всего на одинъ часъ, отъ 10—11 часовъ и затѣмъ двери въ это святилище закрываются до другого дня.

Представляются только чиновники.

Министръ. Вамъ что?

Дараганъ. Я прошу мѣсто губернатора.

Министръ. Мѣсто губернатора я предоставляю собственному усмотрѣнію.

Дараганъ. Такъ мнѣ, можетъ быть, причислиться къ другому министерству?

Министръ. Нѣтъ. Вы такъ давно служите, Дараганъ.

Дараганъ. Итакъ, вы мнѣ не отказываете?

Министръ. Не отказываю и не обѣщаю.

А вамъ что?

Вице-губ. Н. Представиться, ваше высокопревосходительство.

Министръ. А вамъ что?

Комиссаръ по Царству Польскому. Желаю получить мѣсто вице-губернатора.

Министръ. Обратитесь черезъ ваше начальство.

А тебѣ что, батюшка?

Крестьянская депутація. Да на счетъ земли. У насъ мало земли (оказывается—рязанскіе крестьяне. Министръ кстати очень много тамъ накупилъ земли).

Министръ. Да откуда вамъ дать земли?

Крестьяне. Да у сосѣдей.

Министръ. Да какъ же это? Можетъ быть, имъ вовсе не хочется уступать землю. Никакой земли вамъ не будетъ (строго). Да объявите всѣмъ, которые васъ сюда прислали, что эти требованія незаконны и неосновательны (обращается къ чиновнику). А ихъ препроводить домой по этапу.

(Прелестно).

Послѣ всего этого удивляться ли тому ликующему тону, которымъ отличается «Новое Время». Правда, ликовать имъ можно. Сразу въ одинъ день «Голосу» было два предостереженія за то, что онь назвалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ министерство Толстого министерствомъ затишья. «Московскому Телеграфу» запрещена розничная продажа и «Русскій Курьеръ» запрещенъ на три мѣсяца. Ликуйте, господа, благо пятаки хлынутъ въ вашу кассу и теряйте всякій стыдъ и совѣсть... Эта кара постигла либеральныя газеты наканунѣ подписки и, конечно, привлечетъ въ ненаказуемое «Новое Время» новыхъ подписчиковъ... Подобно Воронцову-Дашкову, который даетъ ходъ по службѣ людямъ, служившимъ въ его полку, Толстой покровительствуетъ своимъ рязанцамъ—непремѣнный членъ выскочилъ въ губернаторы. Другой господинъ, помогавшій ему покупать имѣніе въ Рязанской губерніи, попалъ въ земскій отдѣлъ начальникомъ.

Чудны Твои дѣла, о, Господи...

Еще подробности по дѣлу о *Р(ождествен)ской.* Это дѣло напоминаетъ собою Троянскую войну. Всѣ перемѣшались и переругались по этому поводу... Инспекторъ народныхъ училищъ Лосинскій, получивъ выговоръ, заболѣлъ, и его жена полетѣла въ Петербургъ къ попечителю округа—Дмитріеву (бывшему профессору конституціоннаго права)... Онъ принялъ ее за Р(ождествен)скую, но, узнавъ, кто она, сталъ говорить, что Р(ождествен)ская чрезвычайно опасна. Лосинская высказала ему, что земства считаютъ за *шикъ* противодѣйствовать губер

натору въ этомъ дѣлѣ. Это слово (шикъ) подлило масла въ огонь, и бывшій профессоръ конституціоннаго права вскочилъ со стула, какъ ужаленный, и воскликнулъ: «Я имъ покажу, нѣтъ, я покажу имъ свою силу. Узнаютъ они меня». Неправда ли это очень характеристично и мило! Какъ у насъ на Руси люди мѣняются? Сегодня либералъ, завтра—держиморда, а послѣ завтра опять либералъ, будирующій правительство. Вотъ и Чичеринъ вдругъ не позволилъ Муромцеву сказать рѣчь въ Думѣ. Для автора «О представительствѣ» такія Чингисхановскія наклонности просто неприличны.

Еще маленькій фактъ изъ *новгородской жизни*. Нѣкто Харзѣевъ отличается дерзкимъ, вызывающимъ поведеніемъ. Но вотъ, съ нѣкоторыхъ поръ, онъ утихъ и успокоился. Идутъ по улицѣ прокуроръ, жандармскій полковникъ и еще кто-то и говорятъ другъ-другу: «Давай заглянемъ въ окно, что дѣлаетъ Харзѣевъ». Харзѣевъ, какъ увидѣлъ ихъ, выскочилъ на улицу и выругалъ ихъ самымъ исправнымъ манеромъ... Жандармскій полковникъ добился того, что его за нарушеніе общественной тишины сослали административнымъ порядкомъ въ Вологду, а они оказались правы. Нѣкоторыя лица, которыя приняли участіе въ Харзѣевѣ, обратились къ Шелгунову («Дѣло»), но не добились результата, потому что ни одна газета не взялась опубликовать этотъ фактъ. Итакъ, административная высылка, какъ орудіе произвола, обращена не на крамолу, которая, надо полагать, благоденствуетъ и набирается силъ, но на Сидора, Петра, потому что они не угодили жандармскому полковнику, исправнику и т. д.

Все это, за отсутствіемъ гласности, творится тихо и подъ шумокъ и возбуждаетъ много неудовольствія. Спрашивается, какая польза отъ этого для правительства, что Сидоръ, Карпъ попадутъ въ ежовыя рукавицы?..

24 декабря 1882 г.

Возвращаюсь къ старой темѣ, какъ у насъ люди мѣняются. Вотъ и Черкасскій, земецъ, сподвижникъ Николая Милютина, какъ только получилъ право распорядиться Болгаріей, сейчасъ же перемѣнилъ политику. Мнѣ онъ отвѣчалъ, когда я захотѣлъ отправиться въ Болгарію, что теперь вся сербская исторія подозрительна и что надо избѣгнуть всего революціоннаго. Я на него не сержусь, но я въ правѣ негодовать на него, что онъ, земскій дѣятель, вдругъ въ Болгарію наслалъ все какихъ-то капитановъ, не знающихъ ничего о Болгаріи. «Покажите мнѣ на земскихъ дѣятелей,—сказалъ онъ Петрову,—

которыхъ можно послать въ Болгарію. Такихъ земскихъ дѣятелей нѣтъ». И все это говоритъ земскій дѣятель. Набирая своихъ помощниковъ, онъ обращалъ вниманіе на связи, на ходатайства разныхъ тетушекъ, бабушекъ, весь ушелъ въ визиты высокопоставленнымъ лицамъ. И что же? Наша администрація въ Болгаріи стала притчею во языцѣхъ и покрылась позоромъ. Онъ мѣтилъ изъ гражданскаго ком. въ Болгаріи попасть прямо въ министры и умеръ въ Санъ-Стефано. O vanitas vanitatum et omnia vanitas. Съ точки зрѣнія Гирса я еще могъ быть виновнымъ. «Vous êtes allé chercher des aventures», сказалъ онъ мнѣ, но я до сихъ поръ считаю этотъ поступокъ въ моей жизни за самый честный поступокъ...

Не одними словами, но и дѣломъ я засвидѣтельствовалъ свое сочувствіе славянскому дѣлу, и мнѣ нечего этого стыдиться...

Всѣ газеты полны извѣстіями о смерти Гамбетты. Къ счастію, Франція—не Россія, въ которой выбирать не изъ кого. Тамъ земля не оскудѣетъ всякими людьми. Я не хочу этимъ сказать, что Россія уступитъ Франціи въ талантливости своего народа, нѣтъ, я этого не думаю. Но всѣ наши великія талантливыя силы подъ спудомъ, а власть выбираетъ изъ одного узкаго, маленькаго кружка, въ которомъ изсякла всякая талантливость, всякая способность. Пушкаревъ разсказывалъ намъ, что государь хотѣлъ назначить министромъ финансовъ Кидошенкова только потому, что онъ зналъ его въ Болгаріи... Этимъ же объясняется выборъ Ванновскаго и другихъ. Вообще, чѣмъ глупѣе министръ, тѣмъ дольше онъ сидитъ на мѣстѣ (Гирсъ, Посьетъ). Все, что поталантливѣе, сидитъ безъ году недѣлю (Игнатьевъ, Лорисъ-Меликовъ, Абаза, Милютинъ)... Новиковъ говорилъ мнѣ въ Вѣнѣ, что дипломатъ, какъ и хорошенькая женщина, хорошъ, *когда объ немъ не говорятъ*. Странная теорія. Мнѣ это было сказано въ назиданіе и въ порицаніе моихъ дѣйствій, но по этой теоріи объ дуракахъ и безцвѣтныхъ людяхъ всего меньше говорятъ.

Тутъ не Новиковъ, Гирсъ, тутъ вся система виновата, и пока не войдетъ сюда струя чистаго воздуха, до тѣхъ поръ мы останемся при этой гнили и пошлости.

Гр. де-Волланъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки прошлаго[1])

1883 годъ.

Новый 1883 годъ начинается хорошо.

«Страна» пріостановлена и будетъ выходить въ будущемъ подъ цензурою (по новому закону).

«Голосъ» тоже пріостановленъ на 6 мѣсяцевъ и потомъ будетъ выходить подъ цензурою.

«Отеч. Записки» получили второе предостереженіе.—Однимъ словомъ, всего не перечтешь. Потомъ данъ лозунгъ веселиться и плевать на все прочее. Балы слѣдуютъ за балами. Пошли въ ходъ русскіе костюмы[2]). «Московскія Вѣдомости» и «Новое Время» ликуютъ, что, наконецъ, общество (какое?) оживилось, тратится на наряды. Въ этомъ оживленіи микроскопической части общества не участвуетъ вся провинціальная Россія и, значитъ, балами въ русскихъ костюмахъ ее не утѣшишь и не успокоишь. Среди всеобщаго безмолвія раздался голосъ Чичерина, и хвала ему за это честное, свободное слово.

Ежевыя рукавицы теперь въ модѣ.

Въ дѣйствіяхъ Толстого видна извѣстная твердость и энергія характера. Онъ показалъ представителямъ прессы, что не любитъ шутить. Закрывая либеральныя газеты, онъ лишилъ и такія газеты, какъ «Новое Время», извѣстной пикантности и занимательности. Интересна была эта газета своею полемикою съ газетами либеральнаго лагеря. Теперь она безцвѣтна и водяниста. Всего больше мѣста удѣляется театру, да разному вздору, описанію свѣтскихъ баловъ, маскарадовъ, но вотъ Толстой взялся и за земство. За послѣднее засѣданіе новгородскаго губернскаго собранія, гдѣ была провозглашена съ трибуны свобода слова, печати, досталось не одному Румянцеву, но и другимъ.

---

[1]) См. № 6 «Гол. Мин.».

[2]) Замѣчательно только то, что русскіе костюмы вышли изъ забвенія для маскарада.—Не маскарадъ-ли и вся эта поддѣлка подъ русскія начала, русскій духъ... Просто татарщина, византійство идутъ подъ громкимъ названіемъ русской самобытности и русскихъ основъ жизни.

Костливцевъ уволенъ отъ должности предсѣдателя губернской управы, Арнольдъ былъ приглашенъ въ покойное III-е отдѣленіе и ему сдѣлали отеческое внушеніе и тоже уволили раба Божьяго въ чистую отставку.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что приструнить нашу интеллигенцію очень легко. Съ нею можно не церемониться,—но еще сомнительно, упразднятся ли всѣ вопросы отъ такого всевластнаго: Quos ego!—Разогнать нѣсколькихъ предсѣдателей, закрыть десять газетъ, низвести прессу до самаго крайняго униженія—все это плевое дѣло. Но забываютъ при этомъ, что болтуны, ратующіе въ прессѣ, неопасны. Когда такіе безобидные органы, какъ «Голосъ», должны закрыть лавочку, на сцену выступаютъ люди другого рода, люди, которые не будутъ говорить: «нельзя не сознаться, но надо признаться», люди другого болѣе твердаго закала, люди односторонніе и рѣшительные, которые начнутъ дѣйствовать. Однимъ словомъ, опять выступятъ на сцену тѣ подземныя силы, которыя нѣсколько разъ играли такую громадную и печальную роль въ русской исторіи.

За числомъ подписчиковъ «Голоса» можно слѣдить («Страна» перебивалась, не имѣя достаточнаго количества подписчиковъ), а за ростомъ этихъ подземныхъ силъ услѣдить невозможно. Толстой вгоняетъ болѣзнь внутрь, но еще неизвѣстно, можно ли изгнать ее совсѣмъ. Послѣ министерства *шутовства* (по выраженію Оржевскаго) наступило министерство сильное внутри и дряблое во внѣ. Роль Россіи въ Европѣ ничтожна. Даже Румынія какая-нибудь, и та въ Дунайской конференціи обнаруживаетъ болѣе силы и мужества. Уступаемъ мы на всѣхъ пунктахъ. И это очень крупная ошибка. Правительство можетъ быть деспотическимъ внутри только тогда, когда оно въ видѣ компенсаціи даетъ внѣшнее могущество. Примѣромъ могутъ служить Фридрихъ II, Наполеонъ I, Николай I. Только тогда голосъ хулителей пропадаетъ безслѣдно въ громкомъ гулѣ всякихъ внѣшнихъ успѣховъ, въ ореолѣ военной славы и національнаго могущества.

20 февраля.

Вечеромъ у Аксакова я видѣлъ Чичерина, который говорилъ о выборахъ Корфа. «Я не думалъ,—сказалъ онъ,—что Корфъ согласится быть инспекторомъ народныхъ училищъ, но когда я узналъ, что онъ согласился, то я былъ очень доволенъ. Лучшаго выбора сдѣлать нельзя. Даже статья «Московскихъ Вѣдомостей», и та повліяла въ его пользу, потому что Текинцы (такъ наз. трактирщики) и тѣ сказали, «что человѣкъ должно быть хорошій, потому что его бранятъ «Московскія Вѣдомости». Итакъ выборы бы со-

стоялись навѣрное, не будь инсинуацій со стороны «Московскихъ Вѣдомостей» и «Новаго Времени».

Говорили о пріѣздѣ Государя въ Москву, о томъ, что нѣкоторыя личности изъ охраны отъ страха передъ грозившею опасностью умерли отъ паралича сердца.

Заговорили о затѣваемыхъ Побѣдоносцевымъ приходскихъ школахъ, которыя онъ хочетъ подчинить священнику. По этому вопросу возникъ очень оживленный споръ. Двое господъ, имена которыхъ не помню, стояли горою за побѣдоносцевскій проектъ и говорили, что надо дать священнику подобающее мѣсто въ школѣ. Аксаковъ и Чичеринъ возражали. «Это разссоритъ духовенство съ земствомъ,—возразилъ Чичеринъ,—и, наконецъ, земство не дастъ денегъ.—Я самъ земство—я городской голова и у себя знаю, насколько наши священники небрежно относятся къ своимъ учительскимъ обязанностямъ». Повидимому, даже и для Чичерина и Аксакова новыя затѣи Побѣдоносцева показались zu starker Tabak и пришлись имъ не по вкусу. Про Гольцева люди, въ родѣ Бартенева, говорятъ съ пѣною у рта и называютъ всѣхъ либераловъ негодяями, но и у этихъ людей либерализмъ не совсѣмъ выдохся, потому что они находятъ слишкомъ крайними нѣкоторыя дѣйствія ретроградовъ (Dunkermänner).

М. М. Ковалевскій.

Съ Ковалевскимъ встрѣтился я нѣсколько разъ. Когда я пришелъ къ В. Ѳ. Миллеру, онъ пригласилъ меня отобѣдать, но мнѣ пришлось въ этотъ день провожать Досса, и я отказался отъ обѣда и пріѣхалъ къ вечеру.

Ковалевскій разсказалъ, что Гольцеву «Голосъ» предложилъ 3000 р. жалованья и отдѣлъ въ своей газетѣ[1]). Гольцевъ не принялъ и остался въ «Русской Мысли».—Такъ проговорили весь вечеръ, оживленно споря и обсуждая вопросы внутренней политики.

Когда мы уходили, то Миллеръ намекнулъ Ковалевскому, чтобы онъ проводилъ м-мъ Е. до дому. Ковалевскій сейчасъ же предложилъ этой перезрѣлой полумилліонной вдовѣ руку, и мы съ нимъ дошли до ея дома. Мы тутъ съ нею раскланялись, но она предложила намъ войти, и мы nolens-volens поднялись за нею въ ея квартиру. Было уже поздно. Мигомъ всѣ комнаты освѣтились и насъ усадили за круглый столъ въ гостиной, и передъ Ковалевскимъ гостепріимная вдова разложила цѣлый ворохъ карточекъ. Ковалевскій въ отсутствіи хозяйки взглянулъ на

[1]) Юридическое Общество въ Москвѣ, по иниціативѣ Муромцева, выбрало Гольцева почетнымъ членомъ.

меня съ недоумѣніемъ. Меня разбиралъ смѣхъ. Дама, желавшая, должно быть, прельстить Ковалевскаго любезностью своего обращенія, все подкладывала ему новыя и новыя карточки. Вытащила романъ «Китай-городъ» Боборыкина, въ которомъ авторъ изобразилъ Ковалевскаго. Ковалевскій, вмѣсто того, чтобы обращаться къ ней, отвѣчалъ мнѣ и усиливалъ мой позывъ къ смѣху. Онъ мнѣ напомнилъ Джо въ романѣ Диккенса «Большія ожиданія», который на вопросы миссъ Гевишамъ отвѣчаетъ Гипу, «Дружище Гипъ...» Наконецъ, въ сосѣдствѣ зазвенѣла чайная посуда. Всякій разъ, какъ хозяйка выходила изъ комнаты, Ковалевскій обращался ко мнѣ, разставляя руки въ знакъ недоумѣнія, и приговаривалъ: «ну, Москва». Въ концѣ-концовъ, отвѣдавъ чаю съ сухариками и печеньемъ, мы все-таки ушли. Ковалевскій очень мило сказалъ, что вѣрно эта дама очень любитъ ученыхъ. Вотъ что значитъ быть очень «вумнымъ человѣкомъ», посмѣялся я надъ нимъ. «Boeuf à la mode на мѣсто кавалергардовъ»,—сказалъ онъ со смѣхомъ. Ковалевскій разсказываетъ всегда лучше, чѣмъ пишетъ. Разговоръ его похожъ на фейерверкъ. У него есть то, что французы называютъ verve. Смѣясь, онъ весь участвуетъ въ смѣхѣ. Вся его толстая, громадная фигура принимаетъ въ этомъ участіе. Онъ смѣется не только ртомъ, но и всѣмъ существомъ своимъ. Потомъ онъ въ высшей степени симпатиченъ и умѣетъ обращаться съ людьми. Сейчасъ же около него образуется кружокъ людей, которые, при всей его авторитетности, чувствуютъ большую симпатію къ нему. На всѣхъ лицахъ написано удовольствіе, что они имѣютъ передъ собою такую могучую, сильную, умную личность, которая говоритъ обо всемъ безъ всякаго чванства и влюбленности въ себя. Онъ имѣетъ очень общительный нравъ, и въ этомъ состоитъ его очарованіе. Онъ не замыкается въ себѣ, какъ другіе его товарищи, Миллеръ, Муромцевъ. Глядя на него, говоришь: «вотъ добродушный толстякъ, которому весело и пріятно жить, и самому весело становится на душѣ». «Я очень люблю общество женщинъ». Все это говорилъ онъ мнѣ по поводу того, что Боборыкинъ нѣсколько разъ изображалъ его. Боборыкинъ изображалъ его, но не въ его цѣлокупности, а только изображалъ всегда часть его натуры, тогда какъ натура Ковалевскаго сложная и богатая. Работаетъ онъ безъ устали, ораторъ очень хорошій, но онъ не ушелъ въ свою спеціальность, онъ любитъ хорошій столъ, человѣкъ чрезвычайно мягкій и добрый, даже надъ романами плачетъ, свои занятія прерываетъ для того, чтобы прочесть какой-нибудь романъ, стихи Альфреда де Мюссе, котораго очень цѣнитъ; любитъ вообще стихи, готовъ помочь всѣмъ и каждому, натура самолюби-

вая и кичится немного самимъ собою, но дѣлаетъ это очень добродушно и мило, очень невоздержанъ на языкъ и рубитъ, говоря о какомъ-нибудь лицѣ, съ плеча всѣхъ и каждаго, а особенно своихъ товарищей. Послѣднее обстоятельство дѣлаетъ то, что у него много враговъ, потому что всегда найдутся люди, которые донесутъ о словцѣ Ковалевскаго тому, кого это интересуетъ. Про Гольцева онъ, напр., говоритъ: «это Ковалевскій, разведенный въ водѣ». Про Муромцева онъ тоже отзывается иронически. «Вотъ, посмотрите,—сказалъ онъ мнѣ,—показывая на рукопись. Онъ былъ очень доволенъ, когда я уѣхалъ въ Америку. Я ему мѣшалъ, а теперь опять обращается къ моей помощи». Цитовича, когда я высказалъ, что онъ увезъ кассу и прикарманилъ 60 т., онъ защищалъ.—«Повѣрьте, все это выдумки Незлобина. Я тогда предупреждалъ Цитовича, что онъ змѣю пригрѣваетъ на своей груди».—«Такъ отчего же онъ не возражалъ противъ обвиненія Незлобина?»—«Да потому что ему было больно разочароваться въ человѣкѣ, которому онъ такъ вѣрилъ. Вотъ и я, напримѣръ, если Всев. Ѳ. Миллеръ напишетъ про меня какую-нибудь гадость,—и я не буду возражать въ газетахъ, потому что я его такъ цѣнилъ высоко. Для меня его измѣна будетъ чувствительнѣе и больнѣе, чѣмъ мнѣніе толпы». Вообще Ковалевскій очень цѣнитъ Миллера. Молчаливый, тихій, но многознающій Миллеръ, кабинетный ученый въ полномъ значеніи слова, составляетъ яркій контрастъ общительному, рѣзкому, остроумному Ковалевскому. Ковалевскій любитъ говорить о своемъ вліяніи. . . . . «Впрочемъ, я теперь сказалъ имъ, что мужикъ можетъ быть глупъ, вещь, за которую въ то время, когда я былъ студентомъ, профессора освистали бы. — Пускай не думаютъ, что я, какъ Гольцевъ, подамъ въ отставку — нѣтъ, пускай они меня отрѣшатъ отъ должности». Все это, конечно, очень невинно и безобидно... Отчасти у него есть и основанія ставить себя очень высоко. Тридцати трехъ лѣтъ — онъ уже докторъ права, авторъ хорошихъ книгъ, любимецъ молодежи, другъ и пріятель съ великими людьми двухъ полушарій, — почему же ему не возгордиться немного.

Конечно, съ другой стороны, онъ никогда не тычетъ своими сочиненіями, говоритъ даже шутя, что они будутъ достояніемъ мышей, что они плохо расходятся, не покупаются. Онъ позволяетъ себѣ смѣяться надъ другими, но не щадитъ и самого себя, и, за неимѣніемъ другой пищи, предлагаетъ свою собственную персону на съѣденіе. Не обижается, когда надъ нимъ смѣются. Про Достоевскаго онъ, со словъ Щедрина, который Достоевскаго называетъ просто Ѳедькою, разсказалъ нѣсколько комичныхъ

анекдотовъ, но когда я ему замѣтилъ, что это неправда, и что это на Достоевскаго непохоже, онъ послѣ нѣкотораго времени согласился со мною и заговорилъ совершенно другимъ тономъ.

Кичился тѣмъ, что Тургеневъ, Щедринъ и многія первостепенныя личности съ нимъ за панибрата. Онъ этого, положимъ, не показываетъ, но по всему видно, что онъ этими отношеніями очень дорожитъ. Про Щедрина онъ разсказывалъ мнѣ то, что я предполагалъ, не зная его лично. Щедринъ—это старый баринъ, который брезгливо относится къ плебсу. Въ семействѣ Головлевыхъ онъ изобразилъ свою собственную семью и своего братца.

Матвѣевъ, Спичаковъ, Навроцкій.

Я освѣдомился о томъ, что дѣлаетъ Матвѣевъ—директоръ юстиціи въ Восточной Румеліи. «Ахъ вы не знаете: съ нимъ былъ ударъ, и онъ теперь въ Петербургѣ».

Съ Матвѣевымъ я уже давно знакомъ и все откладывалъ его портретъ до болѣе удобнаго времени. Человѣкъ онъ очень заурядный, простой, пишетъ недурно объ обычномъ правѣ, въ литературѣ даже пріобрѣлъ себѣ имя, участвуя въ «Русской Рѣчи». Человѣкъ религіозный.

По убѣжденіямъ, съ славянофильскими тенденціями, безъ всякой притязательности, juste milieu, онъ составляетъ полную противоположность пріятелю своему де-Роберти. Матвѣевъ цѣнитъ въ де-Роберти то, что тотъ ему о каждой книгѣ дастъ подробный отчетъ. Шумливый, рѣзкій, съ ораторскими способностями, чрезвычайно самолюбивый и, можетъ быть, честолюбивый де-Роберти является контрастомъ къ тихому, скромному, очень спокойному Матвѣеву, но вотъ фактъ, который вполнѣ обрисуетъ Матвѣева. Это было въ то время, когда я задумалъ издавать журналъ «Земство», изданіе котораго мнѣ не разрѣшили. Получаю приглашеніе итти вечеромъ къ Матвѣеву. Я зналъ, что въ Славянскомъ Комитетѣ Ламанскій шептался съ Матвѣевымъ и подбивалъ его издавать журналъ.

Прихожу къ Матвѣеву. Тамъ застаю Градовскаго, де-Роберти, Ламанскаго, Страхова, Васильева, Аристова (проф.). Между угощеніемъ пошли толки о журналѣ. Матвѣевъ сильно настаивалъ на томъ, чтобы основать предпріятіе на паяхъ (и это хорошо), но съ тѣмъ, чтобы пайщики и образовали нѣчто въ родѣ редакціонной комиссіи. Послѣднее было уже непрактично, потому что ни одна статья не могла бы найти одобренія всѣхъ членовъ комиссіи. Матвѣеву очень хотѣлось, чтобы я былъ главнымъ

отвѣтственнымъ редакторомъ, но я отказался, имѣя въ виду издавать свой собственный журналъ. Затѣмъ пошли разговоры о программѣ и направленіи новаго журнала, и сейчасъ же оказалось, что Градовскій и Ламанскій не могутъ писать въ одномъ журналѣ. Начались пренія. Матвѣевъ въ своемъ журналѣ хотѣлъ подражать баснѣ «Лебедь, Щука и Ракъ», а Градовскій отвелъ въ сторону Матвѣева и при мнѣ сказалъ ему: «Такъ нельзя основывать журналъ. Ты, милый другъ, пригласилъ сюда всѣхъ хорошихъ знакомыхъ и думаешь, что журналъ готовъ. Подумай только—Страховъ и де-Роберти, Ламанскій и я. Я за конституціонныя формы, а Ламанскій говоритъ, что это вздоръ». Дѣло, такимъ образомъ, разошлось въ самомъ началѣ. Послѣ этого мы видѣлись довольно часто съ Матвѣевымъ. Онъ записалъ меня въ клубъ, читалъ мнѣ свои произведенія и уже въ мое отсутствіе былъ назначенъ въ директоры юстиціи въ Восточную Румелію. Въ литературномъ дѣлѣ онъ игралъ роль «полезности», не выдаваясь особенно ни идеями, ни энтузіазмомъ, какъ и всякая хорошая посредственность. Со мною онъ былъ всегда очень ласковъ и, какъ мнѣ казалось, симпатизировалъ мнѣ, искалъ моего общества, и я про него ничего худого сказать не могу. Да и другіе врядъ ли скажутъ про него что-нибудь худое. Толковали мы съ нимъ de omni re scibili, о женщинахъ, и онъ дѣлалъ мнѣ свои confidences насчетъ той, которая за нимъ послѣдовала изъ Парижа. Онъ былъ самостоятеленъ въ сужденіяхъ. При мнѣ онъ выговаривалъ де-Роберти за его ораторскія упражненія въ клубѣ. «Къ чему,—сказалъ онъ,—изъ слова балаганъ дѣлать и толковать такъ рѣзко, оскорблять чужія мнѣнія». Всегда сознавался въ соблюденіи поста и мечталъ о созданіи *консервативной* партіи. Мнѣ это нравилось въ Матвѣевѣ. При всей своей религіозности, онъ былъ не ретроградъ, не обскурантъ,—нѣтъ, онъ предоставлялъ каждому полную свободу сужденія.

Кстати, я забылъ разсказать о личности, которая тоже стремилась создать нѣчто въ родѣ консервативной партіи, это редакторъ «Россіи»—Спичаковъ. Я видѣлъ этого высокаго, мясистаго господина у Устрялова, когда затѣвалъ свое изданіе. Не понимаю, отчего Устряловъ пригласилъ его. Онъ говорилъ много о томъ, что слѣдуетъ всѣмъ собраться, кличъ кликнуть по землѣ русской и собрать всѣхъ лучшихъ людей въ одну храмину, но говорилъ туманно, запутанно, такъ что я не понялъ, что онъ собственно хотѣлъ сказать этимъ. Не я одинъ, но и Устряловъ ничего не понялъ о намѣреніяхъ Спичакова.

Въ его рѣчи перемѣшивались въ какомъ-то ужасномъ винигрстѣ слова: «Россія, кличъ кликнуть, земство, высшія сферы»,

но изъ всѣхъ словъ нельзя было извлечь, чего онъ-то собственно хочетъ. Потомъ онъ пристроился къ «Вѣстнику Краснаго Креста» . . . . Потомъ издавалъ съ такимъ же успѣхомъ «Россію», которую поддерживалъ Демидовъ-Санъ-Донато. Но и въ газетѣ, которая была обращена къ публикѣ, царствовала та же туманность, неопредѣленность, или, сказать лучше, путаница взглядовъ, такъ что газета читалась только редакторомъ и сотрудниками. Подъ конецъ оказалось, что редакторъ обсчиталъ своихъ сотрудниковъ, тѣ обратились съ жалобою къ Демидову, который пополнилъ кассу, разсчитался со всѣми и прекратилъ изданіе газеты.

Такую же золотую посредственность изображалъ собою редакторъ «Русской Рѣчи». Своими стихотворными опытами онъ наводилъ тоску на читателей. Правда, въ этомъ журналѣ были хорошіе сотрудники: Марковъ, Градовскій, Матвѣевъ, статьи которыхъ читались съ интересомъ. Самъ Матвѣевъ сознавался, что у Навроцкаго какая-то путаница въ головѣ. Навроцкій разсказывалъ очень хорошо о Саліасѣ—редакторѣ «Полярной Звѣзды»: «Это самый безпорядочный смертный и гдѣ ему издавать журналъ. Лучше бы писалъ романы, за которые ему платятъ хорошо, а то затѣялъ журналъ и разорился. Издаетъ журналъ и вдругъ вздумаетъ поѣхать въ Испанію, и журналъ не можетъ выйти въ срокъ». Заговорили мы о журналѣ «Слово» и о томъ, что Коробчевскій издаетъ теперь «Новое Обозрѣніе». «Да,—замѣтилъ Навроцкій,—вотъ тоже гуси затѣяли издавать новый журналъ и обратились за субсидіей къ Базилевскому. Тотъ и далъ помощь журналу. Но эту помощь вмѣсто того, чтобы употребить ее на изданіе журнала, главный редакторъ употребилъ для себя, а сотрудникамъ оставилъ шишъ. Вотъ и началась перепалка. Дошло дѣло до Базилевскаго, который умоляетъ оставить его въ покоѣ и махнулъ рукою на свои денежки. За что купилъ, за то и выдаю, потому что я не знаю ближайшаго источника этой исторіи».

А. С. Суворинъ.

«Новое Время» изъ шипучаго напитка обратилось въ лавровишневыя капли съ примѣсью воды и должно дѣйствовать успокаивающимъ образомъ на нервы русскаго общества. Газета тщательно избѣгаетъ всякаго повода къ нареканію, замазываетъ, гдѣ можно, смягчаетъ тяжелыя впечатлѣнія, которыя производятъ событія...

Въ публикѣ Суворинъ рисуется теперь какъ ретроградъ и теряетъ съ каждымъ днемъ свое значеніе.

Его обвиняли въ томъ, что его газета офиціозное изданіе гр. Игнатьева. Это обвиненіе возбуждаетъ только мой смѣхъ. Просто травля зашла слишкомъ далеко и противники кидаются на аргументы съ грязью. Что такое Краевскій? Помню сѣденькаго маленькаго старичка въ Славянскомъ Комитетѣ въ 1876 г. По поводу статьи какого-то Макса въ «Голосѣ», обругавшаго Ореста Миллера, Ламанскій накинулся на Краевскаго и очень рѣзко высказался противъ него. «У васъ всякая б..дь пишетъ,—сказалъ онъ въ засѣданіи Комитета». Что было дѣлать Краевскому. Ламанскій съ видомъ диктатора потребовалъ, что Краевскій долженъ оставить залу засѣданія и т. д. Я протестовалъ противъ этихъ диктаторскихъ замашекъ и сказалъ, что для разбора личныхъ пререканій у нихъ вѣрно найдется другое, болѣе удобное мѣсто. Къ моему мнѣнію присоединился и Миллеръ, когда я сказалъ, что вмѣсто помощи сербамъ мы тутъ занимаемся дрязгами и личными препирательствами. Краевскій съѣлъ пилюлю и пересталъ ходить въ засѣданіе Славянскаго Комитета. Онъ ходилъ въ министерство узнавать мнѣніе Мельникова, бралъ статьи, которыя помѣщалъ въ своей газетѣ. Кто же былъ офиціозомъ въ 1876 г.? «Голосъ», конечно, а не «Новое Время», которое было впереди общества, отстаивая сербское дѣло, Краевскій и не прятался, и не скрывалъ своихъ сношеній съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, напротивъ, онъ мнѣ и Сорокину высказалъ, что ему слишкомъ мало даютъ свѣдѣній, какъ ему держаться въ этомъ вопросѣ. Краевскій молчалъ, пока сербское дѣло было въ своемъ апогеѣ, но когда случилась Дьюнишская катастрофа, то онъ разразился бранью, инсинуаціями и выливалъ цѣлые ушаты помоевъ. Но кто же виноватъ? Конечно, Ламанскій со своими диктаторскими замашками. Не изгоняй онъ Краевскаго изъ Комитета по сборамъ, Краевскій остался бы до конца членомъ Комитета и не могъ, не позоря самого себя, ругать Комиссію. А теперь у него была отговорка: я тамъ не былъ, меня нарочно оскорбили, чтобы распоряжаться, какъ хотѣли. Приглашалъ же Миллеръ редакторовъ враждебныхъ газетъ взглянуть на отчеты, но было уже поздно.

Теперь мнѣ смѣшно слышать, когда «Новое Время» обвиняетъ «Голосъ» и называетъ газетою чиновниковъ, точно въ «Новомъ Времени» не участвовали чиновники: Пашковъ, Скальковскій и много другихъ чиновниковъ высшаго и низшаго разбору вносили свою лепту въ изданіе.

Суворинъ всегда подчинялся впечатлѣнію минуты и по временамъ для оживленія своей газеты печаталъ о земскихъ соборахъ, мечталъ въ 1880 г., что у насъ, когда призовутъ редакціон-

ныя комиссіи, появятся ораторы въ родѣ Мирабо. Потомъ, въ минуту хандры и нехорошаго расположенія духа, онъ говоритъ совсѣмъ другое: «Нѣтъ, Соборъ невозможенъ, это будетъ Учредительное Собраніе и гибель Россіи».

Суворинъ очень часто противорѣчитъ тому, что говорится въ его газетѣ. Его газета бранитъ теперь тѣхъ, которые жалуются на скуку, на затишье. Онъ самъ всегда жалуется на скуку. Еще недавно онъ писалъ мнѣ, что Черное море, подобно русскому обществу, плещется на одномъ мѣстѣ. Отъ него очень часто слышалъ, какъ онъ жалуется на общественное затишье. Значитъ, не либералы выдумали скуку, тоскливое чувство, которое царитъ въ обществѣ, и самъ Суворинъ не чуждъ этого томленія, этой тоски.

Въ это время я бывалъ урывками въ Петербургѣ и въ Москвѣ... Въ Петербургѣ я видѣлся съ Суворинымъ. До этого я помѣстилъ свои корреспонденціи изъ славянскихъ земель. Послѣ 1-го марта я передалъ Суворину мою рукопись «Свободное слово о современномъ положеніи въ Россіи» и онъ напечаталъ ее у Бера, выпустивъ только историческую часть... Приблизительно къ этому времени относится моя полемика съ Боборыкинымъ, который помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» статью: «На распутьи славянства».

Такимъ же нервнымъ, недовольнымъ собою и хандрящимъ показался мнѣ Суворинъ. Я приходилъ къ нему и сиживалъ у него подолгу. Иногда онъ высказывался очень мѣтко о нашемъ гражданскомъ строѣ. Мы съ нимъ согласились, что Цитовичъ во многомъ оказался правъ. «Я самъ повліялъ въ этомъ духѣ» (порча нравовъ)—сказалъ Суворинъ. Онъ очень высокаго мнѣнія о русскомъ народѣ. Сравнивалъ русскаго мужика съ нѣмецкимъ и удивлялся, насколько первый талантливѣе второго. «Намъ не надо конституціи,—говорилъ онъ,—въ западномъ вкусѣ. Вѣдь Аксаковъ и славянофилы въ сущности республиканцы, но этого нельзя говорить». Сожалѣлъ, что не соберется печатать о своихъ впечатлѣніяхъ во время сербской войны. Говорилъ о томъ, что Черняевъ настоящій Жюль Фавръ, когда говоритъ рѣчи. Глаза у него горѣли, жестъ повелительный. Но не умѣетъ окружать себя хорошими людьми. «Его нельзя трогать, его жаль трогать», сказалъ онъ по поводу моей статьи... Во многомъ мы только вторили и развивали мнѣнія, которыя намъ были по душѣ. Когда я заговорилъ о нападкахъ на него, онъ сказалъ: «Я ихъ не читаю и не хочу читать. Все это жалкая бездарность, такая подтасовка. Такъ все надоѣло, хотѣлось бы куда-нибудь уѣхать. Вотъ я благодаренъ Молчанову: знакомитъ насъ съ Россіею. Это такая нелѣпость, когда эти господа ругаются патріотомъ. Какъ же они любятъ мужика, и не любятъ Россіи. Я люблю мужика и всю

Россію. Я соскучился объ Россіи, бывши за границею. Тамъ всѣ эти люди какъ-то холоднѣе, разсудительнѣе, но не мы. Я развѣ иду противъ свободы, противъ прессы, противъ парламентаризма? Я только хочу, чтобы это были политическіе соборы!» Разсказывалъ мнѣ про свою переписку съ Драгомановымъ... Онъ разсердился на меня за то, что я напомнилъ ему, что онъ не Герценъ, и что далеко кулику до Петрова дня.

Когда Суворинъ въ духѣ, онъ бываетъ очень интересенъ. Большею частью онъ бываетъ раздражителенъ въ обращеніи съ своими сотрудниками. Полемика съ газетами его сердитъ, я это видѣлъ разъ, когда онъ выговаривалъ Буренину за то, что тотъ прочелъ въ «Будильникѣ» какую-то остроту про Молчанова. «Весь свѣтъ имѣетъ корреспондентовъ,—запальчиво сказалъ онъ,—а тутъ глумятся. Охота вамъ глупости читать». Все въ редакціи стихло и поникло головами.

Одинъ изъ моихъ разговоровъ я увидѣлъ потомъ въ воскресномъ фельетонѣ.

«Что Вы не скажете ничего про Мещерскаго, — спросилъ я его.—Боюсь, книга очень либеральная. Вѣдь она въ славянофильскомъ духѣ написана», и я указалъ ему на нѣсколько мѣстъ. Онъ посвятилъ Мещерскому (гр. Обезьянинову) свой воскресный фельетонъ. Ходитъ онъ постоянно въ довольно истасканномъ бархатномъ пиджакѣ. Похожъ на нигилиста. Носитъ длинные волосы. «Что Вы не зададите трепку бр. Елисѣевымъ и т. д.?»— «Ахъ, какъ-то я совсѣмъ раскисъ. Напишите, у Васъ есть нюхъ,— сказалъ онъ мнѣ.—Я это цѣню въ васъ».

Прежде онъ совѣтовалъ мнѣ писать о русскомъ обществѣ. «Бросьте вы славянщину». Мнѣнія его измѣнчивы. То онъ находитъ, что «Улика Времени» глупая книга, то черезъ три недѣли находилъ ее замѣчательнымъ произведеніемъ. Онъ очень впечатлителенъ, у него нѣтъ установившихся взглядовъ. Онъ просматриваетъ и редактируетъ всю газету самъ... Для этого требуется масса времени, и вѣрно это отражается на его настроеніи духа. Книги, бумаги у него въ величайшемъ безпорядкѣ. Трудно себѣ вообразить подобный хаосъ. То же самое съ журналами, которые приходятъ изъ разныхъ мѣстъ въ редакцію.

При семъ прилагаются нѣкоторыя его письма.

1.

Многоуважаемый
Григорій Александровичъ!

Вы меня очень удивили своимъ письмомъ къ Мих. П—чу. Такъ вотъ Вы какой богатый. Дворцы въ Ялтѣ имѣете чуть не

изъ мрамора. Позавидовалъ я этимъ дворцамъ и думалъ себѣ: «напишу ему, чтобы высказать свое удивленіе и удовольствіе». Очень кусается Ваше предложеніе и купила у меня такого нѣтъ. Я все еще никакъ не выбьюсь на торный путь, и едва ли выбьюсь раньше конституціи или Собора, т.-е. раньше того оживленія жизни, которое должно же настать. А теперь время апатіи и лѣниваго чтенія. Похороны Достоевскаго доказали, что общество—порохъ, отъ искры загорается. Женщины особенно. Что это за прелесть русская женщина: вся изъ нервовъ, но не только на пушку полѣзетъ, но и въ пушку. Сто чертей въ ней сидитъ и все рѣшительныхъ чертей. Жаль, что не видали этой демонстраціи! Дѣйствительно грандіозно вышло. Конечно, и комизма было немало и безтактности. Смѣшно сказать, но полицію отнюдь нельзя было обвинять въ безтактности. Она была мила и любезна. Женщины доселѣ никакъ не образумятся и шлютъ ежедневно вороха прозаическихъ и стихотворныхъ статей о Достоевскомъ. Открыли. Либералы кусаютъ себѣ пальцы. Чудное дѣло. Какъ это разомъ сошлось: точно электрическая проволока всѣхъ соединила. Теперь Вы о нѣмцахъ не говорите—сами смыслимъ. Я буду беречь Ваши планы и пришлю Вамъ. Для меня очень дорого даже съ разсрочкой, которую Вы, конечно, умѣренно только сдѣлаете. На всякій случай, однако, скажите Ваши условія точно. Меня во всякомъ случаѣ больше соблазняетъ помѣщичья усадьба гдѣ-нибудь подъ Москвой съ садомъ и рѣчкой, и недорогая, гдѣ бы можно было жить лѣтомъ. Не слыхали ли чего подходящаго. Вы романъ, о которомъ писали, опять изъ нѣмецкой жизни пишите. Завидую Вамъ втройнѣ и какъ помѣщику, и какъ обладателю недостроеннаго дворца, и какъ свободному человѣку. Усталъ смертельно, отдохнуть тянетъ, а отдохнуть и некогда, и негдѣ.

5 февраля 1881 г. Вашъ *А. Суворинъ.*

2.

Многоуважаемый

Григорій Александровичъ!

Еще въ началѣ іюля новаго стиля я видѣлъ Вашу книгу въ Эмсѣ, затѣмъ читалъ въ Парижѣ рецензію на нее въ «Вольномъ Словѣ». Вотъ все, что могу сказать Вамъ. Вышла также брошюра Кошелева въ томъ же духѣ. Обѣ эти брошюры едва ли будутъ допущены въ Россію, а за границей идутъ изрядно. Жму Вамъ руку. Если пріѣдете въ Питеръ, зайдите. Скучно очень. Ничего не пишется и желается уѣхать туда, гдѣ солнце, море и апельсины, и чужая политика.

18 Сентября 81 г. Вашъ *А. Суворинъ.*

3.

27 авг. 1882 г. Ялта.

Изъ Вашихъ мѣстъ пишу Вамъ, многоуважаемый Григорій Александровичъ. Надоѣла мнѣ Ваша Ялта ужасно. Пустяковъ много, а существенно хорошаго мало. Видѣлъ я Вашу дачу и живу возлѣ нея—на дачѣ Мейера. Говорилъ съ Вашей няней и согласенъ съ ней на Вашъ счетъ: «его Богъ наказываетъ за непослушаніе родителямъ», говоритъ она. Въ самомъ дѣлѣ, вздумали Вы строить дворецъ, ухлопали массу денегъ, и стоитъ онъ свидѣтелемъ Вашего увлеченія. Я ходилъ по этому кандидату въ руины и думалъ, что все это было бы хорошо, еслибъ было поближе къ морю и повыше. Слѣдовало строить на холмѣ, а не внизу его. Теперь море видно только изъ 2-го этажа, и то до тѣхъ поръ, пока Витмаръ, купившій у Васъ участокъ, не построитъ какого-нибудь нужника и имъ не заслонитъ Вамъ совсѣмъ вида на море. Здѣсь говорятъ, что онъ потому и купилъ участокъ этотъ, чтобы застроить Вашу дачу, заслонить ее, обезцѣнить этимъ, и купить потомъ. Ловкій онъ человѣкъ. Вообще тутъ хорошо строиться ловкимъ людямъ. Вашъ архитекторъ Шрейберъ построилъ себѣ здѣсь очень хорошій домъ. А у Васъ и деньги были, да ничего не сдѣлали. Я вчера былъ въ Гурзуфѣ, который принадлежитъ теперь Губонину. Вотъ это прелесть и куплено совсѣмъ за безцѣнокъ, за 250 т., земля, домъ, оранжереи; въ домѣ оказалось на 30 т. серебра и на 70 т. винъ. Вотъ оно, какъ Петръ Іоновичъ орудуетъ.—Имѣніе, говорятъ, теперь стоитъ полмилліона. Я тутъ высматривалъ дачи и мѣстечки и ничего подходящаго не нашелъ: либо дорого, либо жалко и ничтожно. Патріотическимъ же чувствомъ ни мало не одушевленъ, а пагубныя послѣдствія онаго слишкомъ ярко видны на Вашемъ примѣрѣ. Скука здѣсь неимовѣрная, дороговизна тоже. За дачу Мейера, не большую, что у дороги, а вторую, я плачу 1600 р. за сезонъ. За эту цѣну за границей дворецъ можно нанять, а тутъ 8 жалкихъ комнатокъ, кое-какъ меблированныхъ, безъ тѣхъ удобствъ, къ которымъ въ Петербургѣ мы всѣ привыкли. А море—развѣ это то движущееся море, что въ Біаррицѣ, море, то бурно надвигающееся на берегъ, то уходящее вдаль. Здѣшнее море такъ же неподвижно, какъ русская жизнь, вѣчно плещется на одномъ мѣстѣ, и если бурлитъ и пѣнится, то опять же въ предѣлахъ Божеской цензуры. Посылаю Вамъ эту болтовню, не зная, гдѣ Вы и скоро ли Вы прочтете. Впрочемъ, ничего Вы не потеряете отъ того, что прочтете поздно. Думаю пробыть здѣсь весь сентябрь.

Вашъ *А. Суворинъ.*

4.

28 октября 82 г.

Многоуважаемый

Григорій Александровичъ!

Не удивляйтесь тому, что я стремлюсь на попятный дворъ. Со времени нашего разговора прошло нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ обнаружились такіе дефекты моей издательской дѣятельности, что ее необходимо если не остановить, то пріостановить. Согласитесь, что изданіе Угорскихъ пѣсенъ чистый убытокъ, а если Вы не соглашаетесь съ этимъ, то доказать это можно. Впрочемъ, я совсѣмъ не отказываюсь, но не назначаю время, когда могу издать. Вслѣдствіе этого будетъ лучше отдать Сборникъ Географическому Обществу. Если Вы драму написали въ Сухомъ, я написалъ въ Ялтѣ. Моя драма черноморская, ибо дѣло идетъ о Медеѣ и Язонѣ, которые когда-то плавали по Черному морю. Драма моя явилась результатомъ усерднаго чтенія греческихъ драматурговъ на французскомъ языкѣ, конечно. Восхитился я ими и сталъ бредить древними сюжетами. Можетъ это и глупо, но подъ старость это такъ обыкновенно; если можете, то не сердитесь.

Вашъ *А. Суворинъ*.

Если поѣдете въ Германію, то заѣзжайте поговорить.

5.

4 февраля 83 г.

Получилъ Ваше грозное письмо, Григорій Александрович, котораго, впрочемъ, половины я не разобралъ, ибо писано оно по-ассирійски, и немедленно Вамъ отвѣчаю слѣдующее: драму Вашу читалъ, читала ее и Стрепетова, и лежитъ она у меня въ исправности, пристроить ее не брался и не возьмусь. Мнѣнія о драмѣ имѣть не могу, ибо случилось такъ, что читаешь и думаешь, что она плохая, а она имѣетъ успѣхъ, и наоборотъ: въ чтеніи хорошо, на сценѣ падаетъ. По-моему, драма имѣетъ положенія счастливыя, но они крайне неразвиты, это скорѣй сценарій, чѣмъ драма. Стрепетова сказала только, что начинать драмы такъ, какъ у Васъ, невозможно—разомъ съ сильной сцены. Она тоже сдѣлать ничего не можетъ, ибо ее совсѣмъ игнорируютъ и не ставятъ для нея ничего. Во всякомъ случаѣ, если хотите броситься съ нею въ море сценическое, то необходимо представить 2 экз. въ цензуру и 2 экз. въ литературный Комитетъ, при чемъ Вы должны кому-нибудь поручить ее прочесть въ Комитетѣ,

если сами читать не станете. По уставу Комитета, пьесы читаются или авторомъ, или лицомъ, уполномоченнымъ отъ него, или онъ даетъ право Комитету самому распорядиться съ чтеніемъ.

Что касается Пѣсенъ, то рукопись ихъ давно переслана О. Ѳ. Миллеру. Затѣмъ увѣдомьте меня, что мнѣ дѣлать съ Вашей драмой: прикажете прислать, пришлю, прикажете передать кому—передамъ. Хотите — попрошу Григоровича прочесть ее и сказать свое мнѣніе частно, такъ сказать, не доводя драму до Комитета. Затѣмъ желаю Вамъ всякаго благополучія и прошу не сердиться.

Вашъ *Суворинъ.*

С. А. Юрьевъ.

Газеты съ ожесточеніемъ спорятъ, злословятъ, порочатъ другъ-друга напропалую и потомъ удивляются, что печатное слово теряетъ всякое значеніе въ Россіи.

Мнѣ не нравятся эти споры изъ-за личности, постоянныя инсинуаціи, но рѣшить, кто изъ нихъ честнѣе смотритъ на дѣло, я не въ силахъ. Краевскій не такъ чистъ, какъ воображаютъ либералы, и «Новое Время», не такой ужъ рыцарь безъ страха и упрека, какъ воображаетъ противоположный лагерь. Вѣрнѣе всего деморализація, царящая въ обществѣ, отражается на его дѣятеляхъ, на представителяхъ прессы, на адвокатурѣ,—однимъ словомъ, на всѣхъ, которые, такъ или иначе, принимаютъ участіе въ общественномъ дѣлѣ.

Отъ деморализаціи уходятъ только истинные ученые, весьма немногія лица, такія личности, которыя при голубиной чистотѣ могутъ почитаться не отъ міра сего. Такимъ человѣкомъ можно назвать Юрьева.

Разсѣянный, растерянный, ушедшій въ какую-то идею, этотъ добрый старикъ прославился въ Москвѣ своею разсѣянностью. Разсказываютъ про него, что онъ, выходя изъ редакціи, задумалъ купить калоши и подъ мышку взялъ статью, которую необходимо было отправить въ типографію. Вотъ онъ купилъ калоши и вернулся домой. Въ передней онъ бросилъ на полъ рукопись, а галоши отправилъ въ типографію, которая, ожидая продолженія, не знала, какъ принять эту посылку. Къ счастью, скоро все разъяснилось. А вотъ и другой анекдотъ. Онъ былъ на вечерѣ у Ольги Н. (Кирѣевой). Когда гости всѣ разошлись, О. Н. велѣла потушить лампы и готовилась лечь спать. Вдругъ среди глубокой ночи раздается потрясающій звонокъ, и въ комнату, къ изумленію хозяйки, влетаетъ Юрьевъ. «Я, кажется, у Васъ шапку за-

былъ». Морозъ стоялъ на дворѣ. Ищутъ и обшарили всѣ углы, и хозяйка въ отчаяніи смотритъ на своего поздняго гостя. «Да что Сергѣй Андреевичъ,—шапка на Васъ» (шапка была одѣта на затылокъ и темени не закрывала). Смѣхъ и прощаніе.—Вотъ и третій анекдотъ. Юрьевъ и Гиляровъ-Платоновъ идутъ къ Иловайскому и дорогою разговариваютъ о всякихъ высокихъ матеріяхъ... Когда они пришли къ Иловайскому и въ передней Юрьевъ передъ зеркаломъ приводитъ въ порядокъ свои волосы, вдругъ онъ въ зеркалѣ видитъ лицо Гилярова-Платонова и бросается къ нему съ объятіями: «Ахъ, голубчикъ, сколько лѣтъ!» Тотъ его останавливаетъ и напоминаетъ ему о томъ, что они вмѣстѣ шли на улицѣ. Но все это комическая сторона человѣка, который до старости лѣтъ сохранилъ голубиную чистоту души, искренность и свѣжесть чувства, честность убѣжденій. Въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати «Русская Мысль» записана на худомъ счету и тамъ говорятъ, что Юрьевъ въ «Русской Мысли» играетъ роль лампады передъ образомъ. Онъ честный, хорошій, восторженный, несмотря на годы, человѣкъ. Игнатьевъ, когда пріѣзжалъ Юрьевъ въ Петербургъ, выговаривалъ ему за направленіе журнала. «Вы славянофилъ и я славянофилъ, такъ чего же Вы пишете противъ меня», сказалъ Игнатьевъ Юрьеву.

Другіе члены редакціи въ другомъ родѣ. Бахметьевъ, секретарь редакціи, благодаря безпорядочности Юрьева, кажется всему дѣлу голова. Онъ очень рѣзко выразился про Аксакова и назвалъ его бѣшеною собакою.

Лавровъ—купчикъ молодой (странно, въ Москвѣ пресса вся въ рукахъ купцовъ), кажется, сѣлъ въ сѣдло, а тоже имѣетъ голосъ въ дѣлѣ. По крайней мѣрѣ въ прежнее время съ него только требовали деньги, а теперь онъ просматриваетъ беллетристику, на счетъ моего романа сдѣлалъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній. Онъ радикалъ по убѣжденіямъ. Переводитъ съ польскаго и помѣстилъ кое-что въ «Русской Мысли».

Застѣнчивый, неувѣренный въ себѣ, онъ не могъ поддаться анализу, и изъ бѣглаго свиданія съ нимъ я могъ вынести только то, что онъ кое-что читалъ, имѣетъ свое опредѣленное мнѣніе на многіе вопросы.

П. И. Бартеневъ.

Бартеневъ, какъ и всегда, служитъ для меня богатымъ источникомъ всякихъ историческихъ анекдотовъ изъ настоящей и прошедшей исторіи Россіи. Онъ самъ приводитъ слова гр. Л. Толстого: «Я желаю,—говоритъ знаменитый романистъ,—узнать кое-

что у Петра Ивановича, пустить маленькую струю, а онъ такъ фонтаномъ и бьетъ, и зальетъ меня»... Именно зальетъ массою фактовъ, которые хранятся его памятью. Я часто говорилъ, что ему слѣдуетъ писать мемуары, но онъ отговаривался недосугомъ. Благодаря своему журналу и работамъ по «Архиву Воронцова» онъ обставилъ себя очень хорошо въ матеріальномъ отношеніи. У него теперь хорошее имѣніе и славный барскій домъ въ Москвѣ. Онъ, должно быть, очень расчетливъ и не прочь поэксплоатировать ближняго. Редакціи у него нѣтъ въ настоящемъ значеніи слова. Работаетъ онъ самъ, и при этомъ у него одна помощница—горбатенькая Ольга Николаевна, которая и пишетъ, и переводитъ, и корректируетъ. Мы заговорили о министрѣ Толстомъ. Бартеневъ его знаетъ очень хорошо. «Я сказалъ ему,—говоритъ Бартеневъ,—назначая васъ, Государь въ первый разъ сѣлъ въ сѣдло,—и это было ему очень пріятно». Изъ другихъ словъ я могъ вывести, что Толстой втайнѣ крѣпостникъ и вообще не народникъ, въ такомъ духѣ высказался Государю: «Мы страдаемъ отъ того, что Государь Александръ II сдѣлалъ много зла помѣщикамъ, которые теперь не могутъ жить въ деревнѣ».—Я съ нимъ вполнѣ согласился,—прибавилъ Бартеневъ».

Но Бартеневъ совсѣмъ не царедворецъ и высказалъ Владиміру Александровичу очень непріятныя истины.

Говорили о враждѣ Екатерины къ Павлу, и Бартеневъ заступился за Екатерину, высказавшись очень рѣзко насчетъ Павла. «Онъ продавалъ государственныя тайны Фридриху II» [1]), сказалъ Бартеневъ...

Расписаться тоже не поѣхалъ. «Меня великій князь и такъ будетъ помнить», замѣтилъ Бартеневъ. Бартеневъ вообще очень высоко ставитъ прусскую политику и говоритъ, что мы въ славянской борьбѣ поработали для Пруссіи. Отчасти онъ правъ, но только отчасти, потому что войди мы въ Константинополь, вооружи мы всѣ славянскіе народы, то результаты были бы другіе, и Бисмаркъ остался бы въ дуракахъ. Все зависѣло отъ того, что мы къ самому концу не дерзнули закончить свое дѣло, а съ такими нерѣшительными, трусливыми политиками Бисмарку и Биконсфильду было легко выиграть партію.

Заговорили о Воронцовѣ. Я высказался противъ него, такъ какъ вообще говорили о немъ въ обществѣ, что онъ очень недалекій человѣкъ. Я его не зналъ лично, но Бартеневъ сильно протестовалъ противъ этого взгляда. Хвалилъ очень записку, которую подалъ Воронцовъ государю. «Вы бы удивились,—

[1]) Т.-е. выдавалъ ихъ Фридриху-Вильгельму II. *Ред.*

замѣтилъ онъ,—той concision (его слова), съ которой была составлена записка». По отношенію къ Двору Воронцовъ держалъ себя какъ истый лордъ-магнатъ, съ большимъ достоинствомъ и независимостью. «Мы были на Вашей дачѣ,—говорилъ Бартеневъ,—и вдругъ встрѣчаемъ Владиміра Александровича. Онъ выскочилъ изъ коляски и подошелъ къ княгинѣ. Князь тоже вышелъ.—У Васъ, кажется, князь,—замѣтилъ В. К.,—хорошее вино, я пріѣду къ Вамъ обѣдать.—Да, пожалуй осталось еще нѣсколько бутылокъ,—сухо отвѣтилъ Воронцовъ,—да, пожалуй, пріѣзжайте».

Другой фактъ. Въ присутствіи Бартенева Воронцова приглашаютъ на обѣдъ въ Зимній Дворецъ. Воронцовъ въ сердцахъ и съ раздражительнымъ тономъ отвѣчаетъ:—«скажите, приду». Бартенева это поразило. «Я вспомнилъ,—говоритъ онъ,—какъ при мнѣ Блудовъ отвѣчалъ на такое приглашеніе съ низкимъ поклономъ, произнося цѣлую рѣчь.—Да Вы не знаете, тамъ будетъ Юрьевская, а мнѣ это непріятно». Воронцовъ былъ на обѣдѣ и, вернувшись, сказалъ Бартеневу: «Она, положимъ, не виновата, она еще молода»... Но вотъ что я узналъ отъ другихъ, а не отъ князя. Послѣ обѣда Воронцовъ вдругъ захотѣлъ подойти къ Юрьевской и сказалъ Дундукову: «пусти меня»,—подошелъ къ ней и проговорилъ съ ней часъ. Государь былъ въ восторгѣ.

В. Н. Ламсдорфъ.

Ламсдорфъ теперь сдѣланъ директоромъ канцеляріи министра иностранныхъ дѣлъ. Гирсъ его очень цѣнитъ и возвышаетъ не по днямъ, а по часамъ. Злые языки говорятъ, что онъ собирается за Ламсдорфа выдать свою дочку. Я его давно знаю. Познакомился я съ нимъ у м-мъ Яковлевой. Она бредила имъ сначала, но потомъ, когда на горизонтѣ появился я, то она занялась мною и немножко забыла прежнихъ друзей. Это обстоятельство сердило или нѣтъ Ламсдорфа, но онъ, по крайней мѣрѣ, всегда говорилъ объ этомъ. Онъ кончилъ курсъ въ пажескомъ корпусѣ, стремился въ университетъ, но вмѣсто университета попалъ въ министерство и, какъ видно, сдѣлалъ карьеру. Онъ очень религіозенъ, nature sensitive, женственная, тонкая, вся изъ нервовъ натура. Онъ очень несообщителенъ, не знаетъ еще женской ласки (такъ говорятъ его ближайшіе друзья) и ненавидитъ житейскій шумъ, чужихъ людей пуще огня.

Онъ готовъ отдаться всецѣло чувству дружбы, какъ доказываетъ его дружба съ Оболенскимъ, въ которой тотъ проявляетъ

болѣе эгоистическія чувства. Личность Ламсдорфа—для какого нибудь великаго писателя въ родѣ Достоевскаго. Онъ весь ушелъ во внутрь, очень оригиналенъ, своеобразенъ,—какъ говоритъ м-мъ Яковлева, но его своеобразность находится въ тѣсныхъ предѣлахъ чисто духовныхъ, нравственныхъ вопросовъ. Политику онъ не любитъ и не понимаетъ, да и знанія у него недостаточны для того, чтобы оріентироваться въ сложныхъ вопросахъ внѣшней политики. Онъ вообще не любитъ людей, шума, фразъ, политической жизни. Его натура влечетъ его къ тонкому анализу своихъ чувствъ и вопросамъ нравственнаго характера. Когда его отецъ разорился, онъ сразу скинулъ съ себя ветхаго человѣка, избалованнаго барича, поселился въ одной комнатѣ, цѣлый день посвящалъ управленію фабрикою. Маленькій, худой, блѣдный и слабый (délicat) онъ похожъ на нѣжное тепличное растеніе. Товарищи любятъ его за деликатность, за чувство правды, разлитой во всемъ его существѣ. Съ виду онъ не представителенъ, не производитъ впечатлѣнія на первый взглядъ, только послѣ разговора съ нимъ глазъ на глазъ, узнаешь и цѣнишь его.

Цѣнишь въ немъ нравственную чистоту, религіозность, сложную работу мысли въ сферѣ нравственныхъ чувствъ. Людей выбирать не умѣетъ: привязывается большею частью къ шелопаямъ, къ жуирамъ, къ черствымъ эгоистамъ, которые эксплоатируютъ его. Онъ, какъ истая сестра милосердія, отыскиваетъ страданія, любитъ больныхъ, несчастныхъ. Политикою, какъ я говорилъ, совсѣмъ не интересуется. Ни идей, ни программы, ни идеаловъ у него не обрѣтается. Онъ просто христіанинъ-дѣвственникъ и очень субъективная натура, къ нѣкоторымъ лицамъ онъ безъ всякой причины чувствуетъ отвращеніе, брезгливъ ко всему, что пахнетъ интригою. Какъ директоръ канцеляріи, онъ не долженъ имѣть своихъ взглядовъ, но если ему придется подняться еще выше, то онъ окажется ниже всякой критики.

Ему вообще нравятся личности въ родѣ Рылѣева, который любилъ Александра II до самоотреченія, до обожанія, какъ песъ какой-нибудь лежалъ у его двери, заботился послѣ смерти его объ Юрьевской. Онъ разсказывалъ намъ, что послѣ катастрофы на Курской дорогѣ, онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Государемъ и во время одной остановки среди поля на дорогѣ имъ всѣмъ стало жутко. Про покойнаго Государя онъ всегда говоритъ съ чувствомъ благоговѣнія.

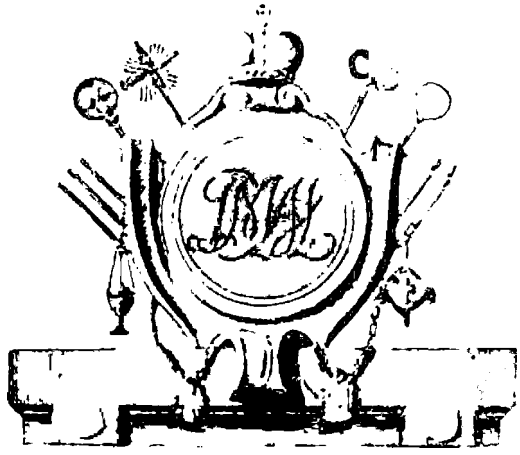
Булацель мнѣ говорилъ, что онъ удивлялся тому, что у Ламсдорфа нѣтъ никакихъ политическихъ взглядовъ, что вопросы политическіе, хотя онъ и пишетъ хорошимъ французскимъ язы-

комъ, для него совершенно безразличны. Конечно, и у него есть много враговъ, которые будутъ, навѣрное, бить на его слабыя стороны. Да что же тутъ удивительнаго, Ламсдорфъ можетъ быть очень хорошимъ нравственнымъ человѣкомъ и очень плохимъ политическимъ дѣятелемъ. Я бы назначилъ его на мѣсто какого-нибудь Гюне—смотрѣть за всѣми благотворительными обществами въ Красный Крестъ и былъ бы увѣренъ, что Ламсдорфъ всю душу положитъ въ это дѣло.

А у насъ такая чистая дѣвственная личность вдругъ очутится въ самомъ водоворотѣ политической борьбы и, конечно, окажется не на мѣстѣ. Изъ его товарищей я не знаю никого, который могъ бы принести пользу Россіи. Все это люди, не получившіе образованія, съ однимъ знаніемъ французскаго языка, съ внѣшнимъ лоскомъ, большею частью жуиры, поверхностные люди. Только Оболенскій былъ со мною въ университетѣ, но онъ, кажется, ничѣмъ особеннымъ не выдается. Можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что новичокъ молодой гр. Бутурлинъ имѣетъ передъ собой блестящую будущность.

Онъ католикъ (кажется), воспитывался за границей у іезуитовъ и получилъ самсе тщательное, изысканное воспитаніе. Онъ еще очень молодъ (нѣтъ 23 лѣтъ), но говоритъ превосходно по-англійски, по-французски, по-итальянски, декламируетъ наизусть Байрона, Эдгара Поэ, Данте, Леопарди. Очень живой, остроумный, съ мѣткимъ сужденіемъ о литературѣ, восторженный поклонникъ Пушкина, онъ пишетъ превосходно по-французски (по-русски говоритъ съ иностраннымъ акцентомъ) и производитъ въ наше время отрадное впечатлѣніе. Я вообще люблю талантливыхъ людей, и, прослушавъ бойкій, остроумный разговоръ, остался отъ него въ восторгѣ. Память у него изумительная: мнѣ стоило только назвать какого-нибудь поэта, и онъ сейчасъ же художественно продекламировалъ знакомое мнѣ мѣсто. Его товарищи не очень любятъ его за живость, юркость, за льстивость и неискренность за поползновеніе къ интригамъ, за то, что кажется онъ себѣ на умѣ. Маленькій, съ очень интеллигентнымъ лицомъ, съ подвижными чертами лица, съ быстрымъ, живымъ взглядомъ, съ тонкимъ голосомъ, онъ похожъ на мальчика. Во всякомъ случаѣ, онъ одаренъ большими способностями, которыя при удачѣ доставятъ ему видное положеніе.

Гр. де-Волланъ.



Очерки прошлаго[1]

П. А. Кулаковскій.

Въ томъ же году (1883 г.) кромѣ затѣяннаго мною и не разрѣшеннаго мнѣ журнала «Земства», я еще носился съ большимъ планомъ по славянству... Я хотѣлъ устроить книжную торговлю русскими книгами въ Бѣлградѣ и въ другихъ славянскихъ земляхъ. — Но это не все. Мнѣ всегда казалось, что славянамъ слѣдуетъ избрать для сношенія другъ съ другомъ русскій языкъ, имѣющій богатую литературу вообще и научную въ частности. Вмѣсто того, чтобы раздроблять свои силы, славянскіе писатели и ученые могли бы кромѣ изданія своихъ сочиненій на родномъ языкѣ издавать ихъ по-русски. Во всякомъ случаѣ, у нихъ былъ бы большій кругъ читателей, чѣмъ въ родной странѣ. Я думалъ для начала издать всѣ шедевры славянскихъ народовъ на русскомъ языкѣ. Конечно, такой трудъ не по силамъ одному человѣку. Имъ должна была заняться наша Академія или какое-нибудь общество. Позднѣе, когда это дѣло пошло бы, то чехъ или сербъ-авторъ обращались бы прямо въ то учрежденіе для напечатанія своего труда по-русски, а сами, можетъ быть, стали бы прилежнѣе учиться по-русски (какъ многіе теперь издаютъ свои труды по-нѣмецки для той же цѣли, чтобы имѣть большій кругъ читателей). Я думалъ, что заинтересую въ этомъ дѣлѣ Хлудова... Прилагаю при семъ письма П. А. Кулаковскаго[2]).

---

[1]) См. № 8 „Гол. Мин.“.

[2]) Извѣстный славистъ, проф. Варшавскаго университета.

I.

Многоуважаемый

Григорій Александровичъ,

Почти каждый день собирался отвѣчать Вамъ на Ваше интересное письмо, присланное вмѣстѣ съ письмомъ для Хлудова, и не успѣвалъ. Ваша записка, мною нынче полученная, показала, что Вы также поджидали моего письма. Ваше письмо къ Хлудову я послалъ по городской почтѣ уже давно, такъ что отослать его Вамъ не могу. Въ эти полтора мѣсяца начавшагося года я былъ занятъ такъ, что, право, мнѣ невозможно было съѣздить къ Хлудову. А съ другой стороны, признаюсь Вамъ откровенно, я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые весьма осторожны съ купцами. Можетъ быть, Хлудовъ и прекрасный человѣкъ, но надобно помнить, я думаю самъ по себѣ, что наша купеческая плутократія вообще склонна къ нѣкоторой надменности, которая для меня вообще противна. Я вполнѣ согласенъ съ Вами, что тотъ, кто возьмется за предпріятіе, Вами намѣченное, заслужитъ великую благодарность отъ потомства, а въ ближайшемъ будущемъ наживетъ и барыши. Мнѣ кажется, что лишь оканчательно слѣпые не видятъ, что славянскій вопросъ близокъ къ разрѣшенью, и что насъ русскихъ, во всякомъ случаѣ, онъ касается прежде всего. Понадобятся свѣдѣнія о славянахъ, а ихъ едва ли окажется больше, чѣмъ во время герцоговинскаго возстанія, когда спрашивали, почему герцоговинцы называются именно такъ, и не нѣмцы ли они. Наши публицисты и патріоты вообще односторонни: они никакъ не могутъ понять, что мелочи славянской жизни, и въ прошломъ, и въ настоящемъ, могутъ имѣть важный интересъ для будущаго и нашей Россіи. Мы привыкли слишкомъ свысока смотрѣть на славянскій міръ, и отучить насъ отъ этого задача не легкая. Всегда у насъ или одностороннее изображеніе славянъ — ангелами, непочатыми натурами, полными талантовъ, или, напротивъ того, полное презрѣніе ко всѣмъ славянамъ, какъ къ расѣ низшей, недостойной вниманія цивилизованныхъ русскихъ-европейцевъ.

Прибавьте къ этому полное отсутствіе яркихъ дарованій на славянскихъ каѳедрахъ, да ихъ притомъ полагается по одной всюду. Вы получите результатъ печальный: если мы вправѣ жаловаться на славянъ, что они не знаютъ Россіи и узнаютъ о ней изъ нѣмецкихъ источниковъ, то на столько же, если не больше, въ правѣ обвинять насъ славяне въ невѣжествѣ относительно ихъ и даже въ полномъ индиферентизмѣ къ нимъ...

Мысль о подобнаго рода изданіи давно приходила и мнѣ въ голову. Не разъ я говорилъ объ этомъ Аксакову и другимъ въ былые годы. А теперь, погруженный въ мелкія грустныя и убивающія душу заботы дня учительскаго, я лишь могу отзываться на подобныя предпріятія всѣмъ моимъ сердцемъ и готовъ принять участіе въ качествѣ суроваго работника. Слышали Вы с затѣѣ Славянскаго общества въ Петербургѣ начать изданіе журнала или чего-то въ родѣ этого по славяновѣдѣнію. Я слышалъ это на-днях отъ генерала Кирѣева, пріѣзжавшаго въ Москву. Говорятъ, заправителемъ будетъ Страховъ.

Не работаете ли надъ чѣмъ-нибудь? Вотъ Вы свободный человѣкъ, — и Вы могли бы отдаться теперь серьезнымъ и интереснѣйшимъ изслѣдованіямъ. Теперь, напр., было бы очень кстати какое-нибудь изслѣдованіе о хорватахъ, которые хотѣли было, сослуживъ службу Австріи въ Босніи, усилить свое вліяніе въ Австріи, но сорвалось, и теперь бродятъ во тьмѣ.

До свиданія. Пока благодаритъ за память и кланяется Вамъ искреннопреданный Вамъ

П. Кулаковскій.

1883 г. 16 февр. Москва.

Получилъ грамм. Вука и Данчича отъ Васъ. Получаете ли преобразованную «Русь.» Тамъ по временамъ будутъ помѣщаться и мои статьи.

II.

Многоуважаемый

Григорій Александровичъ,

Простите меня, что я такъ замедлилъ посылкою Вамъ моего грѣха, исполнившаго роль диссертаціи. Причины двѣ: 1) забылъ, или правильнѣе затерялъ Вашъ адресъ, 2) въ сущности лишь мѣсяцъ тому назадъ мы устроились на квартирѣ, такъ какъ пришлось два раза переѣзжать и мѣнять квартиру по разнымъ причинамъ. А Вы знаете, что значатъ переѣзды для книгъ. Пока разберешься съ ними, потратишь страшно много времени.

Вамъ извѣстно, что я вновь учительствую. Какъ это теперь ни скучно и ни трудно, но — конечно — это дѣло знакомое. Въ университетѣ не оказалось праздной доцентуры или не пожелали имѣть меня на каѳедрѣ славистики, или какъ здѣсь мнѣ объяснили, — просто не считаютъ славистику нужной для русскаго просвѣщенія на столько, на сколько, напримѣръ, классическіе или восточные языки съ литературами и т. д.

Понятно, что, занятый уроками, я не могу быть такъ свободенъ, чтобы отдаться любимымъ занятіямъ. Впрочемъ, не думаю, чтобы такъ дѣло тянулось долго.

Въ политикѣ нашей, теперь, конечно, полная безсмыслица. Славяне имѣютъ право быть недовольными ею. Но съ другой стороны — это время можетъ быть для нихъ и поучительно: они поймутъ, наконецъ, что сами по себѣ — они безсильны, и что лучше смириться съ нашими недостатками, чѣмъ придираться къ нимъ. Я почти убѣжденъ, что наступитъ реакція и этого направленія дѣлъ...,

«Русь» преобразуется въ 2-хъ недѣльную. Въ сущности теперь бы нужно преобразовать ее въ ежедневную, но Аксаковъ усталъ, да и затраты требуются большія.

Что хорошаго дѣлаете Вы? Вѣроятно много работаете? Не пишите ли чего-нибудь?

Да, мнѣ какъ будто помнится, что когда-то (лѣтъ 10 тому назадъ) я Вамъ далъ Serbische Grammatik Вука Караджича въ переводѣ Гримма. Если это такъ, и если книжечка эта у Васъ сохранилась, то не можете ли ее прислать?

Прилагаю одну изъ моихъ статеекъ. Впрочемъ, я бы теперь много въ ней измѣнилъ: иначе думаю о книгѣ Миличевича. Къ сожалѣнію, не имѣю оттисковъ другихъ статей моихъ и не могу послать ихъ къ Вамъ. Сербскія статьи почти и не были въ оттискахъ, русскія — отчасти разошлись, отчасти тоже не были.

Пишите.

Искренно уважающій Васъ

П. Кулаковскій.

28 ноября 1883 г. Москва.

Новгородское земство.

Моя земская дѣятельность ознаменовалась однимъ интереснымъ эпизодомъ въ Новгородѣ...

Новгородское земство обращалось съ ходатайствомъ къ правительству относительно увѣнчанія зданія т.-е. дарованія конституціи. Я былъ въ числѣ ходатайствующихъ и первый, когда увидѣлъ, что люди колебались подписать это обращеніе къ Верховной Власти, подписалъ на листѣ свою фамилію. Министръ внутреннихъ дѣлъ призвалъ тогда Савича, губернскаго предводителя, и, напомнивъ ему, какъ поступили съ тверскими дворянами, спросилъ, желаетъ ли онъ повторенія этого эпизода. Что отвѣчалъ Савичъ, не знаю, но дѣло послѣдствій не имѣло, и ходатайство не было принято.

Новгородцы сдрейфили, какъ говорятъ моряки, и сыграли очень плачевную роль. Предсѣдатель управы Костливцевъ былъ призванъ къ Оржевскому, который огорошилъ его слѣдующею фразою: «Знаете ли Вы, что сдѣлали съ тверскими дворянами. Посадили ихъ въ клѣтки» и т. д... Костливцевъ струсилъ и заявилъ, что, если министру угодно, онъ подастъ въ отставку. Оржевскій прочиталъ ему отеческое наставленіе, требовалъ, чтобы онъ не подавалъ въ отставку, пока министръ не дастъ ему на это приказаніе. То же самое случилось и съ Савичемъ (предводитель губернскій). Онъ тоже растерялся и въ оправданіе принесъ стенографическій оттискъ о засѣданіи. — *Оржевскій*: «Да въ отчетѣ совсѣмъ нѣтъ о требованіи свободы слова. Оставьте этотъ оттискъ, я покажу министру». Все это обошлось келейно, по-семейному (хотя и говорилось, что есть Высочайшее повелѣніе). Повелѣніе не показывалось провинившимся школьникамъ, которые, получивъ ферулу строгаго учителя, покаялись въ своихъ вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеніяхъ и были за такое покаяніе отпущены съ миромъ домой.

Канцлеръ Горчаковъ.

Недавно сошелъ въ могилу, пережившій и себя и свою славу, маститый канцлеръ Россіи. Я не находился въ числѣ близкихъ ему лицъ, но знаю многихъ, которые видѣли его почти ежедневно и были въ числѣ его intimes (Стремоуховъ, Стуартъ и много другихъ). Отъ этихъ господъ я слышалъ кое-что объ Горчаковѣ и занесу эти факты въ свою записную книжку. Трудно судить государственнаго человѣка въ монархіи абсолютной, когда все зависитъ отъ личныхъ взглядовъ государя. Государи наши считали себя à tort ou à raison хорошими дипломатами и вели иностранную политику на собственный страхъ.

Удачнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ была Екатерина II, отчасти Александръ I, сломившій Наполеона. Обсуждая политику Горчакова, нельзя не замѣтить двухъ крупныхъ промаховъ. Первый разъ во время франко-прусской войны Россія сыграла безкорыстную дуру и поддержала Пруссію à ses risques et périls, не взявши себѣ ни одного клочка землицы. Компенсаціею — уничтоженіе унизительнаго параграфа Парижскаго трактата, такой пустякъ, о которомъ и не стоитъ говоритъ. Правда, газеты возносили Горчакова до небесъ и за эту доблесть, и даже министерство явилось in corpore поздравить канцлера. Но это современный судъ, а судъ современный не нелицепріятенъ и не совсѣмъ безкорыстенъ... Вторую ошибку сдѣлали мы, когда

рѣшились послѣ побѣдоносной войны отказаться отъ обладанія Константинополемъ, когда мы, побѣдители, пошли въ качествѣ подсудимыхъ (какъ сказалъ Аксаковъ и многіе другіе) вымаливать у Европы ратификацію нашихъ побѣдъ.

Говорятъ, что, не сдѣлай мы уступокъ, противъ насъ пошла бы вся Европа. Risum teneatis amici. Какая Европа? *Франція* была слишкомъ занята своими внутренними дѣлами и слишкомъ напугана войною. *Германія*, благодаря родственнымъ связямъ государей и честному, рыцарскому характеру Вильгельма, была бы за насъ, несмотря на всѣ происки Бисмарка. Это было бы и хорошею политикою, потому что Германія не была обезпечена на счетъ Франціи. *Австрія* со скрежетомъ зубовнымъ, конечно, примирилась бы съ совершившимся фактомъ. Остается одна *Англія*. Вотъ съ нею можно было поторговаться, дать ей острова, Египетъ. Мнѣ всегда смѣшно, когда говорятъ о коалиціи, угрожавшей намъ въ 1878 г. Англія преспокойно проглотила Египетъ, нѣмцы взяли Эльзасъ-Лотарингію и 5 милліардовъ, и никто въ Европѣ не пикнулъ. Даже и конгресса не созвали. Но скажутъ, что Горчаковъ тутъ не виноватъ, виноватъ другой, болѣе авторитетный человѣкъ, но онъ не подалъ въ отставку, потому что это былъ остроумный балагуръ, а не государственный человѣкъ, и человѣкъ жадный, алчный, корыстолюбивый. При громадномъ его богатствѣ, онъ былъ грязно скупъ. Свѣчи отпускались ему по расчету за каждый длинный зимній вечеръ. Перо, чернила, бумагу онъ бралъ изъ министерства. Книгопродавцы посылали ему книги на просмотръ, и онъ всегда устраивалъ такъ, что секретари его выписывали за свой счетъ книги, которыя читалъ самъ канцлеръ на даровщинку. «Mon cher Pritivitz,—говаривалъ онъ,—voilà les livres qu'on m'envoie»,—а потомъ—«renvoyez les», — а потомъ, когда ими пріобрѣтались книги, говаривалъ: «Donnez les moi je les feuilleterais»...

Отказаться отъ мѣста онъ не могъ, потому что содержаніе, получаемое имъ въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, — было ему дороже его славы, Россіи и всякихъ другихъ соображеній. О скаредности канцлера разсказываетъ Стуартъ: въ бытность его въ Будапештѣ онъ занялъ всю квартиру Стуарта и жилъ почти на его харчахъ, бралъ его карету, опустошалъ его погребъ, и все это дѣлалось съ видомъ добродушія и ласки. Стуартъ, положимъ, не бѣдный человѣкъ, но, во всякомъ случаѣ, человѣкъ семейный, съ годовымъ доходомъ въ 15 т., имѣетъ много тратъ и безъ такого экстраординарнаго гостепріимства. — Ce vin est très bon, je le prend pour moi. Даже Лейхтенбергскому, который хотѣлъ дотронуться до какого то ликера, онъ замѣтилъ, что

ликеръ предназначенъ ему. Орлова разсказывала мнѣ, что она, когда Горчаковъ былъ гдѣ-то инкогнито (изъ-за скупости) въ Германіи, сказала нарочно содержателю гостиницы, что это канцлеръ Горчаковъ. Содержатель гостиницы и подалъ канцлерскій счетъ, чѣмъ возбудилъ ужасную ярость канцлера.

Вотъ что разсказывалъ гр. Сансе о скаредности князя. Въ Швейцаріи, когда къ нему пріѣхалъ Жомини, онъ огорошилъ его слѣдующими словами: «je ne dîne pas chez moi, on dîne très bien en face», показывая на ресторанъ и далъ тѣмъ понять, что онъ не намѣренъ угостить его обѣдомъ. Другой разъ съ нимъ обѣдалъ Новиковъ и не рѣшился заплатить за обѣдъ. — Канцлеръ вывелъ его изъ затрудненія: «Regardez dans Votre note, si on a mis le dîner. On se trompe parfois».

Третій разъ дѣло было въ отправкѣ телеграммы поздравительной отъ русскихъ въ Швейцаріи. Горчаковъ самъ составилъ телеграмму и передалъ ее кельнеру. «Aber das Geld?» рѣшилъ замолвить словечко кельнеръ. «Das Geld» нашелся Горчаковъ, — «zahlen die Herren», указывая на стоящихъ кругомъ него русскихъ.

Скандальна также еще одна черта въ его характерѣ. Онъ всюду пристраивалъ своихъ родственниковъ. Гирсъ (тупица) тоже вышелъ въ люди, благодаря тому, что женатъ на племянницѣ Горчакова. Поведеніе его сына (посланника въ Мадридѣ) тоже не изъ похвальныхъ.

Что же выходитъ въ итогѣ? Горчаковъ, при несомнѣнномъ умѣ, остроуміи, не обладалъ умомъ государственнаго человѣка, былъ жаденъ, потворствовалъ непотизму и смотрѣлъ на министерство иностранныхъ дѣлъ, какъ на свою вотчину, и когда нужно было ставить на карту не состояніе, а только казенное жалованье, пассовалъ и цѣплялся за это жалованье съ цѣпкостью какого-нибудь Плюшкина. Интересы Россіи были ли дороги ему? Настолько, насколько онъ дорожилъ своею славою. Онъ былъ либеральнаго образа мысли, говорилъ хорошо въ Государственномъ Совѣтѣ, когда дѣло касалось прессы. Но это еще мало.— Лицейская закваска сидѣла въ немъ, и это была хорошая закваска во всякомъ случаѣ. Онъ никогда не хотѣлъ зануздывать печать и всегда ратовалъ за свободу, прислушивался къ общественному мнѣнію. Это былъ бюрократъ старой школы, остроумный, образованный, съ либеральными поползновеніями.

Знаменіе времени въ Петербургѣ.

Бывалъ я въ обществѣ, только рѣже, чѣмъ прежде [1]). Всѣ точно выдохлись и винтятъ напропалую. Не слышно оживлен-

[1]) Авторъ въ это время (конецъ 1883 г.) служилъ въ Азіатскомъ департаментѣ мин. ин. д.

ныхъ споровъ, точно все уже пережевано, передумано и самымъ существеннымъ занятіемъ является винтъ, который, кажется, гипнотизируетъ общество. Что это — спячка, разложеніе или роздыхъ передъ подъемомъ умственныхъ и нравственныхъ силъ. Какъ прежде либералы властвовали повсюду, такъ теперь раздается голосъ чревовѣщающихъ ретроградовъ. Какихъ вздоровъ не наслушаешься въ промежутокъ между картами и ѣдою. Салонъ З. Ю. Яковлевой, прежде либеральный и даже радикальный, обратился вдругъ въ правительственный. Ей льститъ, что она знакома съ министрами, съ директорами канцеляріи... Vanitas vanitatum. Бываю я и въ настоящемъ, подлинномъ реакціонномъ салонѣ: И. П. Корнилова [1]). Самъ хозяинъ милѣйшій, добрѣйшій человѣкъ. Говоритъ съ потугами, тягучимъ голосомъ, растягивая слова. Славянофилъ по убѣжденіямъ, онъ сочувствуетъ реакціоннымъ мѣрамъ, хотя неспособенъ сдѣлать кому-нибудь зло. Тамъ бываетъ эпитропъ [2]) Тертій Филипповъ, который стоитъ за университетскій уставъ Толстого. Онъ изрыгаетъ брань противъ новыхъ судовъ, земства, Тургенева и т. д. Теперь это важная персона — товарищъ министра и держитъ себя съ важностью, подобающей его сану. Оторствовалъ на счетъ того, что министры и директора департаментовъ не должны подавать руки подчиненнымъ, какъ это дѣлалось въ доброе старое время при Пеликанѣ, и въ этомъ, кажется, видитъ основу будущаго благополучія Россіи. Говоритъ съ негодованіемъ о Зарудномъ, который, будто бы, вводитъ адвокатскіе пріемы въ Сенатѣ, защищая горячо какого-то несчастнаго, осужденнаго на каторгу. Ему вторитъ П. П. Семеновъ (тоже сенаторъ). Шепелявымъ голосомъ разсказываетъ онъ о прежней комиссіи при гр. Ростовцевѣ и, какъ говорятъ его ближайшіе друзья, слегка привираетъ. Онъ тоже ругаетъ новые суды и находитъ, что старые суды, куда лучше ихъ. Возражалъ ему кто?— Какъ Вы думаете? — Юзефовичъ — бывшій директоръ (?) Третьяго Отдѣленія. Voilà on le libéralisme va se nicher. Онъ же, Юзефовичъ, декламируетъ стихи Апухтина и вообще стихи съ либеральнымъ оттѣнкомъ.

Тамъ бываетъ Гедеоновъ (сенаторъ). Кирѣевъ, который всегда разсказываетъ какую-нибудь придворную новость, Батюшковъ[3]), Гильдебрандтъ, изъ «Голоса» перелетѣвшій съ легкимъ сердцемъ

---

[1]) И. П. Корниловъ попечитель Виленс. учебн. округа (1864—1868), членъ совѣта мин. нар. просв., ум. въ 1901 г. *Ред.*

[2]) Гроба Господня; товарищъ госуд. контролера; съ 1889 г. госуд. контролеръ; умеръ въ 1899 г. *Ред.*

[3]) Помп. Никол., бывш. попечит. Вилен. учеб. округа, ум. въ 1892 г. *Ред.*

въ «Берегъ» и теперь реакціонирующій напропалую. Видѣлъ я тамъ и Шейна, собирателя пѣсенъ, почтеннаго Кояловича, который, несмотря на свои симпатіи, признаетъ, что молодежь ведутъ Богъ знаетъ куда. Изъ ученыхъ завсегдатаевъ Бычковъ, а изъ западниковъ самыхъ убѣжденныхъ Ратынскій[1]), любящій за ужиномъ разсказывать какіе-нибудь неприличные анекдоты... Время проходитъ всетаки весело, потому что эти старички живутъ, не то что молодежь, т.-е. люди шестидесятыхъ годовъ. Вообще старики какъ-то живучѣе людей нашего поколѣнія. Послѣдніе извѣрились, изломались. Въ салонѣ Корнилова читаютъ стихи реакціоннаго направленія на Тургенева, на его похороны, на его «Дымъ» и т. д.

На Зарудnаго сыплются со всѣхъ сторонъ нападки. Семеновъ и многіе другіе видятъ въ немъ главнаго виновника зла, т.-е. введеніе новыхъ судовъ, который такъ и называется судомъ Вѣры Засуличъ. Тѣмъ болѣе интересно имъ заняться. Имѣя удовольствіе знать его съ давнихъ поръ, я постараюсь въ краткихъ чертахъ нарисовать его личность. Жаль, что я былъ слишкомъ молодъ въ періодъ его славы и могущества, когда онъ былъ блестящимъ статсъ-секретаремъ. Теперь это старикъ съ нѣкоторыми чудачествами. Одно время онъ занимался садоводствомъ, и вся квартира его была заставлена горшками цвѣтовъ подъ стеклянными колпаками. Потомъ онъ написалъ своего «Беккарію»[2]). Затѣмъ взялся за переводъ Данте. Я все совѣтую ему заняться описаніемъ того времени, когда онъ былъ въ силѣ и разсказать тогдашнія теченія общества. Онъ отвергаетъ отвѣтственность за суд. уставы. Онъ былъ всегда за судъ коронный и даже находилъ, что интересы правительственныхъ учрежденій (госуд. имущ.) должны быть поставлены выше интересовъ частныхъ лицъ. Онъ стоялъ за правду, за гласность суда и за судъ присяжныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Но при первомъ появленіи его проекта его мысль считалась ужаснымъ новшествомъ. Но прошло нѣсколько лѣтъ, и его обвинили въ отсталости (кн. Гагаринъ). Движеніе переросло его, и тѣ, которые порицали его прежде за опасное новшество, теперь бранили его отсталымъ. Когда же началась реакція, то онъ не угодилъ опять Палену, который захотѣлъ затормозить судебную реформу. Для Польши, для Остзейскихъ провинцій уже давно выработаны проекты новыхъ судовъ, но эти проекты остались подъ спудомъ, а проекты для Остзейскихъ провинцій велѣно хранить подъ секретомъ. Всѣ ухищренія

[1]) Членъ совѣта главн. упр. по дѣламъ печати, *Ред.*

[2]) «Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ во сревненіи съ главою X Наказа Екатерины II и съ современными русскими закоми». Спб. 1879 г. *Ред.*

Палена ввести поправки къ Уставамъ разбивались о сопротивленія ст.-секр. Заруднаго, который отстаивалъ свое мнѣніе всячески въ Государственномъ Совѣтѣ. Мнѣніе министра претерпѣвало фіаско за фіаско. Не помню, къ какому случаю придрались и доложили государю, что виноватъ во всемъ Зарудный. Живо его перевели въ старый Сенатъ доканчивать свой вѣкъ.

Онъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ возражалъ противъ новаго закона о печати по поводу троекратныхъ предостереженій. Онъ имѣлъ неосторожность привести мнѣніе Эмиля де-Жирардена по этому вопросу. Это нашли въ высшей степени неприличнымъ. Бываетъ онъ изрѣдка у Головнина, котораго Мещерскій назвалъ розовымъ старичкомъ. Тамъ бываютъ литераторы, которыхъ онъ кормитъ тонкими обѣдами. У Заруднаго есть излюбленныя словечки въ родѣ гвалтъ, проказа... учинили мы эту проказу, т.-е., сочинили такой-то проектъ. Въ немъ есть, дѣйствительно, нѣкоторыя странности... Но во всякомъ случаѣ, это человѣкъ, котораго нельзя третировать съ кондачка.

Бываю я иногда у Г. И. Успенскаго. Онъ очень симпатичный, милый, хорошій человѣкъ, я часто съ нимъ спорю. Онъ утверждаетъ, что бѣдность теперешней литературы зависитъ отъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ поставлена печать. Я утверждалъ противное, находя, что тяжелое Николаевское время не помѣшало Гоголю, Бѣлинскому, Тургеневу, Достоевскому выйти на свѣтъ Божій.

...Успенскій находитъ, что жизнь теперь сложнѣе и что теперь цѣлая область замуробана отъ нынѣшняго литератора. Цѣлой области и самой интересной нельзя касаться.—Тогда пишите за границею,—сказалъ я ему. Онъ разсказалъ мнѣ одинъ фактъ. Одна молодая образованная дѣвушка, экзальтированная и сосланная административнымъ путемъ, встрѣтилась съ какимъ-то рабочимъ, который былъ сосланъ за преступленіе въ родѣ кражи. Онъ сумѣлъ подладиться подъ нея и она вышла за него замужъ. И потомъ сослали куда-то далеко, и вотъ, въ одинъ прекрасный день онъ зарѣзалъ ее и себя самого. Осталась маленькая дочь. Триста верстъ отъ людей. И вотъ эту дочь пріютила какая-то тоже сосланная, потерявшая ребенка. «Вотъ драма,—сказалъ Успенскій,—а мы этой драмы не можемъ касаться».

Видѣлся я и съ (С. Н.) Кривенко. Онъ разсказалъ мнѣ про ссылку Ранцева. Ранцевъ черезъ какого то чиновника добылъ какія-то свѣдѣнія по проекту Толстого и напечаталъ статью въ «Новостяхъ». Когда проектъ провалили въ Государственномъ Совѣтѣ, то кто-то изъ членовъ Государственнаго Совѣта замѣтилъ всемогущему министру, что объ этомъ уже писали въ газетахъ и

очень дѣльно. Толстой навелъ справки и потребовалъ отъ Нотовича признанія, кто доставилъ ему эти свѣдѣнія. Нотовичъ уже былъ готовъ выдать чиновника съ головою, но этому воспротивился Ранцевъ и взялъ вину на себя. Тогда его пригласилъ Оржевскій къ себѣ, а затѣмъ и Толстой, и оба настаивали на томъ, чтобы онъ выдалъ злополучнаго чиновника. Ранцевъ даже упомянулъ Толстому, что онъ, какъ дворянинъ, долженъ понять, какъ постыдно играть роль доносчика. «А въ такомъ случаѣ,—заключилъ пренія Толстой,—Вы выѣдете изъ Петербурга въ 24 часа». — Вотъ человѣкъ, обремененный семействомъ и существующій литературнымъ трудомъ, выброшенъ на улицу!

Гр. Кассини разсказывалъ о случаѣ съ Шуваловымъ, который, хотя и не отличается умомъ, но принадлежитъ къ числу людей, глубоко преданныхъ престолу. Онъ дорожитъ своими вензелями (генералъ свиты). Въ качествѣ Предсѣдателя Тюремнаго Комитета онъ вздумалъ пойти наперекоръ Толстому и въ Государственномъ Совѣтѣ роздалъ членамъ записку, составленную, конечно, не имъ самимъ, въ которой опровергалось цифрами, самыми убѣдительными, мнѣніе Толстого. И вотъ ему велѣно подать въ отставку (онъ числился въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ) и отказаться отъ предсѣдательства въ Тюремномъ Комитетѣ подъ угрозою болѣе строгой кары. Толстой велѣлъ ему сказать, что онъ сиимаетъ съ него даже вензеля. «И вотъ человѣкъ,—прибавилъ гр. Кассини,—который отличался своею собачьей привязанностью, вотъ онъ тоже теперь униженный, оскорбленный, находится въ числѣ недовольныхъ».

Вообще надо сказать, что толпа недовольныхъ растетъ съ каждымъ днемъ. Недовольны не мѣропріятіями Правительства, а скорѣе финансовыми мѣрами, которыя бьютъ по карману обывателя Петербурга. Недовольные мѣропріятіями реакціоннаго характера составляютъ меньшинство. Большинство ропщетъ на низкій курсъ, на поборы, на отсутствіе экономіи въ государственномъ хозяйствѣ. Нельзя не отмѣтить слѣдующій курьезъ: Толстой хочетъ повысить дворянство и скоро изъ дворянства сдѣлаетъ особенную привилегированную касту, въ которую не будутъ допускаться чиновники, выслужившіе извѣстный чинъ, а дворянство будетъ даваться по особому Высочайшему повелѣнію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, интересы требуютъ того, чтобы привлечь дворянство къ уплатѣ налоговъ. И такъ одинъ министръ (Бунге) дѣйствуетъ наперекоръ другому. Молчаніе прессы объ этихъ щекотливыхъ вопросахъ не уясняетъ положенія вещей. Въ ходъ пошла рукописная литература, стишки и даже, говорятъ, прокламаціи.

Про Побѣдоносцева ходятъ слѣдующіе неказистые стихи:

Побѣдоносцевъ для Синода,
Бѣдоносцевъ для народа,
Доносцевъ для Царя,
Р . . .цевъ для себя. —

А вотъ еще стихи, проникшіе даже въ заграничную печать:

Собрался въ Гатчинѣ квинтетъ,
На флейтѣ отличается Поссьетъ,
Катковъ читаетъ Иліаду,
Толстой Жуковскаго балладу,
Ванновскій на тромбонѣ играетъ польскій маршъ,
Побѣдоносцевъ читаетъ «Отче Нашъ»,
А Дашковъ-Воронцовъ, въ зубы взявъ гобой,
Поетъ . . . . . .

Толстой, говорятъ, хвастается тѣмъ, что похоронилъ Каханов-скую комиссію. Лозунгъ его — успокоеніе общества, отсутствіе реформъ, потому что никакихъ реформъ не нужно. На нашу жалкую оппозицію онъ можетъ махнуть рукою... Вотъ среди этого затишья, прозябанія общественнаго, вдругъ разнеслась тревожная вѣсть: Судейкина убили въ его же собственной квартирѣ. Убилъ его одинъ изъ покаявшихся соціалистовъ[1]). Заграничныя газеты были полны этимъ дѣломъ, но и въ городѣ ходили самые разнорѣчивые слухи. Это убійство явилось какъ deus ex machina. На самого Корнилова (И. П.) это происшествіе произвело впечатлѣніе лопнувшей бомбы. Значитъ они существуютъ, не всѣхъ поймали, — слышались возгласы со всѣхъ сторонъ. Либералы теперь какъ будто подняли голову, заговорили самоувѣреннѣе, громче и съ нѣкоторымъ злорадствомъ. Самыя похороны Судейкина, по словамъ Стуарта, который на нихъ присутствовалъ, имѣли видъ печальный, мрачный. Какъ ни хотѣли устроить лояльную демонстрацію, но демонстрація вышла жалкою, и неудачною, если сравнить ее съ похоронами Тургенева.

Тутъ не помогло и присутствіе многихъ высокопоставленныхъ лицъ, военнаго эскорта съ музыкою, потому что обыкновенные обыватели отсутствовали на этой печальной процессіи.

Люди измѣняются въ наше время такъ быстро, что не успѣваешь заносить эти метаморфозы въ свою лѣтопись. Давно ли Суворинъ увлекался славянскимъ вопросомъ. Теперь онъ махнулъ на нихъ рукой. Я имѣлъ съ нимъ интересный разговоръ по поводу статьи моей «Наши пессимисты». Оптимизмъ мой ему не понравился. Не понравились ему и мои намеки на болѣе

[1]) Извѣстный предатель С. Дегаевъ, устроившій послѣ своего покаянія убійство Судейкина, по требованію революціонеровъ. См. о немъ въ журналѣ «Былое». 1906 г., №№ 4 и 8, *Ред.*

свободныя начала въ русской жизни. — Изъ-за этихъ г....ыхъ (sic) славянъ я не хочу рисковать предостереженіемъ. Не стоятъ они. Когда я напомнилъ ему, что онъ публицистъ, что теперешняя печать что-то бормочетъ себѣ подъ носъ и разучилась говорить, онъ согласился и разразился діатрибою противъ печати.

По его мнѣнію, газеты только одна пагуба, одинъ онанизмъ, ни одной мысли не пустили въ оборотъ. Вотъ Тургеневъ, Пушкинъ — это другое дѣло. — А даже Эмиль де-Жирарденъ, что онъ сдѣлалъ? Все однѣ фразы. Вотъ дворнику не нужна никакая газета, никакая свобода, никакая конституція, а нуженъ ему теплый уголъ, наполнить брюхо. Приравнивая газетное дѣло къ онанизму, онъ настаивалъ на томъ, что слѣдуетъ уничтожить газеты. Вотъ я бы сдѣлалъ такъ: заперся бы на нѣсколько лѣтъ куда нибудь въ крѣпость, чтобы до меня не добрались лихіе люди, и запретилъ на шесть лѣтъ всѣ газеты. Думаю, что будетъ не глупая вещь. Искусство, живопись пускай существуютъ. — «И такъ вамъ остается одно возразилъ я ему, — закрыть лавочку и перестать заниматься онанизмомъ». Это интересный признакъ времени—признаніе Суворина, извѣрившагося въ святость и полезность своей дѣятельности. Ожирѣлъ и потерялъ прежнюю энергію къ дѣлу.

Правительство наше тоже страдаетъ шатаніемъ мысли. Нѣтъ духа жива, нѣтъ умѣнія подобрать себѣ подходящихъ людей. Вотъ существуютъ такіе люди, какъ Кандауровъ, преданный Толстовской системѣ, искренній, убѣжденный консерваторъ, человѣкъ не безъ дарованія, и ему не могутъ найти дѣятельности. Также Татищевъ, перешедшій изъ блестящихъ секретарей посольства въ департаментъ исполнительной полиціи[1]), человѣкъ, годный на всякое, даже не совсѣмъ опрятное дѣло, человѣкъ съ большими способностями. И онъ тоже безъ дѣла и ищетъ куска хлѣба. Правду говоритъ пословица — «Quem deus perdere vult...» И чувствуется, что мы неудержимо стремимся къ какой-то безднѣ, которая поглотитъ насъ. Промахи наростаютъ одинъ за другимъ, недовольство, неустройства всякаго рода и все это вмѣстѣ готовитъ насъ къ ужасной катастрофѣ, которая не заставитъ долго ждать себя. Довольно.

21 апр.

Послѣдовало увольненіе отъ службы профессора московскаго университета Муромцева и доцентовъ университета св. Влади-

[1]) Серг. Спир. Татищевъ былъ секретаремъ посольства въ Вѣнѣ въ 1881—83 г., чиновникъ особ. поруч. при мин. вн. дѣлъ гр. Игнатьевѣ и гр. Толстомъ. Позднѣе пріобрѣлъ извѣстность своими историческ. трудами. Умеръ въ 1906 г. *Ред.*

міра — Мищенко и харьковскаго — Сыцянко. Ходатайство совѣта московскаго университета о назначеніи доцентомъ магистра Дриля отклонено.

Высочайшимъ повелѣніемъ 5 іюля изъяты изъ обращенія въ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ 125 сочпненій разныхъ авторовъ, русскихъ и иностранныхъ, и слѣдующіе журналы: «Современникъ», «Русское Слово», «Знаніе», «Слово», «Русская Мысль», «Отечественныя Записки», «Дѣло» и «Устои». Отъ содержателей библіотекъ отобраны подписки о невыдачѣ для чтенія этихъ изданій.

Іюль.

Холодно и жарко, скучно, нечего читать и въ ожиданіи холеры... Остается одно: записать мелкіе факты нашей сѣренькой общественной жизни... Происходитъ что-то довольно странное... Вдругъ блеснетъ откуда-то молнія, то опять затихнетъ и опять тишь и благодать — ничего не разберешь... Судейкина убили... Разговоры безъ конца первую недѣлю, потомъ Судейкинъ, Дегаевъ и tutti quanti надоѣли, какъ горькая рѣдька и всѣхъ сдали въ архивъ... Винтъ воцарился снова въ обществѣ, на сценѣ Тамберликъ... Восторги, охи, ахи безъ конца... И вдругъ хлопъ— запретъ «Отечественныхъ Записокъ»... Щедринъ, говорятъ, написалъ своихъ трехъ Мишекъ (Мишка Топтыгинъ I, II, III). Но развѣ общество занималось ими. Прочитали, посмѣялись и опять забыли. Гораздо больше говорили о Тамберликѣ и разныхъ театральныхъ знаменитостяхъ.

Я, конечно, не говорю о зеленой молодежи; та, говорятъ, ходитъ точно потерянная и словно ее обухомъ по головѣ ударили. Принимали также участіе живое и ближайшіе знакомые пострадавшихъ (и то матеріально). Говорили: такому то нечего ѣсть, куда онъ дѣнется... и т. д. Въ салонѣ З. Я. разсказывали, что рѣшено было разомъ прекратить «Вѣстникъ Европы», «Дѣло», «Русскую Мысль», но будто бы Набоковъ былъ противъ такого поголовнаго избіенія журналистовъ. Слишкомъ большое впечатлѣніе произведетъ въ обществѣ, а лучше помаленьку одинъ за другимъ прикончить.

Итакъ, я говорю, что эти мѣропріятія произвели нѣкоторое впечатлѣніе, но не такое сильное, какъ игра какой-нибудь Югальдъ, о которой вдругъ заговорилъ весь Петербургъ. Послѣднее мѣропріятіе насчетъ изъятія, по-моему, даже комично. Вотъ ужъ что называется по воробьямъ изъ пушекъ стрѣлять. И зачѣмъ всѣхъ валить въ одну кучу.

Страшно это легкомысліе, это шатаніе между сатирами Щед-

рина, сочувствіемъ къ Славянству и Югальдѣ, и опереткою. Оперетка гораздо страшнѣе сатиръ Щедрина. Сатиру Щедрина надо. во-первыхъ, понять, а для этого требуется нѣсколько бо̀льшее пониманіе.

Все это пришло мнѣ въ голову, когда я въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ присутствовалъ при въѣздѣ свадебнаго кортежа Сергѣя Александровича. Были приглашены на балконъ вся fine fleur, все молодые люди, которые не иначе говорятъ, какъ по-французски, знаютъ до тонкости бульварную жизнь Парижа, всѣхъ лучшихъ портныхъ, гостиницы и, навѣрно, не читавшихъ Щедрина (или только изрѣдка)... И я былъ удивленъ разговорами, которыхъ мнѣ пришлось наслушаться.

Общее впечатлѣніе — разряженная толпа, смотрящая на какое-то опереточное представленіе. Ни капельки почтенія, благоговѣнія. — Золотыя кареты напомнили мнѣ видѣнное въ циркѣ Cendrillon: et maintenant nous allons gueuler (т.-е. кричать ура).

Въ этомъ же шуточномъ тонѣ говорилось о разныхъ взрывахъ. Однимъ словомъ, не видно было ни теплоты чувства, которымъ изобиловали люди Николаевскаго времени, вспоминающіе со слезами на глазахъ о какомъ-нибудь словѣ Николая I. А тутъ точно собрались смотрѣть на какихъ-то скомороховъ, напоминающихъ какой-то церемоніалъ (Людовика XIV) для потѣхи публики... Вотъ это страшно... На такихъ рабовъ нечего и надѣятся, они разбѣгутся при первыхъ выстрѣлахъ... А народъ? Народъ показываетъ уже себя. Въ Нижнемъ Новгородѣ опять погромъ, да почище прежнихъ. Топоры пошли въ ходъ... Вотъ надо было видѣть, какъ встрепенулась петербургская буржуазія. Перестрѣлять ихъ... Тьеръ цѣлыя тысячи разстрѣливалъ... Винтъ даже забыли на минутку. За живое схватило. Почувствовали недомоганіе какое-то, а ну какъ на насъ обратятся теперь эти топоры...

Для того, чтобы понять наше время, недостаточно читать газеты. Газеты уже не выражаютъ того, что творится въ обществѣ. Въ обществѣ офицерскомъ говорятъ, напр., о многочисленныхъ арестахъ. У насъ въ Новгородѣ одного арестовали — сынъ станового... Говорятъ, скрывалъ Дегаева. Слышно—тамъ и сямъ идутъ аресты усиленные между артиллеристами. Что говорится въ этихъ кружкахъ, одному Богу извѣстно. А газеты говорятъ о разныхъ вздорахъ...

То уничтожаютъ, то возстанавливаютъ Судъ... То захлебываются по поводу права, даннаго земству ходатайствовать о своихъ нуждахъ, то вдругъ весь сенатъ обвиняютъ въ государственной измѣнѣ... И старички стали опасными... Старички просто не

хотятъ тупой, глупой реакціи, изъ которой въ концѣ концовъ ничего не выйдетъ...

Газеты уже раздули эту борьбу съ министромъ Толстымъ въ какое-то важное событіе. Сенатъ позволилъ земствамъ ходатайствовать и запретилъ губернаторамъ задерживать земскія ходатайства. Сенатъ позволилъ казанскому земству отслужить панихиду о Кошелевѣ и Корфѣ. Кому-то мерещатся парламенты наканунѣ французской революціи...

Но довольно. Опубликовано, наконецъ, распоряженіе о приходскихъ школахъ. Вотъ уже ridiculus mus. На всю эту исторію, говорятъ, ассигнуютъ 150.000 р... тогда какъ въ одной нашей губерніи всѣхъ школъ на 200 т. р. Какъ мѣра для образованія, она не имѣетъ никакого значенія, потому что сумма слишкомъ мала, а какъ сдерживающая мѣра нѣчто въ родѣ тормоза... тоже не достигаетъ цѣли, потому что ради пятисотъ школъ (положимъ даже такъ много) — не задержится образованіе въ другомъ духѣ. Да и расчетъ на наше духовенство плохой. Вотъ нашъ попъ Иванъ всегда пьянъ и говоритъ всегда въ риѳму... Другой Мшенскій попъ тоже безъ просыпу...И такъ много придется между этими пастырями отыскивать дѣльнаго трезваго человѣка... Все полу-мѣры; шагъ впередъ, и шагъ назадъ, а недовольство отъ этихъ полумѣръ растетъ. Военные ученые недовольны, что армію сравняли съ артиллеріею. Все, говорятъ, изъ боязни къ образованію. Всѣ министры въ ссорѣ другъ съ другомъ. Единства нѣтъ никакого. Другъ друга подсиживаютъ; интригуютъ, и сплетничаютъ, а при этомъ говорятъ: l'ordre règne à Varsovie. Толстой, безъ сомнѣнія, человѣкъ умный, энергичный, но и онъ ничего не сдѣлаетъ... У насъ еще не могутъ быть Бисмарки...

Онъ справился съ «Отечественными Записками», съ либералами, но справится ли онъ съ холерою, которая не сегодня - завтра пожалуетъ къ намъ въ гости — Vedremo...

Списокъ сочиненій, изъятыхъ изъ обращенія, напечатанъ сегодня «Новостями»...

Эта мѣра бьетъ по карману и только. Другихъ послѣдствій не будетъ. Каждое прекращеніе журнала выбрасываетъ за бортъ цѣлую стаю голодныхъ ртовъ и бросаетъ ихъ въ объятія революціи. Всѣ, начиная отъ сочинителей и кончая какимъ-нибудь несчастнымъ метранпажемъ, всѣ очутятся на мостовой. Не могу не привести здѣсь разсказа Стуарта... Онъ большой любитель конокъ и ради этихъ конокъ теряетъ время... Такой дешевый способъ передвиженія (на верху 3 коп.) ставитъ дѣйств. статскаго совѣтника въ довольно смѣшныя столкновенія. Сидитъ онъ разъ около какихъ-то обтрепанныхъ субъек-

товъ. Начинается между его сосѣдями разговоръ: «Какъ дѣла?—Плохо... Съ тѣхъ поръ, какъ Лориса нѣтъ, тряпка совсѣмъ не идетъ»... Нашъ баронъ прислушивается и въ концѣ разговора понимаетъ, что эти моветоны во время Лориса поставляли тряпку на бумажныя фабрики, а фабрики, послѣ закрытія многихъ журналовъ, газетъ, стали меньше требовать этой самой тряпки. И вотъ все такъ въ нашей соціальной жизни. Каждое правительственное распоряженіе захватываетъ самый широкій кругъ разныхъ мелкихъ интересовъ и порождаетъ неувѣренность въ будущемъ въ какомъ-нибудь тряпичникѣ, которому, наприм., нѣтъ дѣла до литературы, создаетъ почву, удобную для всякихъ анархическихъ и революціонныхъ экспериментовъ.

Гр. де-Волланъ.